

Российская Академия Наук
Институт философии

Л.Б.Макеева

ФИЛОСОФИЯ Х.ПАТНЭМА

Москва
1996

В авторской редакции

Рецензенты:
доктора филос. наук: *М.И.Панов,*
А.Л.Никифоров

М-15 **Макеева Л.Б. Философия Х.Патнэма. - М., 1996. - 190 с.**

Работа посвящена известному философу США Хилари Патнэму (род. в 1926 г.), чьи идеи и творческие поиски в немалой степени определяют “лицо” американской философии наших дней. Выбрав в качестве связующей темы в творчестве этого философа его исследования по проблеме реализма, автор выявляет внутреннюю логику в эволюции его взглядов (от “научного реализма” к концепции “внутреннего реализма” и к реализму здравого смысла) и показывает соотносительность этой проблемы с широким спектром изысканий Патнэма в методологии науки, философии языка, гносеологии и философии сознания. Изложенный в работе материал позволяет составить общее представление о современных подходах и методах решения одного из центральных философских вопросов - проблемы реализма.

Введение

Это историко-философское исследование посвящено Хилари Патнэму, одному из наиболее известных американских философов наших дней. Ученик Р.Карнапа и Г.Рейхенбаха, Патнэм с начала 60-х годов прочно занимает одно из ведущих мест в англо-американской аналитической философии. Его вклад в разработку современных философских проблем оценивается очень высоко мировым философским сообществом. Анализу взглядов Патнэма посвящено немало исследований¹; он является одним из наиболее часто цитируемых философов в США, причем на него ссылаются авторы, пишущие по самым разнообразным философским проблемам. Но не только известность Патнэма и его принадлежность к числу ведущих современных аналитических философов послужили стимулом для написания этой работы; более важную роль сыграло здесь то обстоятельство, что в творчестве Патнэма одно из главных мест занимает тема, которая вновь стала центральной для философов наших дней. Мы имеем в виду реализм. Ни одна другая тема не поляризует современную философию в такой мере, как это делает реализм, который для одних выступает как худшее проявление "логоцентризма", а для других служит гарантом объективного знания. Можно без преувеличения сказать, что противоборство между реализмом и антиреализмом составляет сегодня передний фронт философских сражений.

Как многие аналогичные термины, реализм в философии охватывает целый спектр проблем и связанных с ними позиций. В наиболее общей формулировке он означает признание существующей вне сознания и независи-

мой от него реальности. Однако в зависимости от того, о реальности каких сущностей идет речь и в каком ракурсе рассматривается отношение между сознанием и внешним миром, реализм дробится на множество различных, хотя и связанных друг с другом, проблем. Реализм является проблемой метафизики, если он касается онтологического статуса таких сущностей, как универсалии, объекты, постулируемые научными теориями, предметы окружающего нас мира. Проблема реализма обретает гносеологический характер, когда она рассматривается в контексте обоснования возможности достоверного знания. Будучи связанным с вопросом об истинности предложений нашего языка, реализм образует важную тему в философии языка. Если же независимое существование внешних объектов анализируется под углом зрения их "включенности" в наш опыт, то реализм выступает как ключевая проблема философии восприятия и сознания.

Размышления о том, каков реальный мир, существующий вне и независимо от человеческого сознания, столь же древни, как сама философия. Хотя философы давно осознали, что мы не имеем прямого доступа к внешнему миру, как он есть сам по себе, и что наше знание о нем всегда детерминировано нашей биологической и социальной природой, хотя многих философов отличает стремление вынести этот "ноуменальный" мир за "скобки" философских построений, тем не менее в философии не исчезает и противоположное стремление — попытаться, осознавая всю "утопичность" поставленной задачи, понять, что же представляет собой реальность: реальны ли те вещи и их свойства, которые мы воспринимаем в своем опыте? Или реальностью обладают внутренние сущности и структуры вещей, раскрываемые наукой? Эти и подобные им вопросы всегда волновали философов и продолжают волновать сегодня.

Но если, как уже отмечалось, проблема реализма столь "многолика", то в каком аспекте ее исследуют философы в

наши дни? В чем специфика современной постановки этой проблемы и почему столь силен сегодня антиреализм? Для ответа на эти вопросы мы и обратились к творчеству Патнэма, для которого тема реализма образует "стержень" его философских исследований. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно лишь взглянуть на заголовки его основных трудов: "Сознание, язык и реальность" ("Mind, Language and Reality", 1975), "Реализм и разум" ("Realism and Reason", 1983), "Многоликость реализма" ("The Many Faces of Realism", 1987), "Репрезентация и реальность" ("Representation and Reality", 1989), "Реализм с человеческим лицом" ("Realism with a Human Face", 1992) и т.д. Стремление сформулировать позицию, которая, с одной стороны, сохраняла бы наши реалистические интуиции, а с другой — учитывала бы современный уровень философского осмысления ключевых проблем человеческого бытия и познания, является главным импульсом, определяющим направление философских поисков Патнэма. О том, насколько труден этот поиск и насколько последователен Патнэм в своей решимости "провести корабль реализма" между "Сциллой" догматизма и "Харибдой" релятивизма, говорит то многообразие концепций, которые он выдвигал и отстаивал в разные периоды своего творчества: "научный реализм", "внутренний реализм", "реализм с маленькой буквы", "естественный реализм" и т.д. Поэтому работа о философских взглядах Патнэма должна быть прежде всего работой о реализме. Именно это соображение и послужило основой для настоящего исследования, где реализм выбран нами в качестве связующей темы в творчестве Патнэма и одновременно в качестве главного двигателя в его творческой эволюции.

Биография Патнэма не богата событиями. Он родился в 1926 году в семье известного переводчика. В 1961–1965 гг. работал профессором Массачусетского технологического института, а с 1965 года и по настоящий день является профессором Гарвардского университета. На этом фоне

интеллектуальная жизнь Патнэма выглядит несравнимо более насыщенной и интересной. Он автор огромного числа философских трудов; ему принадлежит честь создания ряда философских концепций; его отличает высокое мастерство построения изощренных философских аргументов; у него прочная репутация блестящего оппонента и энергичного участника современных философских дискуссий.

В то же время Патнэм-философ обладает рядом особенностей, которые позволяют предположить, что в его творчестве как в зеркале отразились многие драматические коллизии, достижения и отступления, переживаемые современным философским реализмом. Поэтому знакомство с исследованиями Патнэма по проблеме реализма дает и некоторое представление об общем состоянии этой проблемы в современной англо-американской аналитической философии. Именно эти особенности патнэмовской манеры философствования позволяют многим видеть в нем сходство с Бертраном Расселом.

Так, согласно Джону Пассмору, "Патнэм обладает расселовской способностью менять убеждения в результате обучения у своих современников"². Такого же мнения придерживается и известный американский философ Ричард Рорти, который отмечает, что "среди современных аналитических философов Патнэм в наибольшей степени похож на Рассела — не только пытливостью ума и готовностью менять свои взгляды, но и широтой своих интересов и размахом своих социальных и этических изысканий"³. В этих довольно ироничных высказываниях тем не менее схвачены очень важные черты Патнэма-философа.

Действительно, спектр философских и научных интересов Патнэма чрезвычайно широк и включает исследования по философским проблемам математики, физики и квантовой механики, исследования по методологии науки и философии языка, разработку проблем логики, философии сознания и этики. Патнэм рассуждает о природе мате-

матических истин и защищает реализм против номинализма и конвенционализма в математике. Он стремится осмыслить такой важный аспект научного познания, как пересмотр научных теорий и истин и пытается согласовать его с научным реализмом. Патнэм критикует бихевиоризм и отстаивает функционализм в решении психофизической проблемы. Он является автором новой концепции референции и страстным критиком традиционной теории значения. Он рассуждает об истине и рациональности, анализирует понятие объективности человеческого знания и критикует метафизический реализм и релятивизм. Он размышляет о природе философских проблем и о судьбах философии в XX веке. Он анализирует проблемы философии восприятия и опровергает антиреализм. Это перечисление можно было бы продолжить и дальше, но сказанного достаточно, чтобы признать многогранность и широту творчества Патнэма и понять, насколько хорошо он знает всю "палитру" современных философских изысканий.

Нельзя отрицать и того факта, что Патнэм постоянно "генерирует" новые решения, объявляя свои прежние позиции недостаточно удовлетворительными. У многих критиков эта его склонность менять взгляды вызывает сильное раздражение; они называют Патнэма "движущейся мишенью" и объясняют этим его "недосягаемость" для критики. Пассмор ссылается на существующее мнение, что писать "о философии Патнэма все равно что пытаться поймать ветер рыболовной сетью"⁴. Для многих стремления Патнэма выработать более гибкую и адекватную концепцию реализма выглядят не более чем бесконечным метанием между реализмом и антиреализмом, свидетельствующих о неспособности сохранять убеждения перед лицом новых веяний. Патнэм действительно очень чутко относится ко всему новому, что появляется в философии, но стоит ли за этой его открытостью некритичное и беспринципное отношение? На его восприимчивость к новому можно посмотреть и

иначе, как это делает, к примеру, известный немецкий исследователь современной философии Вольфганг Штегмюллер. По его мнению, "соединение разнообразных черт, столь удачное, сколь и исключительное, определило центральное положение Патнэма в интеллектуальных дискуссиях современного англоязычного мира. Главной среди этих черт является его безошибочное чутье на то, что в необозримом многообразии современных дискуссий имеет подлинную ценность, чутье, которое сочетается у него со способностью в такой манере подойти к проблемам, что это неизменно обещает продвинуть нашу мысль в некотором новом направлении"⁵. Джеймс Конант, ссылающийся во *Введении* к книге Патнэма "Реализм с человеческим лицом" на это высказывание Штегмюллера, добавляет, что Патнэм, будучи философом, далеким от всех зигзагов современной моды, обращает внимание философов на "перегрузку" в наших убеждениях и вбивает клин в трещины наших современных догм, "действуя как сила, которая формирует преобладающую интеллектуальную программу нашего времени, а не просто подстраивается под нее"⁶.

Таким образом, "непостоянство" Патнэма не следует воспринимать как неумение держаться своих философских убеждений. Как и тридцать лет назад, Патнэм убежден в правильности реализма, но сегодня он, безусловно, иначе понимает и саму проблему реализма, и пути ее решения. Как и тридцать лет назад, Патнэм не сомневается, что правильное решение проблемы реализма лежит не на одном из полюсов "объективное-субъективное", "догматизм-релятивизм", а между ними. Но как проложить этот "средний путь", как вырваться из оков указанных дихотомий — подходы к решению этих вопросов, бесспорно, получают разную трактовку в разные периоды творчества Патнэма. Неустанный философский поиск, готовность находить новые решения и признавать неудовлетворительность прежних — все это отличает Патнэма-философа.

Итак, "расселовские черты" Патнэма делают его чрезвычайно удобным для целей изучения современного философского реализма, поскольку благодаря им в творчестве Патнэма, как в капле воды, отражается все то, что составляет существо современного понимания этой фундаментальной и вечной философской проблемы.

В своем исследовании мы выделили три периода в творчестве Патнэма (каждому из которых посвящена отдельная глава). Критерием для этой (в целом условной) периодизации послужили различные трактовки Патнэмом проблемы реализма. Так, в первый период (начало 60-х – середина 70-х годов) Патнэм придерживался "научного реализма"; во второй период (середина 70-х – начало 90-х) он разрабатывал и обосновывал новую концепцию – "внутренний реализм". Третий период, начало которого, видимо, следует отнести к 1993-1994 гг., связан с выдвижением Патнэмом нового варианта "непосредственного реализма", который он назвал (позаимствовав этот термин у У.Джемса) "естественным реализмом". Хотелось бы подчеркнуть, что в основе перехода Патнэма от одной концепции реализма к другой лежит изменение "плоскости" или ракурса рассмотрения этой проблемы. На первом этапе вопрос о реализме связан для Патнэма с проблемой референции, то есть с обоснованием того, что наши слова, и прежде всего научные термины, обозначают реально существующие объекты. "Внутренний реализм", выдвинутый Патнэмом на втором этапе, означал перенесение вопроса о реализме в гносеологическую область, в "плоскость" рассуждений об истине, объективности знания и рациональности. На третьем этапе Патнэм осознает, что центральной для обоснования реализма является проблема восприятия. Сказанное не означает, что вначале Патнэм занимался исключительно философией языка, затем – гносеологией, и в конце – философией сознания. Исследования в этих областях прошли через все его творчество, однако в разные

периоды вопрос о реализме делал одну из них более актуальной, чем другие. Кроме того, с каждым периодом связан и свой "список" философов, идеи которых во многом определяли направление философских изысканий Патнэма. Так, на первом этапе еще очень ощутимо влияние учителей Патнэма – Карнапа и Рейхенбаха, а среди современников Патнэму в наибольшей степени созвучны идеи С.Крипке. С переходом к "внутреннему реализму" начался "кантианский" период в творчестве Патнэма, чему в значительной мере способствовали идеи таких современных философов как М.Даммит и Н.Гудмен. И еще одного философа следует упомянуть – Л.Витгенштейна, влияние идей которого на Патнэма имеет устойчивую тенденцию к возрастанию. Что касается третьего периода, то здесь главными фигурами для Патнэма становятся Дж.Остин, американские прагматисты и в особенности Витгенштейн.

В заключение отметим, что мы не ставим себе задачи защитить или опровергнуть патнэмовское видение проблемы реализма. Мы хотим лишь продемонстрировать на примере одного философа, как понимается и как, с привлечением каких концептуальных средств, решается эта проблема в современной англо-американской философии.

¹ Достаточно упомянуть, что в книге известного историка англо-американской философии Джона Пассмора "Современные философы" (*Passmore J. Récent Philosophers. L., 1985*) анализу идей Патнэма отведено одно из главных мест. В определенной мере свидетельством авторитета Патнэма служит и тот факт, что рассмотрением его семантической концепции завершает свое исследование о философии XX века один из "столпов" логического позитивизма Альфред Айер (*Ayer A. Philosophy in the Twentieth Century. L., 1982*), хотя нельзя не отметить, что отношение Айера к этой концепции очень негативное.

² *Passmore J.* Recent Philosophers. P. 104.

³ Цит. по: *Putnam H.* Realism with a Human Face. Cambridge (Mass.), 1992. P. 317.

⁴ *Passmore J.* Recent Philosophers. P. 92.

⁵ *Stegmuller W.* Hauptstroemungen der Gegenwartsphilosophie. Bd. II. S. 345 (Цит. по: *Putnam H.* Realism with a Human Face. P. XXXIX).

⁶ Ibid.

Глава I

"Научный реализм" Х.Патнэма и проблема значения

1. Защита "научного реализма"

В первые два десятилетия своего творчества (до середины 70-х годов) Х.Патнэм открыто заявлял о себе как стороннике так называемого "научного реализма". В этот период реализм был для него позицией, которую он не подвергал сомнению и которая не была для него предметом глубоких раздумий; свою задачу он видел "не в том, чтобы бить себя в грудь по поводу правильности реализма, а в том, чтобы решать конкретные вопросы в философии науки с определенной реалистической позиции"¹. Большинство его работ, вышедших в это время, были посвящены философским проблемам математики, физики, квантовой механики, космологии; он уделял большое внимание анализу психофизической проблемы, однако для нашего исследования наибольшую актуальность имеют его разработки в области философии языка, поскольку именно здесь были сформулированы его основные аргументы в защиту "научного реализма".

"Научный реализм" — термин, вошедший в философский обиход в середине XX века, однако, не будучи связанным с какой-либо строго определенной и детально разработанной философской доктриной, он выражает общее представление о науке и научных теориях, которое было

преобладающим в западной культуре с конца XVII столетия. По существу он сводится к следующей совокупности утверждений.

1. Человеку противостоит независимый от него объективный мир; причем этот мир не ограничен только материальными объектами, доступными человеческому восприятию, он имеет "глубины и измерения", скрытые от человеческих чувств и познаваемые наукой. Это означает, что постулируемые истинными научными теориями объекты имеют столь же реальное существование, что и предметы нашего непосредственного восприятия, то есть протоны, фотоны, энергетические поля и черные дыры столь же реальны, как турбины, вулканы, потоки воды и т.д. Более того, эти постулируемые объекты и сущности имеют более фундаментальный характер, поскольку они позволяют объяснить наблюдаемые явления и раскрыть их внутренние механизмы.

2. Хотя указанная сфера реальности выходит за пределы того, что доступно человеческому восприятию, человек может иметь точную и надежную информацию о ней благодаря науке, которая, опираясь на строгие процедуры и методы, раскрывает свойства и характеристики ненаблюдаемых сущностей, тем самым давая истинное знание о них.

3. Цель науки состоит в создании истинной картины мира, изображающей мир таким, каков он есть на самом деле.

Как это ни удивительно, развитие науки в XX веке, и прежде всего создание теории относительности и квантовой механики, поколебали это общее представление о науке. Это связано с тем, что используемый в этих науках сложный математический аппарат позволяет делать точные расчеты и предсказания, но создает огромные трудности при интерпретации исследуемой области в терминах определенных физических сущностей (например, "частиц" или "волн"). Это дало повод для усиления "инструменталистских" представлений о науке, согласно которым научные

теории являются не более как удобными средствами для проведения наблюдений и экспериментов, и их ценность состоит лишь в их предсказательной способности, поэтому вопрос о том, существуют ли постулируемые ими объекты и сущности, не имеет смысла.

В 50–60-е годы ряд философов выступили с критикой инструментализма под общим лозунгом "научного реализма". Так, в философии науки появилось "новое" направление, поставившее своей задачей защиту способности науки давать истинное знание о мире. Философы этого направления разделяли общее убеждение в том, что "физический мир имеет глубины и измерения, для описания которых незаменимы методы образования понятий, характерные для теоретических наук, и для познания которых мы полагаемся на научный метод"². Важная особенность этого направления состоит в том, что оно объединило философов, в наибольшей мере сохранивших "верность" логическому позитивизму, поэтому научный реализм «из всех постпозитивистских течений ... является наиболее "законным" детищем логического позитивизма»³. От своего влиятельного "предка" научный реализм унаследовал прежде всего представление о кумулятивном характере развития научного знания, постепенно приближающегося к истинной картине мира, и традицию переводить философские проблемы в лингвистическую плоскость для решения их средствами логико-семантического анализа.

Когда в начале 60-х годов в западной философии науки возникло новое направление – так называемая "историческая школа", связанная с именами таких философов, как Т.Кун, П.Фейерабенд, Дж.Агасси и др. и выдвинувшая радикальную программу пересмотра основных положений методологической концепции логического эмпиризма, – это неизбежно породило жесткую полемику между сторонниками нового направления и представителями научного реализма. Одним из центральных пунктов этой полемики

оказался вопрос о характере развития научного знания. Кумулятивной модели научных реалистов представители "исторической школы" противопоставили представление об истории науки как о процессе смены обособленных концептуальных структур (парадигм, научно-исследовательских программ, альтернативных теорий), в ходе которого не происходит приращения знания, поскольку знание, накопленное, к примеру, предыдущей парадигмой, отбрасывается в момент ее замены. В новой парадигме все оказывается иным: и законы, и научные факты, и проблемы, и методы их решения. Ученые разных парадигм живут в разных мирах, и переход от одной парадигмы к другой нельзя объяснить логико-методологическими соображениями, он происходит как "переключение гештальта".

Следует отметить, что в рамках "исторической школы" был сформулирован один из наиболее серьезных инструменталистских аргументов против научного реализма: "почему мы должны доверять тому, что современная наука говорит нам о некотором аспекте базисной структуры вселенной, если наука так часто меняла свое мнение об этой базисной структуре в прошлом?". История науки не дает никаких оснований полагать, что сущности, постулируемые современными научными теориями для объяснения наблюдаемых явлений, не будут отброшены некоторой будущей научной революцией, как это уже случалось не раз, и поэтому мы не вправе считать их столь же реальными, как растения, животные, камни и т.д.

Патнэм принял активное участие в полемике между представителями исторической школы и научными реалистами. Его статья "Как нельзя говорить о значении" ("How Not to Talk about Meaning", 1965) явилась ответной критикой в адрес "исторической школы" и одновременно защитой научного реализма. Его метод защиты состоял в обосновании того, что вывод "исторической школы" (в лице П.Фейерабенда) о несоответствии кумулятивной модели ре-

альной истории науки опирается на некорректные посылки, в частности – на неправильную концепцию значения.

Итак, объектом критики Патнэма является точка зрения Фейерабенда, согласно которой наука может дать "не корректное объяснение явлений, а различные их альтернативные объяснения посредством ложных теорий"⁵, поэтому нужно стремиться к плюрализму теорий, а не к единственному истинному объяснению, которое в принципе не достижимо. Согласно Патнэму, в основе этого отказа Фейерабенда рассматривать науку как "кумулятивный процесс накопления знаний о природе" лежит неправильная трактовка термина "значение". По мнению Фейерабенда, значение любого дескриптивного теоретического термина детерминируется контекстом теории в целом или ее основоположениями, и поэтому если две различные теории содержат один и тот же термин (например, термин "масса"), то значение этого термина различно в силу различия теорий. Так, в ньютоновской механике термин "масса" выражает абсолютное свойство тела (меру инертности), а в теории относительности это свойство находится в зависимости от скорости тела. Это означает, что изменение теорий (то есть переход от одной теории к другой) влечет за собой изменение значений входящих в них дескриптивных терминов. А поскольку Фейерабенд отрицает существование нейтрального языка наблюдения, который бы обеспечил общий эмпирический базис для различных теорий и, следовательно, предоставил бы критерии для их сравнения, то эти два тезиса: тезис об изменении значения терминов при переходе их из одной теории в другую и тезис о создании каждой теорией своего собственного эмпирического языка – позволили Фейерабенду сделать вывод о несоизмеримости научных теорий. Наличие повседневного языка, которым пользуются представители различных теорий, не может, по мнению Фейерабенда, служить аргументом против тезиса о несоизмеримости, поскольку повседневный язык в

определенном смысле сам является теорией: с ним связана определенная система понятий и представлений, основывающихся на принципах, аналогичных основоположениям научных теорий. Поэтому значения слов обыденного языка детерминируются этими принципами.

В чем же видит Патнэм несостоятельность трактовки значения Фейерабендом? Во-первых, согласно Патнэму, отождествив значение термина с определенной теорией, содержащей этот термин, Фейерабэнд "просто спутал "употребление слов" (в лингвистическом смысле) с вхождением их в некоторый контекст"⁶. Проведя различие между такими понятиями, как "значение слова" и "вхождение слова в контекст", Патнэм четко обозначил принципиальное расхождение между его позицией и позицией Фейерабенда. Если Фейерабэнд придерживается контекстуальной концепции значения, согласно которой значение термина определяется контекстом его употребления, то Патнэм вполне однозначно признает, что каждое слово обладает самостоятельным значением, не зависящим от значений других слов, входящих в контекст его употребления.

Основное же возражение Патнэма состоит в том, что для Фейерабенда не существует различия между лингвистическим значением термина и теми представлениями, которые складываются у людей о явлении, обозначенном данным термином. Однако, "опираясь на лингвистическую интуицию, лингвистически более правильно говорить, что Галилей измерял и рассуждал о величине, которую мы называем "температурой", но наши представления относительно этой величины несколько отличаются от тех, которые были у Галилея"⁷. Отождествление значения термина с содержащей этот термин теорией означает устранение различия между вопросом о значении и вопросом о факте, а это в свою очередь означает невозможность провести различие между аналитическим и синтетическим, невозможность решения вопросов о тождестве и различии значений.

Однако именно эти вопросы имеют принципиальную важность для теории значения. С другой стороны, Патнэм обратил внимание на тот факт, что если значение термина тождественно теории, содержащей этот термин, то утверждение Фейерабенда «"Различие теорий влечет различие в значении" выражает у него только то, что "Различие теорий влечет различие теорий"»⁸, то есть, по существу, является тавтологией. Но будь это утверждение тавтологией, оно не привлекло бы столь большого внимания и не произвело бы такой сенсации, какую оно имело. Дело здесь в том, считает Патнэм, что в этом утверждении происходит неявная подмена, и термин "значение" употребляется не в фейерабендовском смысле, а в обычном смысле, то есть так, как он используется в лингвистической теории и в повседневном употреблении. Это означает, что Фейерабенд использует два понятия значения, хотя и не отдает себе в этом отчета.

В чем же состоит этот обычный смысл слова "значение"? По мнению Патнэма, в основе теории значения лежит тот факт, что язык имеет правила – синтаксические и семантические. Эти правила описывают способы лингвистически корректного употребления слов, определяют, какие выражения являются синонимичными, а какие выражения являются многозначными, устанавливают, когда предложение считается аналитическим и т.д. «Назвать женатого человека "холостяком" или сказать, что геометрическая точка "грациозна", – значит нарушить семантические правила...»⁹, и, обобщая сказанное, Патнэм дает следующее определение: «"Значение" некоторого слова является функцией правил, управляющих его употреблением»¹⁰. Отметим, что это определение Патнэма говорит о его приверженности к теории, которая действительно в это время была преобладающей в философии языка. Согласно этой теории, понимать значение выражения значит знать, как это выражение употребляется. Однако эта трактовка значения не является единственной и ей противостоит точка зрения,

согласно которой понимать предложение (знать его значение) значит знать условия его истинности.

Из трактовки значения как употребления вытекает, что термин изменяет свое значение тогда, когда изменяются правила, управляющие его употреблением. Но здесь возникает вполне правомерный вопрос: не происходит ли вместе с изменением теории и изменение семантических правил? Положительный ответ на этот вопрос означал бы, что трактовка Фейерабендом термина "значение" вполне согласуется с "обычным" пониманием этого термина. Хотя Патнэм явным образом не формулирует этого вопроса, весь пафос его критики предполагает отрицательный ответ. Кроме того, в статье "Как нельзя говорить о значении" содержится рассуждение, которое разъясняет его позицию по этому вопросу. Патнэм рассматривает случай, когда человека спрашивают о значении слова "золото", и отмечает, что в ответ этот человек может дать «массу эмпирической информации о золоте (что оно драгоценно, имеет обычно желтый цвет, не подвержено коррозии и т.д.) в дополнение к существенной лингвистической информации о том, что "золото" есть наименование некоторого металла. И даже если золото станет "дешевым как грязь", начнет ржаветь или окажется зеленым, значение слова "золото" не изменится. Только в том случае, если бы мы прекратили использовать "золото" как наименования некоторого металла или употребили бы это слово для названия другого металла, основное значение этого слова изменилось бы. (Я говорю "основное значение", поскольку сопутствующие значения слова "золото" действительно зависят от того, что фактически золото обычно желтого цвета, драгоценно и т.д.)».¹¹ Этот отрывок в сжатом виде содержит набросок той идеи, разработке и обоснованию которой Патнэм в дальнейшем посвятит немало работ и которая составляет специфику его подхода к проблеме значения. Эта идея состоит в том, что в значении термина существует некоторое устойчивое ядро

("существенная лингвистическая информация"), которое остается инвариантным при переходе термина из одной теории в другую, хотя "сопутствующие значения" термина могут при этом измениться. Устойчивость этого ядра определяется тем, что термин всегда обозначает вполне определенное явление природы или объект, то есть он как бы "пришпилен" к некоторому фрагменту реальности.

Указанная идея Патнэма уже содержит элементы, подготавливающие его разрыв с традиционным подходом к проблеме значения. Говоря упрощенно, традиционный подход отличают два момента: понимание значения термина как двухкомпонентного образования, состоящего из смысла и денотата, и положение о том, что смысл определяет денотат (то есть денотатом термина является тот объект, который удовлетворяет характеристикам, образующим смысл данного термина). В предложенной Патнэмом трактовке значения, зависимость между двумя компонентами значения как бы разрывается: научные термины получают инвариантные денотаты (или референты) в силу того, что они "пришливаются" к определенным явлениям или объектам, в то время как их смыслом "разрешается" меняться от теории к теории.

Предложенная Патнэмом трактовка значения ставила больше проблем, чем давала ответов. Прежде всего она не объясняла, каким образом вычленяется тот фрагмент реальности, к которому "пришпилен" термин, и, во-вторых, каким образом мы определяем, что термин относится к этому фрагменту реальности, а не к какому-либо другому.

Необходимость дать ответ на эти и многие другие вопросы побудила Патнэма к интенсивным семантическим исследованиям, завершившимся его отказом от традиционной теории значения и созданием своей собственной концепции референции. Отметим тот любопытный факт, что с осознанием Патнэмом неудовлетворительности традиционного подхода изменился и его взгляд на то место,

которое трактовка значения, предлагаемая Фейерабендом и Куном, занимает в современной семантике. Если в статье "Как нельзя говорить о значении" Патнэм указывает на несогласованность этой трактовки с общепринятым представлением о значении, то в дальнейших работах он приписывает Фейерабенду и Куну приверженность к традиционной теории значения.

По существу разработкой концепции референции Патнэм занимается на протяжении всего первого этапа в его творчестве (с начала 60-х до середины 70-х годов). В течение этого времени вышли такие его важные статьи, как "Возможна ли семантика?" ("Is Semantics Possible?", 1970), "Значение и референция" ("Meaning and Reference", 1973), «Значение "значения"» («Meaning of 'Meaning'», 1975), а в 1975 году Патнэм опубликовал второй том своих философских работ "Сознание, язык и реальность" ("Mind, Language and Reality"), в котором были суммированы и обобщены полученные результаты.

Следует отметить, что параллельно с Патнэмом, хотя и независимо от него, несколько других философов (К.Доннелан, С.Крипке, Д.Каплан и др.) выдвинули похожие идеи по проблеме значения, что послужило основанием для объединения этих идей под общим названием "новой теории референции". Несмотря на очевидное концептуальное сходство, подходы упомянутых авторов, безусловно, имели и различия, обусловленные как разными сферами приложения, так и разными акцентами на том или ином положении выдвигаемой теории. Так, К.Доннелан, начав с исследования так называемого референциального употребления определенных дескрипций, затем основное внимание сосредоточил на анализе референции имен собственных. Крипке предложил свою теорию жестких десигнаторов сначала применительно к именам собственным, а затем распространил ее на термины естественных видов (такие, как "вода", "тигр" и т.д.). Д.Каплан разработал теорию так

называемых индексальных выражений, то есть контекстно-зависимых выражений типа "я", "здесь", "это" и т.д. Что касается Патнэма, то он разработал основные идеи своей концепции референции на основе исследования терминов естественных видов. В обобщенном виде основную идею новой теории референции можно сформулировать так: референция упомянутых выше выражений (имен собственных, терминов естественных видов и индексальных выражений) устанавливается без посредничества смысла (фрегевского Sinn).

Исторически сложилось так, что новая теория референции привлекла к себе внимание не столько своими конструктивными идеями, сколько критикой традиционной теории значения. Да и сейчас многие исследователи видят заслугу этой теории прежде всего в ее критической аргументации. Поэтому изложение новой теории референции (а точнее той ее части, которая связана с идеями Патнэма) имеет смысл начать с рассмотрения ее аргументов против традиционного подхода к проблеме значения. Это тем более оправданно, что убедительность этой критики имеет прямое отношение к рассматриваемой нами защите Патнэмом научного реализма.

2. Критика традиционной теории значения

Прежде чем рассматривать критические аргументы сторонников новой теории референции, следует кратко определить, что же они понимают под традиционной теорией значения. Х.Патнэм и другие критики, как правило, указывают, что традиционная теория значения восходит к идеям Г.Фреге и Б.Рассела и представляет собой ту совокупность положений, которые обычно излагают в учебниках и справочных изданиях по семантике и на которые явно или неявно опираются многие современные логики и философы, когда рассуждают о значении языковых выра-

жений¹². В обобщенном виде традиционная теория содержит следующие положения¹³.

1. Значение языкового выражения представляет собой двухкомпонентное образование: оно обозначает некоторый объект или объекты (имеет денотат или экстенционал) и выражает некоторый смысл (имеет интенционал)¹⁴. Считается, что человек понимает некоторое выражение, если ему известен связанный с этим выражением смысл.

2. Смысл языкового выражения понимается как множество дескрипций. Смысл общего термина представляет собой дескрипцию свойств или характеристик, которые являются общими для всех объектов, входящих в экстенционал данного термина. В случае имен собственных каждое имя считается синонимичным некоторому множеству дескрипций (то есть, в терминологии Б. Рассела, имя является "скрытой" или "сокращенной" дескрипцией).

3. Интенционал термина определяет его экстенционал в том смысле, что некоторый объект входит в экстенционал термина, если и только если он имеет характеристики, включенные в интенционал данного термина.

4. С интенционалом тесно связано понятие аналитической истины¹⁵. Предложение считается аналитическим, если его истинность устанавливается на основе интенционалов входящих в него терминов. Если Р – свойство, входящее в интенционал Т, то утверждение "Все Т есть Р" является аналитически истинным. В соответствии с традиционной трактовкой аналитичной истины, это означает, что данное утверждение является априорным и необходимым¹⁶.

Для того, чтобы дать общее представление о критике традиционного подхода в рамках новой теории референции, мы вначале кратко опишем основные аргументы К. Доннелана и С. Крипке против традиционной теории имен собственных. Эти аргументы главным образом направлены против так называемого "принципа идентифицирующих дескрипций", согласно которому имя обознача-

ет тот индивид, который единственным образом удовлетворяет совокупности дескрипций, соединенных с данным именем. Из этого принципа следует, что обладание атрибутами, указанными в этих дескрипциях, является необходимым и достаточным условием для того, чтобы имя было применено к данному индивиду. Свои аргументы против традиционного подхода Доннелан и Крипке формулируют в виде моделируемых ситуаций, когда объект, на который указывает имя, не соответствует связываемой с этим именем дескрипции.

Первая группа моделируемых ситуаций призвана показать, что "имя собственное может иметь референт, даже если не выполнены условия, формулируемые принципом (идентифицирующих дескрипций)"¹⁷. Например, какой-то человек знает о Ричарде Фейнмане только то, что тот является известным физиком. Хотя дескрипция "известный физик" не может никого индивидуализировать уникальным образом, тем не менее, полагает Крипке, естественно считать, что имя "Фейнман" в устах рассматриваемого человека, все же обозначает Фейнмана. Или, например, какой-то человек может считать Эйнштейна изобретателем атомной бомбы. В этом случае, по мнению Крипке, естественнее было бы признать, что когда этот человек произносит имя "Эйнштейн", оно обозначает, несмотря на связываемую с ним ложную дескрипцию, Эйнштейна и никого другого.

Сторонник традиционного подхода мог бы возразить, что денотат имени определяют отнюдь не дескрипции, которые связывает с этим именем отдельный человек. Согласно Фреге, смыслы слов образуют "общее достояние" лингвистического сообщества, а не являются частью опыта отдельного человека. Поэтому такие имена, как "Эйнштейн" или "Фейнман", с которыми некоторые люди связывают очень скудную или даже неверную информацию, только потому обозначают Эйнштейна и Фейнмана, что в лингвистическом сообществе есть необходимый объем информации для установления референции этих имен.

Более серьезным аргументом является вторая группа моделируемых ситуаций, когда объект, который уникальным образом удовлетворяет некоторой дескрипции и поэтому, согласно принципу идентифицирующих дескрипций, должен был бы быть референтом этого имени, необязательно им является. В подтверждение Доннелан предлагает следующий пример. В традиционной трактовке предполагается, что имя "Фалес" обозначает того, кто удовлетворяет дескрипции "греческий философ, считавший, что все есть вода". Но если вдруг в ходе исторических изысканий выяснится, что Фалес, о котором упоминали Аристотель и Геродот, никогда не считал, что все есть вода, а этого мнения придерживался другой греческий философ-отшельник, о котором не знали ни Аристотель, ни Геродот, то на какого же из этих двух философов указывает имя "Фалес"? Согласно традиционному подходу, это имя обозначает того, кто считал, что все есть вода. Но это же абсурдно, считает Доннелан, поскольку совершенно очевидно, что имя "Фалес" указывает на того человека, которому это имя было дано, независимо от того, придерживался он указанного мнения или нет.

Для большей убедительности этот аргумент можно сформулировать несколько иначе¹⁸. Если принять, что имя "Фалес" является сокращением для дескрипции "греческий философ, считавший, что все есть вода", то предложение

(1) Фалес не считал, что все есть вода

должно выражать то же самое высказывание, что и предложение

(2) Греческий философ, считавший, что все есть вода, не считал, что все есть вода.

Однако совершенно очевидно, что высказывание (2) является необходимо ложным, а высказывание (1) выражает возможную истину, так как приверженность Фалеса идее, что все есть вода, является случайным фактом, поскольку он мог бы иметь и другие воззрения на мир. И если

бы он действительно имел другие воззрения, то (1) было бы истинным, а (2) в любом случае было бы ложным. А это означало бы, что имя "Фалес" и дескрипция "греческий философ, считавший, что все есть вода" не относятся к одному и тому же индивиду.

Таким образом, основная идея критических аргументов Крипке и Доннелана состоит в следующем: дескрипции, которые носитель языка связывает с именем, не определяют референцию имени, поскольку референт может не удовлетворять этим дескрипциям (а тем не менее быть референтом имени) или же дескрипции могут быть слишком неопределенными и скудными, чтобы уникальным образом индивидуализировать референт. Отсюда делается вывод, что референция имен собственных является непосредственной и "не фиксируется с помощью дескрипций"¹⁹. По определению Крипке, имена собственные являются жесткими десигнаторами, то есть они обозначают один и тот же объект в любом возможном мире, в котором данный объект существует. Например, имя "Аристотель", являясь жестким десигнатором, обозначает того человека, которому это имя было дано при рождении, независимо от того, удовлетворяет этот человек дескрипциям, обычно связываемым с этим именем ("ученик Платона", "учитель Александра Македонского" и т.д.), или нет. Даже если бы Аристотель не был учеником Платона или учителем Александра Македонского, тем не менее, считает Крипке, имя "Аристотель" все равно указывало бы на него.

Насколько разрушительны эти аргументы для традиционной теории имен собственных мы рассмотрим позже, а сейчас обратимся к такой важной разновидности общих терминов, как термины естественных видов (*natural kind terms*), поскольку сторонники новой теории референции считают традиционный подход неудовлетворительным и применительно к этой категории языковых выражений. Термины естественных видов — это слова, служащие на-

именованиями природных веществ, животных, растений и физических величин (например, "вода", "тигр", "лимон", "электричество" и т.д.). К этой категории языковых выражений относится большинство научных терминов. Помимо такой общей характеристики не было предложено никакого строгого определения терминов естественных видов, однако специфику этих терминов призвана раскрыть их теория референции, которую поэтому и называют теорией естественных видов.

Наиболее серьезные соображения, обосновывающие необходимость выделения терминов естественных видов в особую лингвистическую категорию и показывающие неудовлетворительность традиционной дескриптивной трактовки их значения были высказаны Патнэмом и Крипке независимо друг от друга. Патнэм предложил свою первую формулировку теории естественных видов в статье "Аналитическое и синтетическое" ("The Analytic and the Synthetic", 1962), где он определил термины, обозначающие естественные виды, как "концепты, образуемые пучком законов" ("law-cluster concepts"). В последующих работах он развил и углубил свое понимание этих терминов и сформулировал ряд серьезных и интересных аргументов против их традиционной трактовки.

В статье "Возможна ли семантика?" (1970) Патнэм предлагает аргумент, который по своему характеру очень близок к критике традиционной теории имен собственных в работах Доннелана и Крипке. Согласно этому аргументу, неудовлетворительность традиционного понимания значения общих терминов станет совершенно очевидной, если попытаться определить в традиционном духе значение какого-нибудь термина естественного вида, например, термина "лимон" или "золото". По традиционной теории значение общего термина (например, термина x) задается конъюнкцией свойств (например, $P_1 \& P_2 \& \dots \& P_n$), для каждого из которых утверждение " x обладает свойством P_i "

является аналитической истиной. Общий термин считается синонимичным этой конъюнкции, которая тем самым выражает необходимые и достаточные условия для вхождения объекта в экстенционал термина x . При таком подходе значение термина "золото" формулируется в виде дескрипции "тяжелый, неокисляющийся, твердый металл, желтого цвета, растворимый в царской водке" или в виде любой другой аналогичной дескрипции, и предполагается, что любой объект, обладающий перечисленными свойствами, является золотом. Неадекватность такой трактовки Патнэм видит в том, что естественный вид может иметь аномальных членов, которые не удовлетворяют соответствующей конъюнкции свойств, но тем не менее принадлежат к данному естественному виду. Например, "зеленый лимон (который так никогда и не пожелтеет) все же является лимоном, тигр с тремя ногами — все же тигр, а золото в газообразном состоянии не перестает быть золотом"²⁰. Другая трудность, с которой сталкивается традиционная теория, состоит в невозможности указать такую конъюнкцию свойств, которая позволила бы выделить естественный вид единственным образом. Никогда нет гарантии, по мнению Патнэма, что не будет обнаружено такое вещество или животное, которое полностью удовлетворяет дескрипции свойств соответствующего естественного вида, но которое тем не менее в силу своей внутренней природы не принадлежит к данному виду.

Итак, основная идея этого аргумента состоит в следующем: ни одно из свойств, обычно включаемых в интенционал термина естественного вида, не годится для аналитического определения этого вида, поскольку по традиционному истолкованию аналитической истины она должна быть априорной и необходимой, а ни одно из указанных свойств нельзя считать необходимым, так как принадлежность объекта к некоторому естественному виду может не зависеть от обладания этими свойствами.

Конечно, Патнэм не отрицает, что традиционная тео-

рия значения выполняется для определенной категории общих терминов, например, таких, как "холостяк", "ведьма" и др. Однако особенность этих терминов состоит в том, что они допускают явное исчерпывающее определение (например, холостяк — мужчина, который никогда не был женат). Такие термины Патнэм называет однокритериальными, поскольку их значение может быть выражено с помощью одной дескрипции. Обобщая сказанное, Патнэм делает вывод, что «традиционная теория принимает объяснение, которое корректно только для однокритериальных концептов (например, для таких концептов, как "холостяк" и "ведьма"), и превращает его в общее объяснение значения общих терминов. Теорию, которая правильно описывает поведение возможно трех сотен слов, считают правильно описывающей поведение десятков тысяч общих имен»²¹.

В ответ на этот критический аргумент Патнэма сторонник традиционного подхода мог бы возразить, что значение общего термина задается конъюнкцией свойств, которые являются общими для всех предметов, входящих в экстенционал данного термина. Установив, что какое-то свойство не является общим, его следует исключить из конъюнкции. Но поскольку нельзя отрицать, что общими для всех членов естественного вида являются их существенные свойства, то интенционал термина естественного вида должен поэтому содержать дескрипцию этих существенных свойств. Например, интенционал слова "вода" должен содержать дескрипцию "иметь химическое строение H_2O ". Однако, согласно Патнэму, это возражение не способно устранить выявленную несостоятельность традиционного подхода, поскольку существенные свойства также не пригодны для аналитического определения естественных видов. Утверждение "Вода есть H_2O " не является аналитически истинным, поскольку его истинность, будучи вопросом научного открытия, не является априорной. Вполне возможно, что это утверждение окажется ложным,

если когда-нибудь обнаружатся серьезные ошибки в химической теории.

Таким образом, рассматриваемый аргумент Патнэма, как впрочем и аргументы Крипке против традиционной теории имен, говорят о несогласии с традиционным пониманием аналитической и необходимой истин. Как мы увидим дальше, конструктивные идеи создателей новой теории референции включают пересмотр концепции необходимости и необходимой истины.

В статьях "Значение и референция" (1973) и «Значение "значения"» (1975) Патнэм предлагает еще один аргумент, который имеет более развернутый характер и призван показать неадекватность традиционного понимания значения в целом. Согласно этому аргументу, традиционная теория значения опирается на два допущения, которые не могут быть одновременно выполнены.

Первое допущение устанавливает, что понимание значения слова связано с пребыванием в определенном ментальном (или психическом) состоянии. Это допущение лежит в основе характерного для традиционной теории отождествления интенционала (или смысла) с концептом и в признании того, что концепты должны каким-то образом опосредоваться ментальными репрезентациями. Иначе, полагает Патнэм, сторонники традиционного подхода были бы вынуждены допустить, что человеческое сознание способно непосредственно воспринимать ("схватывать") внementальные объективные сущности, то есть оно должно быть наделено некоторым "шестым чувством". Поскольку эта альтернатива является простым уходом от проблемы, сторонникам традиционного подхода ничего не остается, как признать, что понимание значения слова связано с пребыванием в определенном ментальном (или психологическом) состоянии.

Второе допущение связано с тем фактом, что значение слова (понятое как интенционал) определяет его экстен-

сионал, в том смысле, что интенционал образует необходимое и достаточное условие для вхождения объекта в экстенционал. Согласно Патнэму, за этой зависимостью экстенционала от интенционала стоит признание двух простых вещей: во-первых, из тождества интенционалов двух слов следует тождество их экстенционалов, и, во-вторых, слова, совпадающие по экстенционалу, могут иметь различные интенционалы (например, "живое существо, имеющее почки" и "живое существо, имеющее сердце" выделяют один и тот же класс объектов). Обратное считается невозможным, хотя "никто никогда не приводил доказательств этой невозможности"²².

Согласно Патнэму, из указанных двух допущений следует, что ментальное (психическое) состояние человека, понимающего некоторый термин, определяет экстенционал данного термина. Ход его рассуждений является следующим. Ментальное состояние в данном случае следует понимать как состояние знания того, что I является значением A , где I – интенционал, а A – термин; то есть состояние знания значения термина предполагает не только мысленное усвоение его интенционала, но и осознание того факта, что усвоенный интенционал является интенционалом данного термина. Если ментальные состояния тождественны (на-пример, и Оскар₁ знает, что I является значением A , и Оскар₂ знает, что I является значением A), то из этого следует тождество связанных с ними интенционалов. С другой стороны, интенционалы слов могут совпадать, а связанные с ними ментальные состояния могут быть различными (например, Оскар₁ знает, что I является значением A , а Оскар₂ знает, что I является значением B). Таким образом, считает Патнэм, из этой зависимости (по аналогии с зависимостью между экстенционалом и интенционалом) сторонник традиционного подхода должен сделать вывод, что ментальное состояние определяет интенционал термина, а в силу второго допущения, лежащего в основе

традиционной теории значения, определяет и экстенционал термина. Следовательно, если принять указанные два допущения, то нужно признать, что происходящее "в нашей голове, должно детерминировать то, что мы имеем в виду и на что указывают наши слова"²¹.

Однако, считает Патнэм, ментальное состояние не может определять экстенционала термина. Для доказательства этого Патнэм предложил небольшой научно-фантастический рассказ о Земле-Двойнике и воде. Нужно отметить, что этот "мысленный эксперимент" Патнэма приобрел очень большую популярность, его изложение неизменно присутствует во всех работах, посвященных новой теории референции, и по аналогии с ним строится множество других аргументов. Итак, Патнэм предлагает представить, что где-то далеко в космосе существует планета "Земля-Двойник", которая во всем похожа на Землю, за тем исключением, что океаны, моря и реки на этой планете наполнены жидкостью, которая при нормальной температуре и нормальном давлении неотличима от воды, но не описывается формулой H_2O . Эта жидкость имеет вкус воды и способна утолять жажду, но ее химическое строение выражается очень сложной формулой, которую для краткости можно записать как XYZ. Земля-Двойник населена людьми, которые очень похожи на жителей Земли и которые тоже говорят по-английски. Их английский язык ничем не отличается от земного, за тем исключением, что слово "water" ("вода") обозначает у них указанную выше жидкость XYZ. Если в какой-то момент между Землей и Землей-Двойником установится контакт и будет обнаружено различие в значении слова "вода" на этих планетах, то это различие, на первый взгляд, легко объяснимо, поскольку разным значениям слова "вода" соответствуют разные экстенционалы: на Земле экстенционалом слова "вода" является множество соединений, состоящих из молекул H_2O , а на Земле-Двойнике экстенционалом слова "вода" является множество соединений, состоящих из молекул XYZ.

По мнению Патнэма, ситуация значительно усложнится, если предположить, что люди на Земле не знают, что вода имеет химическую формулу H_2O , а люди на Земле-Двойнике не знают, что вода – это XYZ, то есть и тем, и другим не известна дальтоновская химия. Для этого достаточно провести предложенный мысленный эксперимент применительно к середине восемнадцатого столетия. Тогда очевидно, что в 1750 году жителям Земли-Двойника было известно о воде все то, что знали о воде в этом же году и люди на Земле. Поэтому если выбрать двух человек, один из которых жил в 1750 году на Земле, а другой – на Земле-Двойнике, но которые были точным подобием друг друга, включая внешность, чувства, внутренние монологи и т.д., то следует признать, что думая о воде, и тот, и другой находились в одинаковом ментальном состоянии. Но согласно Патнэму, экстенционал слова "вода" в 1750 году был на Земле таким же, как в 1950 году (то есть H_2O), а экстенционалом слова "вода" на Земле-Двойнике и в 1750, и в 1950 году было вещество XYZ. Таким образом, этому различию в референции слова "вода" на Земле и Земле-Двойнике не соответствует никакое различие в ментальном состоянии жителей той и другой планеты, которое могло бы служить объяснением различия в экстенционалах. На основе этого рассуждения Патнэм делает вывод, что лежащие в основе традиционной теории значения допущения не могут быть выполнены одновременно, поэтому необходимо отказаться от одного из них, то есть или нужно признать, что значения не "локализованы" в голове, или же нужно отбросить тезис о том, что интенционал термина определяет его экстенционал. То, какой путь избрал Патнэм, мы рассмотрим чуть позже, а сейчас нам хотелось бы обратить внимание на то, что в этом своем аргументе Патнэм использует допущения, которые не могут быть приняты как само собой разумеющиеся и нуждаются в обосновании.

Так, в мысленном эксперименте Патнэма предполага-

ется, что и в 1750 году, и в 1950 году слово "вода" имело один и тот же экстенционал. Однако, почему бы не принять, что в 1750 году экстенционалом слова "вода" на Земле было вещество, имеющее, как было впоследствии установлено, химическую формулу H_2O , а на Земле-Двойнике — вещество, имеющее химическую формулу XYZ. Поскольку убедительность предложенного критического аргумента зависит от обоснованности этого допущения, то перед Патнэмом стоит задача показать, что экстенционал термина "вода" действительно сохраняет свою инвариантность на протяжении веков. Решение этой задачи составляет важную часть позитивной концепции Патнэма, и мы рассмотрим этот вопрос позже.

Мысленный эксперимент Патнэма опирается еще на одно допущение, которое тесно связано с первым. Принимая, что в 1750 году экстенционалом слова "вода" было вещество с химической формулой H_2O , хотя люди еще не знали этого, Патнэм тем самым допускает, что экстенционалы такого рода слов формируются независимо от человека и его знания об окружающем мире. Это очень сильное допущение, и в дальнейшем мы рассмотрим, как Патнэм обосновывает его.

Итак, мы рассмотрели критику традиционного понимания значения сторонниками новой теории референции. Является ли эта критика столь разрушительной, чтобы полностью опровергнуть традиционный подход? Нельзя отрицать, что многих философов языка убедили аргументы Крипке и Патнэма в неадекватности дескриптивной семантики. Однако, на наш взгляд, есть немало соображений, ставящих под сомнение безапелляционность подобного вывода.

Возьмем, к примеру, теорию имен, которая, безусловно, составляет наиболее важную часть любой семантической концепции. Решение вопроса о том, сводится ли значение имени собственного к его денотату или же оно вклю-

чает в себя и второй компонент – смысл, представленный дескрипцией свойств обозначаемого объекта, должно опираться не только на наши "интуитивные" представления об употреблении имен (например, на соображения о том, что является более естественным – признать, что имя "Аристотель" указывает на того, кому это имя было дано при рождении, или допустить, что оно обозначает того, кто удовлетворяет дескрипции "последний великий философ античности"). Это решение должно также учитывать семантическое поведение имен в различных контекстах. Поскольку имена, как и другие виды терминов, служат для построения разного рода высказываний, то следует установить, какой "семантический" вклад они при этом вносят, а этот вопрос напрямую связан с трактовкой их значения. Для сторонников новой теории референции семантическим вкладом имени в высказывание является его референт, то есть объект, обозначаемый этим именем, без какой-либо информации о его атрибутах. Таким образом, единственная функция имени – это ввести объект, о котором что-либо утверждается в высказывании. Например, в предложении "Аристотель является последним великим философом античности" имя "Аристотель" вводит индивида, о котором утверждается, что он последний великий философ античности. Фреге и Рассел²⁴ совсем иначе трактовали семантический вклад имени собственного. Для них этим вкладом является репрезентация обозначаемого объекта в виде дескрипции его атрибутов, позволяющих индивидуализировать объект уникальным образом.

На первый взгляд, первое решение может показаться более простым и естественным. Однако Фреге и Рассел отказались от этого решения (хотя именно его предлагал Милль), поскольку они сочли его неудовлетворительным при анализе семантического поведения имен в более сложных контекстах.

Напомним, что Фреге ввел понятие смысла как второ-

го компонента значения в результате анализа проблемы тождественности имен. Рассматривая такие предложения тождества, как "Утренняя звезда есть Утренняя звезда" и "Утренняя звезда есть Вечерняя звезда", Фреге установил, что они имеют разное информационное содержание, хотя и выражают самотождественность одного и того же объекта. Если предположить, что каждое из входящих в эти предложения тождества имен вводит лишь обозначаемый им объект, то этому различию в информационном содержании нельзя дать никакого объяснения. Поэтому Фреге сделал вывод, что каждое имя связано с определенным способом представления (репрезентации) обозначаемого, который он и назвал смыслом. Именно смысл, согласно Фреге, является семантическим вкладом имени в высказывание и именно смысл объясняет различие между такими предложениями тождества, как "Утренняя звезда есть Утренняя звезда" и "Утренняя звезда есть Вечерняя звезда". Необходимость двухкомпонентного значения вытекала для Фреге и из невозможности подстановки *salva veritate* для имен одного и того же объекта в неэкстенциональных контекстах (например, в контекстах косвенной речи). Заменяв, к примеру, в истинном высказывании "Петр считает, что Утренняя звезда — это Венера" имя "Утренняя звезда" на имя "Вечерняя звезда", мы получим высказывание ("Петр считает, что Вечерняя звезда — это Венера"), которое может быть и ложным, поскольку Петр может не знать о тождественности этих имен. Разрешить эту трудность возможно, согласно Фреге, только если допустить, что разные имена являются разными способами представления объекта, то есть имеют разные смыслы.

Что касается Рассела, то он создал свою теорию дескрипций, трактующую имена собственные как сокращенные дескрипции, для разрешения так называемых парадоксов теории именования²⁵. Эти парадоксы возникают при анализе единичных отрицательных высказываний существо-

вания ("Зевс не существует"), высказываний с пустыми именами ("Нынешний король Франции лыс") и при анализе употребления имен в неэкстенциональных контекстах («Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором "Веверлея"»). Как и Фреге, Рассел считал, что единственный путь разрешить эти парадоксы – это представить имя собственное как сокращенную форму для связываемой с этим именем дескрипции.

Нельзя не учитывать, что парадоксы теории именования "возникают заново, как только мы отказываемся от понятия смысла в пользу представления, согласно которому референция имен собственных является непосредственной"²⁶. Таким образом, отказываясь от понятия смысла, сторонники теории референции оказываются перед необходимостью дать иное решение трудностям, которые были выявлены Фреге и Расселом. Поэтому неудивительно, что критика традиционной теории значения создателями новой теории референции привлекла внимание философов к тем проблемам, которые Фреге и Рассел решали с помощью дескриптивной семантики. Ряд авторов, и прежде всего Тайлер Бердж и Гарет Эванс, нашли это решение неудовлетворительным, поскольку оно, по их мнению, опирается на ошибочную философию сознания. Эта философия сознания, представляя собой картезианский взгляд на природу ментального, постулирует, что "такие ментальные состояния, как мысли, убеждения, намерения и желания имеют сугубо качественный характер и по своей природе концептуальны. Подобные состояния, с одной стороны, логически независимы от внешнего мира, а с другой – полностью познаваемы с помощью интроспекции"²⁷. Именно этот взгляд на природу ментального выражен, согласно Эвансу, в требовании дескриптивной теории значения, согласно которому "... для того, чтобы иметь в виду некоторый объект или иметь о нем мнение, ... необходимо владеть дескрипцией, которая уникальным образом истин-

на относительно этого объекта¹²⁸. Однако это не верно, считает Эванс, поскольку, как показал Витгенштейн, для человека иметь в виду некоторый объект означает лишь быть помещенным в контекст, который связал бы его с объектом его интенции. Более того, абсурдно предполагать, что референтом имени может быть объект, изолированный в каузальном отношении от сообщества носителей языка и культуры. Это означает, что наши ментальные состояния, будь то мысли, убеждения, желания и т.д., следует рассматривать не в терминах их концептуального содержания (не в терминах смыслов выражающих их слов), а в терминах внешних объектов, к которым они относятся.

Позволит ли это изменение взгляда на природу ментального преодолеть трудности, для решения которых было введено понятие смысла, — вопрос сложный, и его рассмотрение увело бы нас в сторону от обсуждения семантической теории Патнэма. Безусловно, критика Эвансом и Берджем концептуалистской ориентации традиционной семантики в определенном смысле созвучна с идеями Крипке и Патнэма. Достаточно вспомнить, что первое допущение, на которое, согласно Патнэму, опирается традиционная теория значения, по существу и формулирует в сжатом виде философию сознания, стоящую за концепцией "смысла". Однако в целом вопрос о природе ментального не составляет на этом этапе важного аспекта в размышлениях Патнэма о значении, и для трудностей, выявляемых его критическими аргументами против традиционного подхода, он ищет решение в иной плоскости.

Что же касается терминов естественных видов, то критика Патнэмом их традиционной трактовки, безусловно, фиксирует серьезные трудности, однако, как мы видели, эффективность этой критики находится в прямой зависимости от того, насколько убедительно новая теория референции раскроет специфику этих терминов и насколько обоснованные ответы она даст на вопросы, возникшие по

ходу нашего обсуждения критических аргументов Патнэма. К рассмотрению конструктивных идей новой теории референции мы сейчас и перейдем.

3. Основные положения новой теории референции

Вывод, к которому подводит критика Патнэмом и Крипке традиционной теории значения, состоит в том, что референция таких языковых выражений, как имена собственные и термины естественных видов, устанавливается без посредничества смысла, или, словами Патнэма, экстенционал этих выражений не определяется концептом, локализованным в голове говорящего. Отказавшись от смысла как механизма, определяющего и систематически обеспечивающего референцию имен собственных и терминов естественных видов, сторонники новой теории референции оказались перед необходимостью предложить иной "механизм" определения экстенционала. Обобщенно их основной тезис в этом вопросе можно сформулировать так: референция указанных выражений устанавливается благодаря внешним нементальным факторам.

Так, согласно Патнэму, в установлении референции терминов естественных видов участвуют два фактора: социальный (в силу того, что существует "разделение лингвистического труда") и природный (благодаря тому, что "сами естественные виды играют определенную роль в установлении экстенционалов терминов, которые на них указывают"¹²⁹).

Действие социального фактора Патнэм описывает с помощью "социолингвистической гипотезы". Хотя эта гипотеза формулируется с использованием понятия смысла, ее цель — показать, что "смыслы" — это не то, что локализовано в голове отдельного носителя языка.

Патнэм рассуждает следующим образом. Согласно традиционной теории значения, человек понимает некото-

рое слово, если усвоил его смысл. Но учитывая, что смысл слова часто представляет собой довольно сложную совокупность информации, следует признать, что очень небольшое число людей владеет смыслами и, следовательно, понимает слова. Тогда огромное большинство носителей языка можно было бы обвинить в том, что они не понимают те слова, которые используют. Но такое предположение, по мнению Патнэма, является абсурдным, поскольку для того, чтобы понимать и использовать слово, совсем необязательно в полном объеме знать "фрегевский" смысл слова. Вполне достаточно, считает Патнэм, положиться на экспертов, которые владеют этим смыслом, а, кроме того, владеют методом распознавания (например, золота) и благодаря которым этим методом «владеет весь языковой коллектив, хотя он и доступен не всякому индивидуальному представителю коллектива: таким путем частью общественного знания слова "вода" могут стать самые специальные сведения о воде, хотя они и не известны большинству людей, в чей лексикон входит слово "вода"»³⁰. Из этого следует, что в лингвистическом сообществе существует разделение труда, связанное со знанием и использованием разных аспектов "значения" слов и опирающееся на обычное разделение труда. Вследствие этого лингвистического разделения труда к определению референции терминов естественных видов имеют отношение не обрывочные и неполные "смыслы", локализованные в головах отдельных людей, а та детальная информация и методы распознавания, которыми владеют эксперты.

Безусловно, трудно не согласиться с этой "социолингвистической гипотезой" Патнэма. По существу, она не противоречит традиционному пониманию значения и является важным уточнением и конкретизацией того положения, что смыслы слов образуют общественное достояние. Только вряд ли можно согласиться с Патнэмом, что этот факт никогда прежде не отмечался философами. Аналогичную

идею (хотя и не называя ее разделением лингвистического труда) высказывал в свое время еще Лейбниц. Так, в "Новых опытах о человеческом разумении" (в разделе "О словах") Лейбниц пишет: «Вы видите, таким образом, что название, например "золото", означает не только то, что знает о нем человек, произносящий это слово (например, что оно желтое и очень тяжелое), но и то, чего он не знает и что знает, может быть, другой человек — что оно тело, обладающее внутренним строением, из которого вытекают цвет и тяжесть его и возникают еще другие свойства, известные, как он признает, знатокам»³¹.

Наряду с разделением лингвистического труда Патнэм указывает второй фактор, который, по его мнению, играет наиболее важную роль в установлении референции терминов естественных видов. Этот фактор состоит в том, что экстенционал термина естественного вида "частично устанавливается внешним миром"³². В основе этого утверждения лежит допущение, что любой естественный вид (будь то биологический вид, природное вещество или физическая величина) предполагает наличие у его членов общей внутренней природы (или сущности), выражающейся в общей внутренней структуре, общих существенных свойствах или общих объективных законах, управляющих поведением или развитием членов данного естественного вида. Человек познает эту внутреннюю природу естественных видов в ходе развития науки, поэтому, по мнению Патнэма, "в определении экстенционала парадигмы и исследовательские программы, открывающие законы (или повышающие точность имеющихся законов), занимают место, которое ранее отводилось жестко сформулированным необходимым и достаточным условиям"³³. Именно обладание внутренней природой, раскрываемой в ходе научного познания, отличает естественные виды от искусственно создаваемых предметов и явлений (например, телевизора, стола и т.д.). Природа последних полностью известна, по-

скольку человек сам проектирует и создает их, а поэтому способен указать необходимые и достаточные условия для их принадлежности к экстенсионалу соответствующего термина³⁴.

Аналогичную позицию занимает и Крипке, который определяет термины естественных видов как жесткие десигнаторы, то есть как выражения, обозначающие одни и те же объекты во всех возможных мирах, в которых эти объекты существуют. Термины естественных видов потому являются жесткими десигнаторами, что они обладают необходимыми существенными свойствами, то есть свойствами, присущими им во всех возможных мирах, в которых эти естественные виды существуют. Например, слово "золото" жестко указывает на одно и то же вещество во всех возможных мирах, где оно присутствует, в силу того, что оно обладает необходимой внутренней природой, а именно – атомным весом, равным 79.

Однако констатацию того, что естественные виды "сами выполняют работу" по установлению экстенсионалов своих терминов благодаря присущей им внутренней природе, еще нельзя считать полным объяснением механизма референции, поскольку здесь еще не указано, как устанавливается связь между внешними объектами и терминами нашего языка. Для Крипке и Патнэма таким механизмом, объясняющим референцию, являются каузальные связи между носителями языка и референтами используемых ими слов. Благодаря этому обстоятельству концепцию Крипке и Патнэма часто называют "каузальной теорией референции".

В этой теории каузальный механизм служит для объяснения референции и имен собственных, и терминов естественных видов. Так, согласно Крипке, референция имени собственного устанавливается не в соответствии с принципом идентифицирующих дескрипций, а во время "церемонии первого крещения (или именованья)", когда человеку впервые присваивается имя, а затем референция

этого имени передается по каузальной цепочке от одного говорящего к другому, причем единственным механизмом, сохраняющим референцию имен в каузальной цепочке, является намерение "последующих участников цепочки ... употреблять имя с той же референцией, с которой его употребляли предыдущие участники"³⁵.

Для описания каузального механизма в определении референции терминов естественных видов Патнэм вводит понятие "парадигмального" или "стереотипного" образца естественного вида. Хотя он не формулирует это явным образом, однако, по аналогии с именами собственными, видимо, нужно предположить, что всегда имеет место некоторое "первоначальное" присвоение термина определенным представителям естественного вида, которые таким образом становятся парадигмальным образцом этого вида и по отношению к которым устанавливается принадлежность других объектов к этому виду. "Действительные вещи, какова бы ни была их дескрипция, сыгравшие определенную каузальную роль в нашем овладении и последующем использовании терминов, определяют, на что указывают эти термины. Термин указывает на некоторый объект, если последний стоит в правильном отношении (...имеет тождество природы) к этим экзистенциально данным вещам"³⁶. Таким образом, согласно Патнэму, нахождение определенной вещи в отношении тождества природы к парадигмальному образцу некоторого естественного вида является необходимым и достаточным условием для принадлежности этой вещи к данному виду и, соответственно, для вхождения этой вещи в экстенционал термина этого вида. Например, некоторый объект является лимоном благодаря обладанию той же самой природой (в данном случае – той же самой ДНК), что и парадигмальные лимоны, а не благодаря соответствию некоторому набору заранее сформулированных критериев (желтый цвет, толстая кожа, кислый вкус и т.д.).

По мнению Патнэма, уже в простейших остенсивных определениях терминов естественных видов предполагается это отношение тождества природы к некоторому парадигмальному образцу. Например, один человек, разъясняя другому значение слова "вода", может указать на стакан с водой и сказать: "Эта жидкость – вода" (или просто "Это – вода"). Согласно Патнэму, в основе такого определения лежит эмпирическая предпосылка, что указываемая жидкость находится в определенном отношении тождества к тому веществу, которое в данном лингвистическом сообществе называют водой. Следует отметить, что указанное отношение тождества является теоретическим в том смысле, что оно выражает тождество внутренней природы, и поэтому для его установления может потребоваться достаточно сложное и длительное научное исследование. Это же обстоятельство объясняет и возможность ошибочного отнесения того или иного объекта к некоторому естественному виду, как это было в случае с веществом XYZ в мысленном эксперименте с Землей-Двойником. Жидкость на Земле-Двойнике, в точности совпадающая по своим внешним феноменологическим свойствам с водой, не является водой, поскольку она не имеет тождественной природы с той жидкостью, которую называют водой на Земле. Используя понятие возможного мира, это утверждение можно переформулировать следующим образом: вещество x в любом возможном мире является водой, если и только если оно находится в отношении тождества природы к тому веществу, которое обозначается словом "вода" в действительном мире. Это означает, что не может быть такого возможного мира, в котором вода не есть H_2O . Конечно, до открытия химической формулы воды можно было ошибочно принимать за воду жидкость, которая заполняет озера и которую пьют на Земле-Двойнике, но как только было установлено, что вода – это H_2O , следует сразу констатировать, что жидкость на Земле-Двойнике не является водой.

В первоначальных формулировках своей теории референции Патнэм отмечал сходство между установлением референции в случае терминов естественных родов и в случае индексальных выражений. Особенность индексальных выражений состоит в том, что их экстенционал изменяется при изменении контекста их употребления, а если говорить более точно, то индексальные выражения имеют не экстенционал, а экстенционал-функцию, которая определяет их экстенционал в каждом контексте их употребления. Для описания контекста вводятся различные параметры (места, времени и т.д.), которые называются индексами. Экстенционал-функция содержит аргументы, пробегающие по соответствующему параметру. В случае слова "я" эта функция имеет вид $f(x)$, где x — множество людей, произносящих слово "я". Согласно Патнэму, термины естественных видов "имеют неявный индексикальный компонент: вода — это вещество, которое находится в некотором отношении подобия к воде здесь, в данном месте"¹⁷. Благодаря этому уподоблению терминов естественных видов индексальным выражениям концепцию референции Патнэма иногда называют теорией индексалов. Однако в последующем многие критики отмечали не вполне адекватный характер такого уподобления. Если в случае индексальных выражений их референция изменяется с изменением контекста конкретного произнесения, то в случае терминов естественных видов непонятно, об изменении какого контекста идет речь¹⁸. Поэтому в более поздних изложениях своей концепции Патнэм, не отказываясь от основной идеи, уже не подчеркивает индексальный характер терминов естественных видов.

Многие критики усмотрели в признании Патнэмом и Крипке внутренней природы, конституирующей естественный вид, возврат к "давно дискредитировавшей себя" локковской (или даже аристотелевской) идее "реальной сущности". Согласно определению, реальная сущность представляет собой внутреннюю структуру субстанций

(конкретных вещей) и благодаря ей субстанции являются тем, чем они являются. Таким образом, теория естественных видов дала повод для многочисленных обвинений Патнэма и Крипке в эссенциализме. Некоторые сторонники новой теории референции (в частности К.Доннелан) попытались показать, что эссенциализм не является неизбежным следствием их позиции. Аналогичная попытка была предпринята Н.Салмоном в его книге "Сущность и референция" ("Essence and Reference", 1981), где он попытался переформулировать основные положения новой теории референции с тем, чтобы избежать обвинений в эссенциализме. Однако Патнэм и Крипке вполне однозначно и открыто признают наличие существенных свойств или внутренней природы, которая является общей для всех членов естественного вида и благодаря которой объясняются отличительные свойства этого вида. Эта внутренняя природа раскрывается в ходе научного исследования, и, как отмечает Патнэм, "то, чем является существенная природа, — это не вопрос анализа языка, а вопрос построения научной теории"³⁹. Этот вывод уже сам по себе является примечательным фактом, поскольку после длительного периода безоговорочного неприятия понятия "сущности" западная аналитическая философия (во всяком случае в лице ее некоторых представителей) возвращается к анализу и экспликации этого понятия.

Как уже отмечалось, важную часть новой теории референции Патнэма и Крипке составляет пересмотр понятий необходимости и необходимой истины⁴⁰. По мнению Крипке, в течение длительного времени в философии предполагалось, что все необходимо-истинные утверждения носят априорный характер, а то, что известно *a posteriori*, может быть только случайной истиной. Определив необходимо-истинное утверждение как утверждение, истинное во всех возможных мирах, Крипке в своем анализе показал, что могут быть необходимые истины, устанавли-

ваемые эмпирическим путем [т.е. "эпистемически случайные, но (метафизически) необходимые истины"], и случайные истины, известные априорно. Например, все истинные утверждения тождества, содержащие собственные имена ("Утренняя звезда есть Вечерняя звезда" и т.д.), являются необходимо-истинными (т.е. истинными во всех возможных мирах), даже если их истинность установлена в ходе эмпирического исследования. Аналогичным образом, если в ходе научного исследования раскрыта внутренняя природа воды, то есть установлено, что вода имеет химический состав, выражаемый формулой H_2O , то, являясь жестким десигнатором, вода имеет указанный химический состав во всех возможных мирах, и, следовательно, утверждение "Вода есть H_2O " является необходимо истинным. Поскольку и открытие того, что "Утренняя звезда" и "Вечерняя звезда" обозначают одну и ту же планету, и установление химической формулы воды является результатом эмпирического исследования, то указанные утверждения нельзя назвать априорными, а поэтому они являются эпистемически случайными, хотя и "метафизически" необходимыми. Это означает, что "наука открывает необходимые истины, что наука открывает сущность вещей"⁴¹.

Эта новая трактовка необходимой истины объясняет непригодность как внешних феноменологических, так и внутренних существенных свойств для аналитического определения естественных видов. Согласно Патнэму и другим сторонникам новой теории референции, ни утверждение "Вода бесцветна", ни утверждение "Вода есть H_2O " не может считаться аналитически истинным. Традиционное понимание аналитической истины предполагает, что эта истина является необходимой и априорной. Но как показали Крипке и Патнэм в своем анализе понятия необходимой истины, утверждения, включающие внешние свойства естественного рода, не могут считаться необходимыми (истинными во всех возможных мирах), а утвержде-

ния, содержащие существенные свойства, хотя и являются необходимыми, но не выражают априорной истины (то есть являются "эпистемически случайными"), поскольку они – результат эмпирического исследования. Поэтому, согласно Патнэму, "естественные виды не имеют аналитических определений"⁴², и «только из-за смешения метафизической необходимости и эпистемической необходимости можно сделать вывод, что если (метафизически необходимым) условием принадлежности к воде является обладание структурой H_2O , то "вода" должна быть синонимична с $H_2O...$ »⁴³. Из сказанного Патнэм и Крипке делают вывод, что невозможно указать свойства, обладание которыми явилось бы необходимым и достаточным условием для вхождения в экстенционал термина, а это означает, что рушится основной тезис традиционной теории значения об определении экстенционала интенционалом термина. Нетрудно видеть, что пересмотр Патнэмом и Крипке понятия необходимой истины также в значительной мере опирается на эссенциалистские допущения, и поэтому его обоснованность находится в прямой зависимости от того, насколько оправдан выбор эссенциалистской позиции.

Итак, мы рассмотрели, как решает проблему референции Патнэм. Принципиальными моментами в его решении являются, во-первых, учет социального фактора (разделения лингвистического труда) и фактора природной среды ("вещество само выполняет работу по установлению экстенционала своего термина"⁴⁴); во-вторых, формулировка каузального механизма в определении референции и, в-третьих, пересмотр понятия необходимой истины. Теперь мы можем возвратиться к вопросам, сформулированным в предыдущем параграфе, и рассмотреть, какой ответ на них предлагает теория референции Патнэма.

Напомним, что первый вопрос касался тождественности экстенционала слова "вода" в 1750 году (до открытия химической формулы воды) и в 1950 году (когда уже было

известно, что вода — это H_2O). Обоснованием инвариантности экстенционала термина естественного вида служит то положение концепции Патнэма, согласно которому в определении экстенционала термина наиболее важную роль играет внутренняя природа или существенные свойства обозначаемого им вида. А поскольку, считает Патнэм, и в 1750 г., и в 1950 г. внутренняя сущность воды выражалась формулой H_2O , хотя в 1750 г. это было неизвестно, то экстенционал "воды" не изменился. Рассматривая пример с золотом, Патнэм формулирует эту идею с еще большей определенностью. По его мнению, слово "золото" (если не учитывать различия между английским, греческим и латинским эквивалентами этого слова) не изменило своего экстенционала за последние две тысячи лет, хотя методы идентификации золота стали несравнимо более совершенными. Если, к примеру, относительно некоторых образцов вещества (обозначим их X) во времена Архимеда нельзя было установить, что это не золото, хотя современными методами это устанавливается без труда, то эти образцы, согласно Патнэму, не принадлежали к экстенционалу "золота" ни во времена Архимеда, ни в наше время. Архимед и его современники ошибались относительно принадлежности X к экстенционалу "золота", поскольку не имели технических средств, чтобы это установить. Но, по мнению Патнэма, "в любое время, безусловно, существуют вещи, которые, будучи истинными, не могут быть верифицированы"⁴⁵. Таким образом, Патнэм обосновывает инвариантность референции терминов естественных видов тем, что любой естественный вид конституируется благодаря общей (и, видимо, неизменяющейся) внутренней сущности всех его членов. Это означает, что обоснование Патнэма опирается на эссенциалистские допущения. И хотя эссенциалистская позиция хорошо согласуется с его научным реализмом, тем не менее это не освобождает его от необходимости обосновать выбор такой позиции.

Что касается допущения о том, что референция терминов естественных видов определяется независимо от человека и его знания об окружающем мире, то и оно находит свое обоснование в эссенциализме Патнэма. Поскольку экстенсионалы терминов естественных видов определяются внутренней природой этих видов и поскольку эта внутренняя природа не зависит от человека и его знания о ней, то вполне естественно заключить, что механизм определения референции этих терминов не зависит от лингвистического сообщества. Однако, на наш взгляд, подобный вывод искажает реальную "картину" функционирования языка. Этот вывод означает, что до тех пор, пока лингвистическое сообщество не располагает научным знанием о внутренней природе вещей и не владеет совершенными методами распознавания этой внутренней природы, ничто не гарантирует корректного употребления языка (во всяком случае той части его выражений, которые обозначают природные вещества, животных, растения и т.д.), и люди обречены делать "ошибки", называя, к примеру, золотом такие образцы вещества, которые золотом не являются. По существу, это означает, что корректное употребление языка находится в прямой зависимости от степени развитости научного знания о мире, более того, оно невозможно без науки. Безусловно, в этом аспекте патнэмовской концепции референции со всей очевидностью проступает ее научно-реалистическая "подоплека", однако в нем же обнаруживается и ее не вполне адекватный характер.

Итак, объяснив, как определяется референция таких выражений, как имена собственные и термины естественных видов, Патнэм и его "единоверцы" оказываются перед необходимостью дать общую трактовку значения этих выражений. И здесь их пути расходятся. Если Крипке и другие сторонники новой теории референции отождествляют значение имени собственного и термина естественного вида с их референтами, то Патнэм предлагает более ком-

промиссное решение, которое говорит об относительной правомерности отнесения его к ортодоксальным сторонникам новой теории референции.

Напомним, что показав несовместимость двух посылок, лежащих в основании традиционной теории значения, Патнэм оказался перед выбором: то ли сохранив отождествление значения с концептом, отказаться от идеи, что значение определяет экстенционал, то ли отказаться от указанного отождествления и сохранить идею определения экстенционала значением. Выбор первого пути означал бы, по существу, сведение значения к экстенционалу термина.

Патнэм выбирает второй путь. Поэтому его задача – определить значение таким образом, чтобы оно не было тождественно концепту, но определяло бы экстенционал. Признавая, что исчерпывающее определение – это задача будущего научного исследования, Патнэм предлагает лишь его общую идею – представить значение как "вектор", образованный из следующих компонентов: 1) синтаксические маркеры, описывающие грамматическую категорию термина (например, "нарицательное существительное" или "собирательное существительное"); 2) семантические маркеры, указывающие, к какой категории вещей применяется данный термин (например, в случае "воды" такими семантическими маркерами являются определения "естественный вид" и "жидкость"); 3) описание стереотипа (в случае "воды" описание стереотипа включает такие характеристики, как "бесцветная, прозрачная, лишенная вкуса, утоляющая жажду" и т.д.) и 4) дескрипция экстенционала (например, H_2O).

Наиболее оригинальным вкладом Патнэма является третий компонент значения – стереотип. В понимании Патнэма стереотип – это некоторое конвенциональное представление, связанное с термином естественного вида. Стереотип включает стандартизованное описание черт некоторого естественного вида, которые считаются типич-

ными или обычными в том смысле, что являются достаточными для установления принадлежности в обычных ситуациях некоторого объекта к данному естественному виду. Например, стандартизованное описание тигра как "крупного кошачьеобразного хищного животного, имеющего четыре лапы и грязно-желтую шерсть с черными полосами и т.д.", как правило, является достаточным, чтобы отличить тигра от льва. Стереотип представляет собой тот минимум информации, которым должен овладеть носитель языка, чтобы использовать слово со знанием дела. Этот минимальный уровень компетенции в значительной мере зависит от культуры и от той темы, с которой связано данное слово. "В нашей культуре от говорящих требуется, чтобы они знали, как выглядят тигры"⁴⁶ и были способны отличить тигров от леопардов. Это означает, что стереотипы обладают лингвистической принудительностью в том же смысле, в каком такой принудительностью обладают грамматические правила.

На первый взгляд, стереотип ничем не отличается от того, как трактуется смысл в традиционной теории значения. Однако Патнэм указывает, что стереотип не тождественен фрегевскому Sinn, поскольку он не определяет экстенционал термина и не имеет аналитических определений. Тот факт, что некоторая характеристика (обозначим ее *P*) входит в стереотип термина *X*, не означает, что утверждение "Все *X* есть *P*" является аналитически истинным. Хотя стереотипной характеристикой тигра является полосатость, тигр без полос тем не менее остается тигром. Таким образом, информация, содержащаяся в стереотипе, необязательно является правильной или точной, поскольку большинство стереотипов включают характеристики, которыми обладают, как правило, парадигмальные представители данного естественного рода. Включение Патнэмом в состав значения термина естественного рода такого компонента, как стереотип обусловлено тем фактом, что корректное

использование таких слов, как "тигр", "золото" и т.д. невозможно без знания достаточно многих вещей о тиграх и золоте. "В этом смысле понятия имеют прямое отношение к значению"⁴⁷.

Видимо, можно согласиться с точкой зрения Н.Салмона, который увидел в предложенном Патнэмом определении значения не отказ от понятия смысла, а шаг в сторону дальнейшей дифференции понятия значения, начало которой было положено работой Г.Фреге "Смысл и значение". Согласно Салмону, понятие смысла выполняет в традиционной теории, по крайней мере, три следующих функции:⁴⁸

Смысл 1 – чисто концептуальная репрезентация объекта, которую усваивает носитель языка, когда он понимает термин. Смысл 1 включает качественные характеристики объекта и является психологическим или концептуальным понятием.

Смысл 2 – образует механизм, благодаря которому определяется и систематически обеспечивается референция термина.

Смысл 3 – составляет вклад, вносимый термином в информационное содержание предложений, в которые он входит. Смысл 3 термина имеет отношение к выражаемому предложением суждению и к эпистемологическому статусу предложения, содержащего данный термин (то есть определяет, является ли данное предложение априорным или апостериорным, тривиальным или информативным, аналитическим или синтетическим и т.д.).⁴⁹

В решении, предложенном Патнэмом, эти функции, полагает Салмон, распределены между разными компонентами значения. Например, функцию "Смысл 2" выполняет значение слова, взятое как целое; функция "Смысл 1" возложена на стереотип, а функцию "Смысл 3", видимо, делят между собой остальные компоненты значения.

Хотя в целом подобное направление разработки тео-

рии значения представляется нам довольно оправданным и перспективным, решение, предложенное Патнэмом, на наш взгляд, является наименее интересной частью его вклада в современные дискуссии по проблеме значения. И здесь нельзя не согласиться с ироничной характеристикой И.Хокинга, который отметил сходство между структурой значения, предложенной Патнэмом, и теми компонентами, из которых состоит любая справочная статья в словаре. Как правило, такая статья начинается с фонетической транскрипции и грамматики, после чего следует этимология слова, а затем множество сведений, включая примеры употребления. А поскольку Патнэм строит свое описание структуры значения из аналогичной строки компонентов, то, иронично замечает Хокинг, «можно сказать, что он начал движение "Назад к словарю"»⁵⁰.

Завершая наше рассмотрение трактовки Патнэмом понятия значения, следует отметить, что принятая им стратегия на дальнейшую дифференциацию этого понятия вовсе не означает его примирения с традиционной теорией. Хотя из двух альтернатив, выявившихся при критике традиционного подхода, Патнэм выбрал стратегию, предполагающую сохранение тезиса о том, что значение термина определяет его экстенционал, однако в его концепции референции этот тезис получает совершенно отличную от традиционной трактовку. Поскольку экстенционал становится составной частью значения, то определение экстенционала значением (включающим экстенционал) приобретает совершенно тривиальный характер. А в 1983 году Патнэм, обобщая основные идеи своей концепции референции, уже открыто признал, что он "главным образом подчеркивал важность референции в определении значения в противоположность традиционной идее, распространенной как среди реалистов, так и среди идеалистов, что именно значения определяют референцию"⁵¹.

Таким образом, мы рассмотрели основные идеи новой

теории референции, представленные в трудах Х. Патнэма и С. Крипке. Конечно, проблемы, обсуждаемые этими известными американскими философами, ни в коей мере не являются новыми для философии, тем более для философии XX столетия, и принципиальные решения, предложенные ими, тоже имеют своих предшественников⁵². Однако тот факт, что эти проблемы вновь введены в поле обсуждения современной философии и под новым углом зрения проанализированы, что предложены оригинальные и плодотворные аргументы и получены важные результаты (связь между референцией и сущностью, пересмотр понятия необходимой истины, концепция жестких десигнаторов и т.д.), говорит о том, что новая теория референции представляет собой значительное событие и достижение в современной аналитической философии. Эта теория, безусловно, способствует формированию более адекватного и глубокого представления о том, как функционирует язык и как осуществляется его взаимодействие с реальностью. Тем не менее эта концепция имеет ряд недостатков, которые позволяют предположить, что спор между нею и традиционной теорией значения еще не окончен.

Во-первых, эта теория (во всяком случае в том виде, как она сформулирована Крипке и др.) содержит решение проблемы референции для наиболее простого случая, а именно – для случая обычного употребления имен, и не предлагает никаких путей решения этой проблемы, скажем, в случае косвенной речи, хотя, как мы видели, именно употребление имен в косвенной речи представляет наибольшую трудность для семантики. В новой теории референции не получают разрешения и трудности, заставившие Г. Фреге и Б. Рассела обратиться к дескриптивной семантике.

Во-вторых, хотя концепция жестких десигнаторов, безусловно, является очень важным вкладом в современную семантику, трактовать имена собственные только как жесткие десигнаторы представляется неправомерным. Ис-

следования многих авторов показали, что имеется немало случаев, когда имена функционируют как нежесткие десигнаторы. Поэтому "говорить, что собственные имена, как таковые, являются жесткими, — ошибочно. Собственные имена — это контекстуально-зависимые референциальные выражения, которые обычно употребляются жестко"⁵³, но которые могут использоваться и нежестко.

Что касается терминов естественных видов, то их определение как жестких десигнаторов на основе их необходимой внутренней природы, ведет, как мы видели, к ошибочному выводу о том, что корректное употребление этих терминов находится в прямой зависимости от уровня развития науки и поэтому возможны случаи, когда термин указывает на одни объекты, а люди **ошибочно** включают в его экстенционал другие объекты.

Еще одну неадекватность в предложенной Патнэмом и Крипке трактовке терминов естественных видов отметил А.Айер. Он предложил представить, что в какой-то части нашего мира мы наткнулись на вещество, которое имеет химическое строение H_2O , но которое не обладает такими свойствами, как "способность выпадать в виде дождя, утолять жажду, тушить огонь и т.д., и, возможно, даже не выглядит как жидкость". По мнению Айера, было бы очень удивительно, если бы большинство людей стали называть это вещество "водой". Наоборот, они «продолжали бы использовать слово "вода" применительно к веществу, которое обладает перечисленными свойствами, даже если оно имеет иное химическое строение»⁵⁴. Это рассуждение Айера показывает, что трактовка терминов естественных видов в новой теории референции не согласуется с нашими обычными интуитивными представлениями о том, как мы употребляем слова нашего языка.

В-третьих, сторонники новой теории референции отказались от понятия смысла как механизма определения референции и заменили его каузальным механизмом. Од-

нако каузальные связи могут объяснить референцию имен только тех объектов, с которыми мы знакомы по опыту. Но огромное большинство используемых нами имен принадлежит объектам и индивидам, с которыми мы не связаны никаким каузальным контекстом. В случае этих имен механизм передачи референции по каузальным цепочкам является очень слабым объяснением. Поскольку единственным гарантом того, что референция имени будет сохранена, являются намерения говорящих употреблять имя с той же референцией, с какой его употребляли люди, "передавшие имя по цепочке", то становится совершенно непонятно, почему имена, переданные нам через многие годы или даже столетия, тем не менее сохранили свою референцию несмотря на то, что передача их по цепочке, наверняка, была связана с различными ошибками, неправильными интерпретациями, искажениями и т.д. Это означает, что референция, в понимании Крипке и его сторонников, — это некоторый "таинственный трюк, который каким-то образом передается и, будучи переданным, не может быть утрачен"⁵⁵.

4. Философские следствия новой теории референции

Создание Патнэмом новой концепции референции во многом стимулировалось стремлением опровергнуть тезис Куна и Фейерабенда о несоизмеримости научных теорий и обосновать инвариантность значения научных терминов при их переходе из одной теории в другую. Теперь, после ознакомления с этой концепцией, можно сформулировать "окончательный" ответ Патнэма Куну и Фейерабенду.

Итак, согласно Патнэму, тезис о несоизмеримости научных теорий опирается на неправильную трактовку значения, в основе которой лежит традиционный подход. Патнэм следующим образом реконструирует "ход рассуждения", приведший Фейерабенда к принятию этого тезиса.

При введении некоторого научного термина референту данного термина дается теоретическое описание, основанное на законах и положениях, постулируемых данной теорией. Поскольку это теоретическое определение является аналитическим (в традиционном понимании), то референтом данного термина является тот объект, который удовлетворяет указанному определению. Если же ничто не удовлетворяет этому строгому теоретическому описанию, то следует признать, что у данного термина нет референта. Если никакой объект не соответствует дескрипции электрона, данной Бором (в 1904 году), то "электрон" в том смысле, в каком это слово использовали ученые в 1904 году, ничего не обозначает. В разных теориях даются различные дескрипции электрона, и поэтому смысл этого слова, синонимичный с указанными дескрипциями, различен. На основе этих соображений, по мнению Патнэма, «Фейерабенд делает вывод, что указанный термин не может иметь ни общего референта, ни общего смысла в различных теориях ("несоизмеримость теорий")»⁵⁶.

Согласно Патнэму, некорректность этого вывода вытекает из несостоятельности традиционного решения проблемы референции применительно к терминам естественных видов, которые составляют основную часть научных терминов. Если принять, что семантическая концепция Патнэма убедительно доказывает инвариантность референции терминов естественных видов, то это означает, что научные термины при их переходе из одной научной теории в другую продолжают обозначать одни и те же объекты. Их референция, определяемая во многом внутренней природой обозначаемых ими естественных видов, остается постоянной, хотя стереотипные описания, связываемые с этими терминами, могут измениться значительным образом. Именно референция, согласно Патнэму, фиксирует тождество того, о чем говорят различные научные теории. А раз это так, отмечает Патнэм, то "мы не согласны с сэром

Карлом Поппером и с Полом Фейерабендом, что признание радикальных изменений парадигм в науке несовместимо с идеей роста объективного знания. Мы можем иметь и смену парадигм, и ... объективное знание"⁵⁷, которое и гарантируется инвариантностью референции научных терминов.

Однако такой "ответ" не долго удовлетворял Патнэма. Как мы видели, его концепция референции основывается на сильных эссенциалистских допущениях, но помимо этих допущений в ней неявно предполагается определенное понимание отношения между мышлением и реальностью, определенная трактовка истины и объективности нашего знания. Во многом изменения во взглядах Патнэма к середине 70-х годов было следствием критического осмысления этих гносеологических и метафизических "оснований" его семантической концепции. В этот период его научный реализм начинает постепенно утрачивать свои "крипкеанские" черты, и, хотя Патнэм не говорит о своем отказе от эссенциализма и продолжает в своих работах ссылаться на то, что природа сама устанавливает экстенсионалы наших терминов, однако этот аспект перестает быть преобладающим в его размышлениях о референции и в центр его внимания перемещаются совсем иные проблемы. Как подготавливались эти изменения и в чем они выразились, — вот вопросы, на которых нам хотелось бы сейчас остановиться.

Во-первых, следует отметить, что дальнейшие размышления Патнэма о референции научных терминов приводят его к осознанию того, что теория естественных видов удовлетворительным образом обосновывает инвариантность референции отнюдь не для всех видов научных терминов. Эта концепция хорошо описывает случаи с наблюдаемыми естественными видами (например, водой, золотом, тигром и т.д.), то есть случаи, где можно непосредственно указать на представителя того или иного естественного вида. Однако на электроны, гены, молекулы ДНК и

другие объекты, обозначаемые теоретическими терминами, указать нельзя. Как в отношении этих терминов можно доказать, что они являются "транстеоретическими", то есть имеющими одну и ту же референцию в различных теориях? Патнэм хорошо осознает тот факт, что большинство теоретических терминов (если не все) вводятся с помощью дескрипций. Например, ученый, вводящий в теорию новый термин, может рассуждать примерно так: "На мой взгляд, существует частица, ответственная за такие-то и такие-то эффекты. Назову ее кварком". Но если в последующем научном исследовании выяснится, что никакая частица не является ответственной за указанные эффекты, то есть никакая частица не удовлетворяет данной при введении термина "кварк" дескрипции, то означает ли это, что кварков не существует? Сторонник традиционной теории значения ответил бы на этот вопрос утвердительно: да, кварков не существует. Патнэм же настаивает на отрицательном ответе. Но даже если принять, что вводимые учеными дескрипции служат лишь для фиксирования референции теоретических терминов, а затем эти термины употребляются жестко (поскольку природа сама определяет их референцию), то остается непонятным, почему это имело место в случае таких терминов, как "электрон", "ген", "кварк" и т.д. и не произошло в случае таких терминов, как "флогистон", "теплород", "эфир" и т.д. Теория естественных видов не дает объяснения этому различию и поэтому для ответа на этот вопрос Патнэм вводит методологический принцип, получивший название Принципа полезности сомнения (Principle of Benefit of Doubt) или Принципа разумного сомнения (Principle of Reasonable Doubt). Согласно этому принципу, следует допустить, что ученый, вводящий новый термин с помощью некоторой дескрипции, примет разумную переформулировку этой дескрипции, если она окажется ошибочной и неспособной ни на что указывать. Благодаря этому принципу становится очевидным, что термин

"электрон", как его использовал Бор, обозначает электроны, хотя в мире нет ничего, что в точности соответствовало бы дескрипции электрона, данной Бором. Однако, по мнению Патнэма, в мире есть частицы, которые приблизительно соответствуют дескрипции Бора: они имеют такой же заряд, такую же массу и ответственны за те основные эффекты, за которые, как полагал Бор, ответственны электроны". Благодаря этому принципу возможны "ретроспективные присваивания" референтов, то есть «мы можем присвоить референт "гравитационному полю" в ньютоновской теории с точки зрения теории относительности, ... или "гену" Менделя с точки зрения современной молекулярной биологии, или дальтоновскому "атому" с точки зрения квантовой механики»⁵⁸. Но поскольку с точки зрения современной науки нельзя присвоить никакого референта таким терминам, как "эфир" и "флогистон", то это означает, по мнению Патнэма, что флогистона и эфира не существует. Тем самым Принцип полезности сомнения позволяет избежать возражений, связанных с этими терминами.

Таким образом, без Принципа полезности сомнения было бы невозможно объяснить устойчивую референцию теоретических терминов. Но каким образом можно было бы оправдать принятие этого принципа? Согласно Патнэму, Принцип полезности сомнения, как любой методологический принцип, является одновременно дескриптивным и нормативным, то есть, с одной стороны, он описывает реальные интенции людей при установлении референции терминов (каждый человек, вводящий новый термин, хотел бы, чтобы ему была предоставлена возможность, сформулированная в этом принципе), а с другой стороны, этот принцип имеет регулятивный характер (именно таким должно быть отношение к тем, кто вводит новые термины, с тем, чтобы обеспечивалась устойчивая референция). Назвав свой принцип дескриптивным, Патнэм не предложил никакого обоснования, опирающегося

на конкретную историю науки, кроме собственной интуиции. Именно в этом многие исследователи усмотрели слабость его позиции. Так, Хокинг отмечает, что главный недостаток концепции Патнэма состоит в том, что "он отдает предпочтение придуманным историям перед фактами"⁵⁹, а обращение к реальной истории науки часто показывает, что концепция Патнэма не всегда согласуется с фактами. Мы здесь не будем рассматривать, насколько серьезным является это обвинение в адрес Патнэма, тем более что, на наш взгляд, сам Патнэм придает наибольшее значение не эмпирическому подтверждению правильности его Принципа полезности сомнения, а тому обстоятельству, что этот принцип наилучшим образом увязывает тезис о конвергенции науки с истинной картиной мира, научно-реалистическую позицию и положение об инвариантности референции научных терминов. Как отмечает Патнэм, если нет конвергенции в развитии науки, если последующие теории не включают предыдущие в качестве "предельных случаев", то Принцип полезности сомнения также оказывается неразумным, поскольку в этом случае не может быть разумной модификации теоретических дескрипций, предлагаемых более ранними теориями, что позволило бы терминам, связанным с этими дескрипциями, указывать на объекты, которые существуют, с точки зрения более поздней теории. В результате, считает Патнэм, нет никакого основания считать, что научные термины имеют референтов, и поэтому "референция рушится"⁶⁰. Таким образом, обоснование Патнэмом необходимости принятия таких основных положений его философско-методологической концепции, как идея конвергенции научного знания, Принцип полезности сомнения, инвариантность референции научных терминов и т.д., по существу, сводится к тому, что все эти положения взаимодополняют друг друга в общей "модели" развития научного знания, и поэтому отказ от любого из них ведет к разрушению всей модели.

Принятие Принципа полезности сомнения свидетельствует также об определенном сдвиге в отношении Патнэма к научному реализму. Если раньше Патнэм разделял общее научно-реалистическое представление об объективном и независимом существовании постулируемых истинными научными теориями сущностей (подтверждением тому является его концепция референции), то теперь он считает необходимым уточнить, что «поскольку "научный реалист" как ярлык несет на себе определенный идеологический оттенок – оттенок, отнюдь не слабо напоминающий о материализме XIX века или, говоря более грубо, о деревенском атеизме»⁶¹, то его, Патнэма, научно-реалистическая позиция означает не более как принятие двух принципов, которые были сформулированы Ричардом Бойдом:

(1) термины зрелой науки, как правило, имеют референты;

(2) законы теории, принадлежащей зрелой науке, как правило, приблизительно истинны⁶².

Это уточнение Патнэмом своей научно-реалистической позиции отражает общее изменение его взгляда на отношение между языком и реальностью. Теперь носитель языка выступает для него как "конструирующий символическую репрезентацию того, что его окружает. Точность или неточность этой репрезентации оказывает влияние на жизнеспособность носителя языка и на успех его усилий во взаимодействии с тем, что его окружает. Таким образом, рассмотрение отношения между носителями языка и миром является частью каузальной модели человеческого поведения. И поскольку предполагаемое соответствие между репрезентациями в сознании носителя языка и их внешними референтами является частью указанной модели, реализм, таким образом, становится эмпирической гипотезой"⁶³. С точки зрения нашего исследования, это превращение реализма в "эмпирическую гипотезу" фиксирует очень важный момент в творчестве Патнэма, когда реализм для него из "само собой разумеющейся" позиции становится

тем, что требует осмысления и анализа. На наш взгляд, это важный шаг в постановке философской проблемы реализма.

Другой важный аспект творчества Патнэма в этот период, имевший далеко идущие последствия, связан с осознанием им того, что "нельзя серьезно решать реальные философские проблемы, не будучи более чутким и внимательным к своей эпистемологической позиции"⁶⁴. Это имело следствием выдвижение понятия истины в центр философских размышлений Патнэма, для которого и референция, и реализм становятся теперь имеющими прямое отношение к вопросу об истине.

Конечно, в логической семантике понятия референции и истины связаны самым непосредственным образом. Достаточно упомянуть, что по определению экстенционалом (референтом) термина является множество тех объектов, относительно которых данный термин истинен⁶⁵. Однако для Патнэма зависимость между понятиями истины и референции выходит за пределы их чисто логико-семантической трактовки и имеет глубокое философское значение, о чем свидетельствует его отношение к теории истины А.Тарского.

Тарскому принадлежит классическое определение семантических понятий истины и референции, которое было дано им в известной работе "Понятие истины в формализованных языках" (1935). Рассматривая истину как свойство осмысленных предложений, Тарский определяет предикат "истинно" (а также и предикат "указывает на"), используя только понятия объектного языка и понятия математической логики, не прибегая ни к каким семантическим категориям. Под объектным языком Тарский имеет в виду тот язык, для предложений которого строится искомое определение истины, хотя само определение формулируется в другом языке, который получает название "метаязыка". Все определения истинности для конкретных предложений объектного языка, согласно этой теории, должны удовле-

творять некоторому условию адекватности, которое формулируется следующим образом:

"P" истинно, если и только если P,

где P – некоторое предложение, а "P" – имя этого предложения, например: "Снег бел" истинно, если и только если снег бел. Существенной чертой теории истины Тарского является то, что истина и референция определяются в ней не для какого угодно языка, а для вполне конкретного формального языка с четко заданной структурой и само определение истины формулируется в виде совокупности определений истинности для каждого предложения этого языка. Это определение истины не говорит, при каких условиях мы можем утверждать предложение

(1) Снег бел

Оно означает лишь, что когда мы утверждаем это предложение, то мы тем самым утверждаем соответствующее ему предложение

(2) Предложение "Снег бел" истинно.

Отсюда Тарский делает вывод, что "мы можем принять семантическую концепцию истины, не отказываясь от своей эпистемологической позиции: мы можем оставаться наивными реалистами, критическими реалистами или идеалистами, эмпириками или метафизиками или кем угодно. Семантическая концепция полностью нейтральна по отношению ко всем этим позициям"⁶⁶. Именно эту особенность теории истины Тарского имеет в виду Патнэм, когда указывает, что принятие этой теории многими философами (такими, как Карнап, Поппер, Гемпель и др.) было обусловлено тем, что эта теория является философски нейтральной и не обязывает ни к какой философской позиции. Однако для Патнэма эта особенность не является достоинством, и он не считает теорию Тарского удовлетворительной экспликацией корреспондентной теории истины, поскольку отождествление идеи соответствия с "условием адекватности" не проясняет природы истины и референ-

ции. Хотя Патнэм признает, что Тарский дал абсолютно корректное формально-логическое определение истины, философская концепция истины не может ограничиться только этим определением. "Работа Тарского требует дополнения, и когда это философское дополнение будет осуществлено, мы увидим, что понятие истины не является философски нейтральным и что необходимо рассмотрение соответствия для того, чтобы понять, как функционирует язык и как функционирует наука"⁶⁷.

Итак, согласно Патнэму, реалистическая позиция связана с признанием корреспондентной теории истины, согласно которой предложение истинно, если оно соответствует реальному положению дел, и задача теории истины состоит поэтому в том, чтобы раскрыть природу этого отношения соответствия. В связи с такой трактовкой истины появляется новый аспект в критике Патнэмом тезиса о несоизмеримости научных теорий. Патнэм указывает, что в концепции Куна и Фейерабенда истина фигурирует только как внутритеоретическое понятие, вбирающее в себя такие свойства теории, как простота, когерентность, рациональная приемлемость и т.д. Но поскольку, считает Патнэм, для последовательного реалиста истина имеет смысл только как внешнетеоретическое понятие, выражающее отношение между теорией и миром, этот отказ от понимания истины как соответствия реальности говорит о сильной антиреалистической направленности позиции Куна и Фейерабенда.

Нет ничего удивительного в том, что в раскрытии отношения соответствия между языком и реальностью Патнэм возлагает большие надежды на теорию референции. Признавая сложный и разнообразный характер связей между элементами языка и аспектами мира (о чем свидетельствует анализ референции различных категорий терминов), Патнэм тем не менее считает, что это многообразие не должно заслонять главного в нашем понимании референции. Поэтому "рассматривать наше эволюционирующее и рас-

ширяющееся понятие референции только как пролиферирующее семейство – значит упускать из виду сущность отношения между языком и реальностью. Сущность этого отношения такова, что язык и мысль асимптотически соответствуют реальности, по крайней мере в определенной степени. Теория референции является теорией этого соответствия"⁶⁸. Эту свою мысль Патнэм поясняет следующим образом: референция определяет "параметризацию" (parameterization) мира и осуществляет ее корреляцию с "параметризацией" языка, причем таким образом, что наши "предложения имеют тенденцию в далекой перспективе коррелировать с реальными состояниями дел (в смысле параметризации)"⁶⁹. Это общее описание, конечно, задает определенное видение проблемы, но в нем больше неясностей, чем ответов. Если референция определяет "параметризацию" мира (то есть членение мира на "параметры": объекты, свойства, отношения и т.д.), то следует ли понимать это в том смысле, что природа, устанавливая экстенсионалы наших терминов, дает своей "параметризации" проявиться в "параметризации" нашего языка? Но каков в таком случае механизм референции? Что же определяет саму референцию? И каким образом осуществляется корреляция "параметризации" языка и "параметризации" мира и обеспечивается соответствие между миром и языком?

Первое время Патнэм полагал, что на все эти вопросы сможет дать ответ каузальная теория референции. В 1972 году была опубликована статья Хартри Филда "Теория истины Тарского"⁷⁰, которая сыграла важную роль в развитии взглядов Патнэма на проблему истины и референции. В этой статье делалась попытка создания "физикалистской" теории референции. Исходя из того, что референция только тогда имеет место, когда использование термина говорящим стоит в определенном каузальном отношении к той вещи, на которую говорящий имел намерение указать, Филд выдвинул гипотезу, что это отношение должно быть

установлено эмпирической наукой в том же смысле, в каком наука установила, что вода — это H_2O , а золото имеет атомный вес, равный 79. Эта гипотеза показалась Патнэму очень привлекательной, поскольку, во-первых, она хорошо согласовывалась с его концепцией референции, а главное, ее реализация означала бы выполнение той программы, которую Патнэм возложил на теорию референции. Однако, очень скоро Патнэм осознал полную утопичность создания "физикалистской" теории референции, а дальнейшие размышления над причинами невозможности создания такой теории привели его к выводу о том, что понятию референции невозможно дать по-научному точное определение, и поэтому каузальная теория референции, являясь описанием того, как устанавливается референция, не может дать ответа на вопрос, что такое референция, "фактически она предполагает понятие референции"⁷¹.

В ходе дальнейшего углубленного изучения проблемы истины и референции Патнэм не столько находил подтверждения своему представлению об истине как соответствии реальности, сколько обнаруживал трудности, с которыми сталкивается каждый, кто придерживается корреспондентной теории. В частности, в этот период он много внимания уделяет анализу так называемых эквивалентных описаний. Более подробно об этих описаниях мы поговорим позже; здесь же отметим лишь, что эти описания свидетельствуют о возможности множества истинных описаний одного и того же фрагмента реальности. Хотя это обстоятельство может представлять серьезную проблему для идеи соответствия между языком и реальностью, для Патнэма совершенно очевидно, что "реалист в XX веке не может игнорировать существование эквивалентных описаний"⁷². О том, какие выводы сделал Патнэм из анализа этой и многих других трудностей, с которыми сталкивается корреспондентная теория истины, речь пойдет в следующей главе.

Итак, мы рассмотрели период в творчестве Патнэма,

когда он стоял на позициях научного реализма. Он трактовал реализм в это время как признание объективного и независимого существования референтов научных терминов и главную свою задачу видел в том, чтобы показать совместимость реалистической позиции и факта развития научного знания, в ходе которого пересматриваются многие научные истины, меняются парадигмы, отбрасываются считающиеся ранее истинными теории. Научный реализм Патнэма имел в своей основе сильные эссенциалистские допущения и опирался на результаты его семантических исследований, в первую очередь исследований по проблеме референции для терминов естественных видов. Однако в ходе этих изысканий Патнэм приходит к осознанию того, что для реализма первостепенное значение имеет вопрос о связи между языком и реальностью, вопрос о соответствии элементов языка различным аспектам мира. Так проблема истины становится центральной в его философских размышлениях, а реализм превращается из "само собой разумеющейся" позиции в эмпирическую гипотезу. Вначале, связывая реализм с принятием корреспондентной теории истины, Патнэм полагал, что раскрыть природу отношения соответствия между языком и реальностью сможет каузальная теория референции, однако дальнейшие исследования в этом направлении столкнули его с такими трудностями, которые подвели его к необходимости пересмотреть свою эпистемологическую позицию и которые заставили его иначе взглянуть на проблему реализма.

В заключение нам хотелось бы очень кратко охарактеризовать отношение к проблеме истины, которое сложилось в аналитической философии к середине 70-х годов и которое, безусловно, оказало влияние на направление последующих исследований Патнэма и на предложенные им решения.

С одной стороны, этот период в западной философии науки отмечен отказом многих ведущих философов от по-

нимания истины как соответствия реальности. За этим отказом стоит определенное изменение в предмете исследования, обусловленное "переходом философии науки от общепhilософских рассуждений об истине и ее критерии к анализу условий истинности отдельных научных утверждений и теорий"⁷³. На таком "атомарном" уровне исследования оказалось очень сложной задачей сохранить идею соответствия наших представлений реальным вещам и явлениям. Во-первых, сопоставление научных теорий с реальностью имеет очень сложный и опосредованный характер, поскольку можно сопоставлять только эмпирические следствия теории, а в этой ситуации становится непонятным, о каком "соответствии" можно говорить. Во-вторых, сопоставление можно проводить только с научными фактами, результатами экспериментов и наблюдений и т.д., но учитывая "теоретическую нагруженность" последних, вызывает сомнение то обстоятельство, что соответствие теории фактам является свидетельством ее истинности. Указанные трудности побудили многих философов науки отбросить корреспондентную теорию истины и, более того, привели к выводу, что "понятие истины для методологии науки оказывается совершенно излишним и может быть устранено из методологического анализа науки"⁷⁴.

Однако в другой области, а именно — в философии языка, понятие истины в этот период, наоборот, приобретает первостепенное значение. Этому прежде всего способствовали исследования известного американского философа-аналитика и логика Дональда Дэвидсона, который положил понятие истины в основу своей теории значения. По существу, Дэвидсон возрождает и детально разрабатывает теорию, согласно которой значение предложения определяется условиями его истинности. Хотя теория значения Дэвидсона представляет собой важное событие в современной философии языка, однако, с точки зрения влияния на взгляды Патнэма, более актуальной является критика

этой теории другим известным философом наших дней Майклом Даммитом. Определив трактовку значения в терминах условий истинности как реалистическую позицию, Даммит показал, что эта позиция дает неадекватную картину функционирования языка. Во-первых, мы часто понимаем предложения, не будучи способными установить условия их истинности. Более того, в языке существует огромное количество предложений, условия истинности которых никогда не будут нам известны, поскольку они недостижимы для наших познавательных способностей (например, многие утверждения о прошлом и будущем, контрфактические высказывания, универсальные обобщения и т.д.). Однако, принимая принцип двузначности, согласно которому каждое предложение является или истинным, или ложным, реалист вынужден приписать себе обладание истиной, которая выходит за пределы нашего знания о мире и которую могло бы иметь только существо со сверхчеловеческими способностями. Квалифицируя свою собственную позицию как "антиреализм", Даммит предлагает верификационную семантику, в которой значение истинности приписывается только тем предложениям, которые могут быть верифицированы (или подтверждены). Главный итог рассуждений Даммита об истине можно сформулировать так: нет объективной истины, независимой от того, что нам известно о мире.

¹ *Putnam H. Mathematics, Matter and Method. Cambridge, 1975. P. VII.*

² *Wright Crispin. Realism, Meaning and Truth. Oxford, 1987. P. 4.*

³ *Юлина Н.С. Проблемы метафизики в американской философии XX века. М., 1978. С. 231.*

⁴ *Worrall J. Scientific Realism and Scientific Change // The Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 32. № 128. P. 16.*

⁵ *Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 399.*

⁶ Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении. С. 400.

⁷ Там же. С. 415.

⁸ Там же. С. 401.

⁹ Там же. С. 411.

¹⁰ Там же. С. 412.

¹¹ Там же. С. 412-413.

¹² Кратко напомним, что проблема значения языковых выражений является предметом философского исследования со времени Платона и Аристотеля. До Дж.С.Милля преобладающим было представление, согласно которому слова являются знаками идей, то есть значением слова выступает связанная с этим словом идея. Заслуга Милля состояла в создании "денотативной семантики", которая трактует языковые выражения как имена предметов, а не наших представлений о них. Однако, если общие термины, согласно Миллю, с одной стороны, обозначают (денотируют) определенные предметы, а с другой — с ними связана определенная информация (коннотация) об этих предметах, то имена собственные не являются коннотативными: они обозначают предметы, не указывая и не подразумевая никаких присущих им атрибутов.

Фреге, заслуженно считающийся одним из родоначальников современной семантики, во многом отошел от идей Милля. Прежде всего он предложил трактовать значение имени собственного как включающее два компонента: денотат (то есть объект, обозначаемый данным именем) и смысл (то есть способ представления обозначаемого данным именем). Эти два компонента находятся в определенной зависимости: денотатом имени является тот предмет, который удовлетворяет связываемому с этим именем смыслу. Фреге значительно расширил категорию имен собственных, включив в нее помимо имен в обычном понимании ("Сократ", "Наполеон" и т.д.) определенные дескрипции (выражения типа "самая высокая гора в мире") и повествовательные предложения. Что касается общих терминов, то, согласно Фреге, они не обозначают никаких объектов, и их функция состоит в том, чтобы, выражая понятия и отношения, выступать предикатными компонентами предложений (как, например, выражение "философ" в предложении "Сократ является философом") и служить для образования смыслов имен собственных.

Следующим важным шагом в разработке семантических идей явилась теория дескрипций Рассела. С одной стороны, в трактовке значения имени собственного Рассел возвратился к идеям Милля, отказавшись от

фрегевского двухкомпонентного значения и отождествив значение имени с его денотатом. По Расселу имя – это "простой символ, который непосредственно обозначает отдельный предмет, являющийся его значением, и который обладает этим значением по праву, независимо от значения всех других слов" (Russell B. Introduction to Mathematical Philosophy). С другой стороны, Рассел значительно сузил категорию имен собственных, исключив из нее предложения, определенные дескрипции и даже имена в обычном понимании и оставив в ней только "логические собственные имена", то есть выражения, обозначающие нечто простое, что дано человеку непосредственно – в "знании-знакомстве", которое и обеспечивает подлинную гарантию референции (к ним относятся такие слова, как "этот", "тот", "зеленый", "твердый" и т.д.). Определенные дескрипции, согласно Расселу, являются выражениями, которые не имеют денотата, а выражают понятия и выполняют роль предиката в предложении. Важным шагом является и истолкование Расселом обычных имен собственных как "скрытых" или "сокращенных" дескрипций. Это вызвано тем, что большинство имен, согласно Расселу, относятся к объектам, с которыми говорящий не знаком непосредственно, и поэтому эти имена не обладают полной гарантией референции.

¹³ За основу этой совокупности положений мы взяли характеристику традиционной теории значения для имен собственных, предложенную С.Крипке в его работе "Именованное и необходимость" ("Naming and Necessity", 1980), распространив ее и на случай общих терминов.

¹⁴ Понятия экстенционала и интенционала, введенные для анализа значения Р.Карнапом, соответствуют двум компонентам значения – денотату и смыслу, предложенным Г.Фреге. Различие между этими парами терминов состоит лишь в том, что у Фреге компоненты значения являются экспликатами понятий "денотация" и "коннотация", предложенных Дж.Миллем, а экстенционал и интенционал являются экспликатами для таких логических терминов, как объем и содержание понятия. Эти пары терминов часто употребляются как взаимозаменяемые. В современной литературе экстенционал и интенционал определяют с помощью понятия возможного мира: экстенционал термина – это множество объектов в каждом возможном мире, относительно которых данный термин является истинным. Поскольку в разных возможных мирах множество, составляющее экстенционал термина, может быть различным, то вводится функция $f(M)$, значением которой в каждом возможном мире M является множество объ-

ектов, составляющих экстенционал термина. Эта функция и называется интенционалом термина.

¹⁵ Эта связь между интенционалом и аналитической истиной обеспечивает "механизм", благодаря которому интенционал термина определяет его экстенционал.

¹⁶ Следует отметить, что предложенная реконструкция традиционного – подхода не является аутентичным воспроизведением семантических концепций Фреге и Рассела и не претендует на это. На первый взгляд может даже показаться, что она противоречит взглядам Рассела, который отказался от выделения двух компонентов значения имени собственного и использовал единое, недифференцированное понятие значения, отождествив его с денотатом имени. Однако не следует забывать, что Рассел значительно сузил категорию имен собственных и исключил из нее обычные имена собственные, которые он предложил трактовать как "скрытые" или "сокращенные" дескрипции. Поэтому хотя Фреге приписывал смысл именам собственным, а Рассел отбросил это понятие, оба они одинаковым образом трактовали тот вклад, который имя вносит в высказывание (или "мысль"), выраженное в предложении. Фреге называл этот вклад "смыслом" и трактовал его как определенную дескрипцию (например, смыслом имени "Аристотель" является дескрипция "последний великий философ античности, ученик Платона и учитель Александра Македонского"). Предложенный Расселом метод анализа логической структуры высказывания также требовал замены имени на дескрипции, для которых имя является сокращенной формой.

¹⁷ *Donnellan K.S. Proper Names and Identifying Descriptions // Synthese. 1970. Vol. 21. № 3-4. P. 335-336.*

¹⁸ Такая формулировка приведена в статье *Маккинси М.* Фреге, Рассел и проблема, связанная с понятием "убеждения" // *Логос. 1995. № 6. С. 248-259.*

¹⁹ *Крикке С.* Тожество и необходимость // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 366.*

²⁰ *Putnam H. Is Semantics Possible? // Putnam H. Mind, Language and Reality. Philosophical Papres. Vol. 2. Cambridge, 1975. P. 140.*

²¹ *Ibid. P. 141.*

²² *Патнэм Х.* Значение и референция // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 378.*

²³ *Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge, 1981. P. 22.*

²⁴ Следует отметить, что Рассел признавал рассмотренный нами семан-

тический вклад для особой категории языковых выражений – так называемых логических собственных имен.

²⁵ См. подробнее о парадоксах теории именования: *Смирнова Е.Д., Таванец П.В.* Семантика в логике // Логическая семантика и модальная логика. М., 1967. С. 3-53.

²⁶ *Katz J.* Has the Description Theory of Names Been Refuted? // *Meaning and Method. Essays in Honor of Hilary Putnam.* Cambridge, 1990. P. 31.

²⁷ *Маккинси М.* Фреге, Рассел и проблема, связанная с понятием "убеждения" // *Логос.* 1995. № 6. С. 248.

²⁸ *Evans G.* The Causal Theory of Names // *Naming, Necessity and Natural Kinds.* Ithaca, 1977. P. 195.

²⁹ *Putnam H.* Reference and Truth // *Putnam H. Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3.* Cambridge, 1983. P. 74.

³⁰ *Патнэм Х.* Значение и референция. С. 384.

³¹ *Лейбниц Г.* Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 2. С. 361.

³² *Putnam H.* Truth and Reference. P. 71.

³³ *Ibid.*

³⁴ Следует отметить, что в своих первых статьях Патнэм включал в число терминов естественных родов и слова, обозначающие искусственно созданные предметы, однако в дальнейшем указанное соображение заставило его разделить эти категории терминов.

³⁵ *Schwartz S.P.* Introduction // *Naming, Necessity and Natural Kinds.* Ithaca, 1977. P. 32.

³⁶ *Putnam H.* Truth and Reference. P. 73.

³⁷ *Патнэм Х.* Значение и референция. С. 389.

³⁸ См., например: *Bach K.* Thought and Reference. Oxford, 1987. P. 263.

³⁹ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 30.

⁴⁰ Указанный аспект новой теории референции получил детальную и наиболее четкую формулировку в трудах Крипке. Патнэм, разрабатывая сходные идеи независимо от Крипке, принял впоследствии его терминологию, поэтому изложение этого вопроса целесообразно дать в том виде, в каком его формулирует автор "Именования и необходимости".

⁴¹ *Putnam H.* Possibility and Necessity // *Putnam H. Realism and Reason.* P. 55.

⁴² *Putnam H.* Reference and Truth. P. 73.

⁴³ *Putnam H.* Meaning of "Meaning" // *Putnam H. Mind, Language and Reality.* P. 240.

⁴⁴ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 25.

⁴⁵ *Putnam H.* Meaning of "Meaning". P. 238.

- ⁴⁶ Ibid. P. 249.
- ⁴⁷ Ibid. P. 247.
- ⁴⁸ Следует отметить, что первым идею о трех функциях фреговского понятия смысла выдвинул Т.Бердж: *Burge T. Belief De Re // Journal of Philosophy*. 1977. Vol. 74. P. 338-362; Салмон же предлагает несколько измененную формулировку этих функций.
- ⁴⁹ См.: *Salmon N.U. Reference and Essence*. Oxford, 1982.
- ⁵⁰ *Hacking I. Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Sciences*. Cambridge, 1983. P. 77.
- ⁵¹ *Putnam H. Realism and Reason*. P. VII.
- ⁵² Достаточно упомянуть, что концепция прямой (неопосредованной) референции восходит к идеям Дж.С.Милля, ее разрабатывали Б.Рассел и Л.Витгенштейн. Аналогичным образом, каузальное объяснение референции можно найти у позднего Витгенштейна.
- ⁵³ *Burge T. Sinning Against Frege // Philosophical Review*. 1979. Vol. 88. № 3. P. 412.
- ⁵⁴ *Ayer A.J. Philosophy in the Twentieth Century*. L., 1982. P. 270.
- ⁵⁵ *Evans G. The Causal Theory of Names*. P. 193.
- ⁵⁶ *Putnam H. Meaning and the Moral Sciences*. L., 1978. P. 23.
- ⁵⁷ *Putnam H. Language and Reality // Putnam H. Mind, Language and Reality*. P. 281.
- ⁵⁸ *Putnam H. Meaning and the Moral Sciences*. P. 22.
- ⁵⁹ *Hacking I. Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Sciences*. P. 81.
- ⁶⁰ *Putnam H. Meaning and the Moral Sciences*. P. 25.
- ⁶¹ Ibid. P. 20.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid. P. 4.
- ⁶⁴ *Putnam H. Realism and Reason*. P. VII.
- ⁶⁵ Это означает, что если T – некоторый термин, а a – референт этого термина, то функция $T(a)$ имеет значение “истинно”.
- ⁶⁶ *Tarski A. The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research*, 1944. Vol. 4. № 3. P. 362.
- ⁶⁷ *Putnam H. Meaning and the Moral Sciences*. P. 4.
- ⁶⁸ *Putnam H. Language and Reality*. P. 290.
- ⁶⁹ Ibid. P. 289-290.

- ⁷⁰ *Field H.* Tarski's Theory of Truth // *Journal of Philosophy*. 1972. Vol. 69. № 3. P. 347-375.
- ⁷¹ *Putnam H.* Meaning and the Moral Sciences. P. 58.
- ⁷² *Ibid.* P. 50.
- ⁷³ *Никифоров А.Л.* Понятие истины в философии науки XX века // *Проблема истины в современной философии науки*. М., 1987. С. 30.
- ⁷⁴ Там же. С. 29-30.

Глава II

"Внутренний реализм" Х.Патнэма и проблема истины

1. Новая концепция истины

К середине 70-х годов Патнэм в ходе исследования природы референции и отношения соответствия между языком и реальностью оказался перед лицом целого ряда проблем, для которых он не нашел удовлетворительного решения в рамках научного реализма. Выход из этой ситуации был найден им совершенно в духе времени: Патнэм увязал неразрешимость выявленных им трудностей с определенной гносеологической позицией, которую он квалифицировал как "метафизический реализм" и в основе которой лежит корреспондентная теория истины. Этот шаг Патнэма совпал с происходящим в это время в аналитической философии мощным наступлением на понимание истины как соответствия реальности под девизом "когерентности". Взамен "догматичного" и повинного в создании неразрешимых философских проблем метафизического реализма Патнэм, стремясь остаться на "реалистической платформе", предложил новую концепцию истины, которую он назвал "внутренним реализмом".

На этот кардинальный пересмотр Патнэмом своей гносеологической позиции оказали непосредственное влияние идеи М.Даммита и Н.Гудмена. О философской позиции первого речь шла в конце предыдущей главы. Что

касается Гудмена, то для целей нашего рассмотрения представляет интерес прежде всего его вывод о многообразии правильных версий описания мира (предоставляемых не только наукой, но и обыденным сознанием и разными видами искусства) и о невозможности сравнения описаний мира с реальностью, как она есть вне какого-либо описания. Согласно Гудмену, мы можем сравнивать только разные версии друг с другом и при отборе правильной среди них, мы пользуемся такими критериями, как когерентность описания, дедуктивная и индуктивная правильность, простота, сфера действия и т.д. Важно отметить, что в концепциях Даммита и Гудмена истина как соответствие действительности исчезает и вместо нее вводятся такие понятия как "когерентность", "правильность подгонки", "рациональная утверждаемость" и т.д.

Если же говорить о главных "идейных предшественниках" Патнэма, то здесь прежде всего следует упомянуть Канта и Витгенштейна, поскольку именно Канту Патнэм приписывает заслугу быть родоначальником той "философской перспективы", в рамках которой он формулирует свой "внутренний реализм", а в трудах Витгенштейна, особенно в его "Философских исследованиях", Патнэм черпает идеи для многих своих аргументов.

Свое первое различие между метафизическим и внутренним реализмом Патнэм вводит в статье "Реализм и Разум" ("Realism and Reason", 1976). Дальнейшую разработку эта идея получает в его докладе "Модели и реальность" ("Model and Reality", 1977), сделанном на заседании Ассоциации по символической логике в Вашингтоне. Но если упомянутые работы содержали лишь отдельные положения новой концепции истины, то в книге "Разум, истина и история" ("Reason, Truth and History", 1981) Патнэм дает уже полное изложение этой концепции и разворачивает "масштабное" наступление на метафизический реализм. Следует отметить, что новый этап в творчестве Патнэма ха-

рактируется перенесением акцента с логико-семантической проблематики на гносеологическую. Если на первом этапе Патнэм основное внимание уделял анализу проблемы референции, то теперь в центре его внимания стоят гносеологические проблемы, а исследования по проблеме референции отступают на второй план, хотя и продолжают выполнять важную роль в обосновании новой гносеологической позиции.

Формулируя свою новую гносеологическую позицию, Патнэм видит основную задачу в том, чтобы разрушить дихотомию, которая, по его мнению, как "оковы" сдерживает мышление философов и обычных людей. Эта дихотомия выражается в противопоставлении объективного и субъективного представления об истине. Согласно Патнэму, объективное представление связано с пониманием истины как соответствия независимой от сознания реальности, в то время как субъективное — предполагает, что "все схемы мысли и все точки зрения безнадежно субъективны"¹. В противовес указанной дихотомии Патнэм стремится сформулировать такую концепцию истины, которая соединяла бы в себе объективные и субъективные компоненты. Свою концепцию он называет внутренним реализмом (или интернализмом). Согласно Патнэму, концепция внутреннего реализма является выражением определенного философского видения взаимоотношения между миром и языком или выражением определенной "философской перспективы", которую он называет интерналистской и которой противопоставляет экстерналистскую перспективу². По его мнению, экстерналистская перспектива лежит в основе объективистского понимания истины, которое он называет метафизическим реализмом. Хотя Патнэм употребляет термины "метафизический реализм" и "корреспондентная теория истины" как синонимы, на наш взгляд, более точным определением метафизического реализма (в понимании Патнэма) было бы описание его как совокупности фило-

софских допущений, которые с необходимостью дополняют понимание истины как соответствия реальности. Рассмотрим более подробно, что же представляют собой эти экстерналистская и интерналистская перспективы.

В реконструкции Патнэма метафизический реализм сводится к следующей совокупности положений.

1. Признание независимой от сознания реальности. Согласно Патнэму, метафизический реализм предполагает, что "мир состоит из некоторой фиксированной совокупности независимых от сознания объектов"³.

2. Объективное понимание истины. По мнению Патнэма, метафизический реалист считает, что истина – это "некоторый вид отношения соответствия между словами и знаками мыслей, с одной стороны, и внешними предметами и множествами предметов, с другой стороны"⁴.

3. Независимость истины от позиции "наблюдателя". Согласно Патнэму, такое понимание истины предполагает взгляд на мир с точки зрения Бога (находящегося вне мира и способного сравнивать объекты мира и мысли человека), или, иначе говоря, метафизический реализм считает истину независимой от наблюдателя.

4. Единственность истинного описания. Метафизический реализм, согласно Патнэму, связан с признанием возможности только одной истинной картины мира или, иначе говоря, только одного описания мира, каков он есть на самом деле.

Для того, чтобы предупредить возражение, что не все философы, придерживающиеся корреспондентной теории истины, признавали существование независимых от сознания вещей, что некоторые из них понимали истину как соответствие данным опыта, Патнэм отмечает, что такая трактовка истины предполагает наличие в человеческом опыте таких компонентов, которые ни в коей мере не оформлены понятиями или языковыми средствами, то есть таких компонентов, которые "допускают только одно опи-

сание, независимое от всех концептуальных средств"⁵. А поскольку в философии и психологии убедительно показано, что в нашем опыте нет ничего, что не было бы "осквернено" концептуализацией, то Патнэм совершенно справедливо полагает, что точку зрения такого "наивного" эмпиризма можно не учитывать при философской экспликации корреспондентной теории истины. Описав таким образом метафизический реализм, Патнэм отмечает, что "... невозможно найти ни одного философа до Канта, который не был бы метафизическим реалистом"⁶; разногласия между философами касались вопроса о природе реально существующего, а не понимания истины. Создание наиболее древнего варианта корреспондентной теории истины⁷ Патнэм приписывает Аристотелю и называет этот вариант теорией референции через подобие (*similitude theory of reference*). Согласно теории референции через подобие, отношение между ментальными репрезентациями (фантазмами в терминологии Аристотеля) и внешними объектами, на которые указывают фантазмы, в буквальном смысле является отношением подобия. Согласно Патнэму, Аристотель понимал это подобие как наличие общей формы у фантазма и внешнего объекта.

Описывая дальнейшую историю корреспондентной теории истины, Патнэм отмечает, что в XVII веке Локк и Декарт подвергли критике теорию подобия в отношении так называемых "вторичных качеств" (под которыми понимаются цвет, вкус и т.д.), сохранив ее для "первичных качеств" (таких, как форма, движение и расположение). Однако уже Беркли обнаружил очень неприятное следствие теории референции через подобие: из нее вытекало, что не существует ничего кроме ментальных сущностей ("душ и их идей"). Этот вывод Беркли сделал на том основании, что выдвинутый Локком аргумент против вторичных качеств, верен и для первичных качеств. Согласно Беркли, достаточно спросить, имеет ли мой образ стола ту же самую дли-

ну, что и сам стол, чтобы понять всю абсурдность вопроса. Отсюда вытекало, что ничто не может быть подобным ощущениям или образам, кроме других ощущений или образов. Этот вывод, отмечает Патнэм, поставил философов, которые не захотели последовать за Беркли в субъективный идеализм, перед необходимостью предложить другое понимание истины. Согласно Патнэму, выполнение этой задачи выпало на долю Канта, который первым сформулировал концепцию истины, опирающуюся на интерналистскую перспективу.

Но прежде чем переходить к описанию интерналистской перспективы, нам хотелось бы рассмотреть, насколько адекватной является предложенная Патнэмом философская реконструкция корреспондентной теории истины. Рассмотрение этого вопроса целесообразно, на наш взгляд, начать с сопоставления реконструкции Патнэма и теории истины Тарского, которая представляет собой логико-семантическую экспликацию классического понимания истины.

Как уже отмечалось ранее, основная идея теории Тарского состоит в том, что классическое понятие истины не выражает ничего кроме отношения соответствия между предложениями некоторого языка и тем, что находится вне этого языка. В частности, если мы возьмем некоторый язык (Тарский называет его объектным), то его предложения будут истинными, если и только если им будут соответствовать положения дел, выраженные в метаязыке, используемом для описания данного объектного языка. Метаязык является внешним по отношению к объектному языку, и истина, таким образом, выражает соответствие предложений объектного языка предложениям метаязыка.

Патнэм, считая экспликацию классического понятия истины Тарским корректной, тем не менее отмечал, что ее основным недостатком является "философская нейтральность". По его мнению, философская концепция истины не может ограничиваться определением Тарского и должна

быть дополнена философскими посылками. Именно поэтому в своей философской реконструкции корреспондентной теории истины Патнэм стремится выявить те философские допущения, которые вытекают из идеи истины как соответствия. Одним из таких допущений является, по его мнению, признание независимой от сознания реальности. Рассуждение, которое привело его к такому выводу, можно схематично представить в следующем виде: поскольку мир, в котором живет человек и к которому он имеет доступ, включая мир внешних объектов и мир внутреннего опыта, является концептуализированным и, следовательно, зависимым от сознания, и поскольку идея истины как соответствия требует обращения к тому, что является внешним и независимым по отношению к тем предложениям, истинность которых устанавливается, то из этого вытекает, что наши мысли и представления (как продукты сознания) могут быть истинными, только если они соответствуют некоторой реальности, независимой от сознания. Таким образом, неизбежным следствием понимания истины как соответствия является реализм. На наш взгляд, этот вывод справедлив, однако Патнэм идет дальше и утверждает, что корреспондентная теория истины — это не просто реализм, а метафизический реализм. Попробуем разобраться, какой смысл он вкладывает в понятие "метафизический".

Ответ на этот вопрос содержится в третьем тезисе предложенной Патнэмом реконструкции метафизического реализма, где указывается, что понимание истины как соответствия реальности предполагает точку зрения Бога. На наш взгляд, за этим выводом Патнэма стоит очень простая мысль: для того, чтобы сравнить два объекта и установить между ними соответствие, мы должны, во-первых, иметь доступ к обоим объектам, во-вторых, обладать определенным знанием о них и, в-третьих, занимать позицию, внешнюю по отношению к этим объектам. Кроме того, процеду-

ра сравнения предполагает некоторое выделенное отношение соответствия, на основе которого производится сопоставление. Поэтому, полагает Патнэм, корреспондентная теория истины должна опираться на допущение, что имеется знание о том, какова реальность "сама по себе", то есть корреспондентная теория истины связана с допущением не просто реальности, а определенной реальности. Не случайно поэтому первый тезис метафизического реализма в реконструкции Патнэма содержит определение реальности как "фиксированной совокупности независимых от сознания объектов". Но кто кроме Бога может знать, какова реальность сама по себе, и кто кроме Бога может занять позицию вне реальности и вне человеческих представлений с тем, чтобы сравнить их между собой? Таким образом, Патнэм связывает корреспондентную теорию истины с допущением возможности знания о том, какова реальность сама по себе.

На наш взгляд, это предположение Патнэма является очень сильным упрощением. Ни один сторонник корреспондентной теории истины (за исключением, возможно, тех, кто придерживался наиболее "наивного" ее варианта) не согласится, что нам может быть известна реальность, как она есть "сама по себе". Недаром многие исследователи (в частности, И.Хокинг) отмечали, что невозможно найти ни одного известного философа, который стоял бы на позициях сформулированного Патнэмом метафизического реализма.

Кроме того, Патнэм считает необходимым допущением корреспондентной теории истины и положение о том, что возможна лишь одна истинная "теория" мира, поскольку иначе нельзя было бы говорить о "соответствии". В этом положении неявно предполагается, что при установлении истины с реальностью сопоставляется вся совокупность человеческих представлений о мире. Однако это положение никак не является неизбежным следствием понимания истины как соответствия реальности. Сторонник корреспон-

дентной теории истины вполне согласится с тем, что в мире человеческих представлений существует множество различных концептуализаций, часто конкурирующих друг с другом, и в каждом конкретном случае человек стремится установить соответствие не всех представлений в целом, а только их отдельной части или фрагмента (теории, некоторого утверждения и т.д.). Корреспондентная теория истины утверждает лишь, что для установления истинности некоторой теории или концептуальной схемы, мы должны выйти за рамки данной теории и концептуальной схемы, а не за рамки всех возможных теорий и концептуальных схем. Эта идея находит хорошее выражение в понятии метаязыка, которое использовал Тарский. В метаязыке формулируются условия истинности для предложений некоторого объектного языка, но поскольку может возникнуть вопрос об истинности предложений самого метаязыка, то для ответа на этот вопрос строится еще один метаязык, для которого первый метаязык выступает в качестве объектного языка и т.д. Каждый новый метаязык означает создание новой концептуализации, и в этом бесконечном процессе, выражающем процесс познания, человек стремится выявить объективные основания того мира, который ему дан и в котором он живет. Он может надеяться на успех в деле познания, поскольку данный человеку мир зависит не только от сознания, но также и от внешней реальности, иначе пришлось бы признать, что все создаваемые человеком описания мира одинаково хороши. Сказанное означает, что стремление к соответствию наших представлений реальности не является притязанием на позицию Бога.

Таким образом, понимание истины как соответствия реальности не предполагает принятия допущения о том, что человеку может быть известна реальность, как она есть сама по себе, и поэтому философскую экспликацию корреспондентной теории истины Патнэмом следует признать сильным упрощением этой теории.

Однако нельзя не признать, что обвинение Патнэмом корреспондентной теории истины в метафизичности имеет под собой определенные основания в том смысле, что это обвинение свидетельствует о действительных трудностях, с которыми сталкивается эта концепция истины. К числу этих трудностей принадлежит, во-первых, проблема критериев истины, а, во-вторых, проблемы, связанные с выяснением природы отношения соответствия. Безусловно, корреспондентная теория истины не может предложить критерии, которые позволили бы безошибочно установить истинность того или иного утверждения, однако, как отмечает К.Поппер, отсутствие критериев не превращает понятие истины в бессмысленное, а означает только, что "мы всегда можем ошибиться при выборе теории — пройти мимо истины или не достигнуть ее, иначе говоря люди подвержены ошибкам, и достоверность не является прерогативой человечества"⁸. Тем не менее для многих философов указанные трудности оказались достаточным основанием для отказа от корреспондентной теории истины и замены ее альтернативной концепцией. К их числу принадлежит и Патнэм, который выдвинул интерналистскую концепцию истины. Попытаемся разобраться, что же представляет собой эта концепция и способна ли она преодолеть трудности, оказавшиеся "неразрешимыми" для корреспондентной теории истины.

Согласно Патнэму, интерналистскую концепцию истины (или интерналистскую перспективу) можно сформулировать в виде следующей совокупности тезисов.

1. В отличие от метафизического реалиста интерналист считает, что "... вопрос о том, из каких объектов состоит мир, имеет смысл задавать только в рамках некоторой теории или описания"⁹. Это означает, поясняет Патнэм, что «"объекты" не существуют независимо от концептуальных схем. Мы разрезаем мир на объекты, когда вводим ту или иную схему описания. Поскольку и объекты, и

знаки являются одинаково внутренними по отношению к схеме описания, то можно сказать, что к чему относится»¹⁰.

2. Согласно интерналисту, истина – это "некоторый вид (идеализированной) рациональной приемлемости, некоторый вид идеальной когерентности наших представлений друг с другом и с нашим опытом, поскольку этот опыт находит выражение в нашей системе представлений"¹¹. Поэтому единственным критерием для установления того, является ли некоторое утверждение фактом (то есть является ли оно истинным), служит его рациональная приемлемость. Патнэм отмечает, что понимает это в буквальном смысле: "так, если можно рационально принять, что картина прекрасна, то это может быть фактом, что картина прекрасна"¹². Согласно Патнэму, наши концепции когерентности и рациональной приемлемости глубоко укоренены в нашей психологии, зависят от нашей биологии и культуры и ни в коей мере не являются "ценностно независимыми" (value free).

3. Согласно интерналисту, "не существует точки зрения Бога, которую мы можем знать или можем представить; существуют только разнообразные точки зрения конкретных людей, отражающие их разнообразные интересы и цели, которым служат теории и описания"¹³.

4. В отличие от метафизического реалиста интерналист полагает, что возможно множество истинных теорий или описаний мира.

Как мы уже отмечали, Патнэм считает первым философом, предложившим интерналистскую концепцию истины, – Канта. Во-первых, Кант показал, что говоря о каком-либо объекте, мы никогда не описываем его таким, каков он есть "сам по себе" независимо от его воздействия на нас, существ с определенной рациональной природой и биологической конституцией. И хотя Кант не сомневался в существовании независимой от сознания реальности (называя ее элементы вещами-в-себе или ноуменами) и утверждал,

что придерживается корреспондентной теории истины, он, по мнению Патнэма, в действительности отказался от идеи соответствия между вещами-в-себе и вещами для-нас. Патнэм поясняет позицию Канта в этом вопросе следующим примером. Когда мы говорим, что стул сделан из дуба, это не означает, что мы приписываем ноуменальному объекту, соответствующему стулу, силу, воздействие которой на наши органы чувств заставляет нас воспринимать стул сделанным из дуба. По мнению Патнэма, Кант считал, что "сила" должна приписываться не отдельной вещи-в-себе, а всему ноуменальному миру, и поэтому никакого соответствия между вещами-для-нас и ноуменами нет.

Мы здесь не будем касаться вопроса, насколько корректной является такая интерпретация кантовского понимания истины. Мы изложили эту интерпретацию только потому, что она хорошо разъясняет позицию самого Патнэма.

На наш взгляд, имеются достаточно серьезные основания для квалификации концепции внутреннего реализма, в которой Патнэм попытался соединить объективные и субъективные компоненты в понимании истины, как варианта когерентной теории истины, которая сводит вопрос об истине к внутренней согласованности и непротиворечивости системы утверждений. Этому выводу не может противоречить и то обстоятельство, что Патнэм, определяя свою позицию как "реализм" (хотя и внутренний), тем самым признает объективный фактор в создании данного человеку мира (как он отмечает, "сознание и мир совместно создают сознание и мир"¹⁴). Дело здесь в том, что в своем определении истины как некоторого вида когерентности наших представлений, он, по существу, отказывается учитывать этот объективный фактор. На наш взгляд, Патнэм упускает из виду, что именно идея соответствия реальности вносит "объективные компоненты" в концепцию истины, и поэтому, отбросив эту идею, философ оказывается целиком во власти "субъективных" представлений об истине.

Концепция внутреннего реализма Патнэма обнаруживает близкое сходство с теорией языковых каркасов Р.Карнапа, что также свидетельствует в пользу понимания истины Патнэмом как когерентности. Согласно указанной теории Карнапа, представляющей классический вариант когерентной концепции истины, следует различать два типа вопросов о существовании объектов – внутренний и внешний. Внутренний вопрос всегда связан с некоторым языковым каркасом, представляющим собой систему способов речи (или форм выражений), подчиненных определенным правилам. По мнению Карнапа, в рамках внутреннего вопроса "признать что-либо реальной вещью или событием – значит суметь включить эту вещь в систему других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами каркаса"¹⁵. Внешний вопрос касается существования всей системы объектов, признаваемых в данном языковом каркасе, то есть касается принятия или непринятия самого языкового каркаса. Поскольку принятие языкового каркаса "можно расценивать только как более или менее целесообразное, плодотворное, ведущее к той цели, которой служит язык"¹⁶, Карнап объявляет внешний вопрос практическим вопросом или вопросом веры. Как мы видели, Патнэм также связывает вопрос о том, из каких объектов состоит мир (или иначе – какие объекты существуют в мире), с принятием определенной концептуальной схемы. А принятие концептуальной схемы, по существу, означает выбор определенного языка. Кроме того, и для Патнэма выбор концептуальной схемы (или "точки зрения") связан с интересами и целями людей, то есть является практическим вопросом.

Еще одно свидетельство в пользу определения концепции истины Патнэма как когерентной мы получим, если рассмотрим его тезис о возможности множества истинных описаний или теорий мира. В подтверждение этого тезиса Патнэм обращается к тому, что в философии науки

называют "эквивалентными описаниями". Под эквивалентными описаниями понимают теории, которые, с одной стороны, являются эмпирически эквивалентными (то есть относятся к одной и той же предметной области и приводят к одним и тем же эмпирическим следствиям), а с другой стороны, являются переводимыми друг в друга. Это означает, что формальный аппарат одной теории можно путем тождественных преобразований перевести в аппарат другой. Благодаря возможности такого преобразования все факты, подтверждающие первую теорию, подтверждают и вторую, и наоборот. Из этого вытекает, что если одно из эквивалентных описаний истинно, то автоматически истинно и другое. Однако эквивалентные описания могут быть при этом очень различными или даже несовместимыми. В силу этого обстоятельства Патнэм вслед за Рейхенбахом считает эквивалентные описания сильным аргументом против понимания истины как соответствия реальности, поскольку устанавливая совершенно различные концептуализации одной и той же совокупности наблюдаемых фактов и будучи одновременно истинными, эти описания разрушают саму идею "соответствия". Согласно Патнэму, соответствие является выделенным отношением среди множества отношений, в которых могут находиться две системы, поэтому говорить о множестве "соответствий" значит противоречить самому себе. Однако, как показал Э.М.Чудинов, если отбросить идею соответствия, то «может создаться впечатление, что концептуальные средства, являющиеся продуктом мыслительной деятельности человека, имеют мистическую власть над природой. Чтобы избежать этого вывода, который противоречит науке, мы должны предположить, что возможность мысленного "рассечения" действительности имеет под собой объективные основания. Действительность многокачественна, многоаспектна, и именно это обстоятельство является объективной предпосылкой того, что она может "рассекаться" различ-

ным образом»¹⁷. Таким образом, сторонник понимания истины как соответствия реальности мог бы возразить Патнэму, указав, что эквивалентные описания не противоречат идее соответствия, а свидетельствуют об определенном многокачественном характере реальности. Сказанное означает, что Патнэм, для которого эквивалентные описания служат поводом для отказа от идеи соответствия теорий действительности, выносит тем самым из рассмотрения "объективные основания" различных концептуализаций, и поэтому об истине он может говорить только в терминах когерентности, непротиворечивости и т.д.

Таким образом, если принять, что новая теория истины Патнэма сводится к сформулированной выше совокупности тезисов, то становится совершенно очевидным вывод о том, что она представляет собой вариант когерентной теории.

Однако следует отметить, что когерентная теории истины является очень уязвимой для критики. Она не только не преодолевает трудностей корреспондентной теории истины, "но, наоборот, усугубляет их, сталкиваясь, в свою очередь, и с другими, неразрешимыми для нее проблемами"¹⁸. И главная из этих проблем — невозможность избежать релятивизма. Как отмечал еще в свое время М.Шлик, "если рассматривать когерентность в качестве общего критерия истинности, мы должны считать всякого рода сказки столь же истинными, как исторические свидетельства или утверждения в трудах по химии, — конечно, в том случае, когда в сказке нет противоречий"¹⁹.

Патнэм хорошо осознает, какую опасность для философии науки таит в себе релятивизм, и поэтому он стремится, с одной стороны, показать, что "интернализм не есть простой релятивизм"²⁰, а с другой стороны, выдвигает аргументы в подтверждение несостоятельности релятивизма. Однако, основную критику у Патнэма вызывает метафизический реализм, в котором он видит более опасного противника. Аргументы Патнэма против метафизического

реализма представляют несомненный интерес, поскольку они получили очень широкое обсуждение в аналитической философии и играют важную роль в концепции самого Патнэма, и, более того, эти аргументы выявляют те трудности, которые заставили Патнэма пересмотреть свою гносеологическую позицию.

2. Критика метафизического реализма

В своей книге "Разум, истина и история" Патнэм предпринимает развернутую критику метафизического реализма. В определенном смысле сама философская реконструкция гносеологической позиции, представленной в метафизическом реализме, должна, по замыслу Патнэма, служить сильным аргументом против метафизического реализма, поскольку простое выявление лежащих в ее основании философских допущений свидетельствует о слабости этой позиции. Однако в своей критике Патнэм идет дальше и пытается показать, что метафизический реализм порождает неразрешимые философские трудности, которые легко устранить, если перейти на позиции интернализма. К числу этих трудностей, по мнению Патнэма, относится невозможность избежать скептицизма в отношении человеческого познания, принципиальная непостижимость, с позиции метафизического реализма, природы референции, необъяснимость разнообразных "загадок" в отношении между сознанием и мозгом и т.д.

Вначале мы рассмотрим аргумент Патнэма, показывающий уязвимость метафизического реализма перед скептическими выводами. Согласно Патнэму, метафизический реализм не способен дать убедительного опровержения гипотезы о том, что человеческие существа являются в действительности "мозгами в сосуде". Схематично ход рассуждений Патнэма можно представить следующим образом: вначале он предлагает доказательство того, что указанная

гипотеза не может быть истинной, а затем обосновывает, почему это доказательство, легко осуществимое для внутреннего реализма, не может быть выполнено с позиции метафизического реализма.

Формулируя свой аргумент, Патнэм предлагает представить ситуацию, когда мозг человека оказывается помещенным в сосуд с питательной средой, поддерживающей его в живом состоянии. При этом нервные окончания мозга соединены со сверхмощным компьютером, который, посылая разнообразные электронные импульсы, рождает в мозге ощущения и впечатления, совершенно идентичные ощущениям и впечатлениям обычного живого человека. Мозгу кажется, что его окружают люди и привычные предметы, он "ощущает" свое тело и чувствует совершаемые им движения. Далее Патнэм предлагает представить, что все человеческие существа являются подобными мозгами в сосуде, то есть функционирование компьютера запрограммировано таким образом, что создает у всех мозгов, помещенных в сосуды, коллективную галлюцинацию. Например, когда два таких "существа" разговаривают друг с другом, каждый из них видит, как другой шевелит губами, произнося слова, слышит его голос, а также слышит свой собственный голос, чувствует движение своего языка и т.д.

Описав эту ситуацию, Патнэм задается вопросом – может ли быть истинным предположение, что все человеческие существа являются мозгами в сосуде? Вывод, к которому он приходит, состоит в том, что это предположение, "хотя и не нарушает никакого физического закона и абсолютно согласуется со всем нашим опытом, не может быть истинным"²¹, поскольку является самопроверяющим. Следует отметить, что Патнэм называет утверждение самопроверяющим, если сам факт принятия этого утверждения означает его ложность. В этом смысле является самопроверяющим утверждение "Я не существую", если это утверждение произносится или продумывается каким-либо человеком.

Свое доказательство самоопровергающего характера утверждения "Я являюсь мозгом в сосуде" Патнэм строит на анализе условий истинности этого утверждения, когда оно произносится или продумывается мозгом в сосуде. При этом он исходит из того, что установление истинности некоторого предложения предполагает, что слова этого предложения относятся к реальным объектам. В доказательстве Патнэма важную роль играют две посылки. Первая посылка утверждает, что между репрезентациями (физическими и ментальными) и их референтами не существует необходимой связи. Согласно второй посылке, "нельзя указывать на определенные виды вещей, например на деревья, если отсутствует какое-либо каузальное взаимодействие с ними или с вещами, в терминах которых первые объекты могут быть описаны"²². Рассмотрим более подробно эти допущения.

Теории, в которых неявно присутствует допущение о необходимой связи между репрезентациями и их референтами Патнэм называет магическими теориями референции, видя в них отголосок представлений примитивных народов о таинственной связи между именами и их носителями, благодаря которой знание "истинного имени" дает власть над его обладателем. По мнению Патнэма, магическая теория референции постулирует некоторую способность сознания (например, интенциональность), благодаря которой слова и другие ментальные образования могут указывать на (или обозначать) определенные объекты. Попытаемся кратко воспроизвести критику Патнэмом магической теории референции.

Несостоятельность этой теории для физических репрезентаций, по мнению Патнэма, с полной очевидностью вытекает из той возможной ситуации, когда из двух совершенно одинаковых физических объектов один является репрезентацией, а второй — нет. Например, кривая, прочерчиваемая муравьем в песке и по виду напоминающая карикатуру на Черчилля, не является его изображением,

хотя будь эта же карикатура выполнена каким-либо художником, она была бы репрезентацией. Это означает, что физический объект, выступающий в качестве репрезентации другого объекта, не имеет с последним необходимой связи, объясняющей отношение референции.

Согласно Патнэму, этот же вывод можно сделать и в отношении ментальных репрезентаций. Предложенное им обоснование представляет собой серию научно-фантастических историй, иллюстрирующих тот факт, что одни и те же ментальные образования в одних случаях обладают референцией, а в других случаях – нет. Например, Патнэм предлагает такую историю. Допустим, существует планета, населенная людьми, которые во всем похожи на нас за тем лишь исключением, что они никогда не видели деревьев. Однажды пролетающий мимо космический корабль роняет на эту планету изображение дерева. Вполне вероятно, что после длительного рассматривания этого рисунка у жителей указанной планеты складывается точно такой же ментальный образ, каким обладаем и мы. Но если наш ментальный образ является репрезентацией дерева, то для жителей рассматриваемой планеты он является репрезентацией какого-то странного объекта. Патнэм конструирует множество аналогичных примеров для доказательства того, что слова и другие ментальные образования не обладают необходимой референцией. В заключение он отмечает, что если бы эти примеры имели место в действительности, они были бы "замечательным доказательством важной концептуальной истины, состоящей в том, что даже большая и сложная система репрезентаций как вербальных, так и визуальных, не имеет внутренней, встроенной, таинственной связи с тем, что она репрезентирует"²³. Но эти примеры, считает Патнэм, могли бы иметь место в действительности, поскольку они "совместимы с физическими законами и, возможно, совместимы с действительными условиями во Вселенной, если на других планетах существуют разумные су-

щества"²⁴, то есть эти примеры являются серьезным возражением против магической теории референции.

Но если магическая теория референции не верна, если ментальные репрезентации не обладают необходимой референцией, то возникает вопрос – благодаря чему они в некоторых случаях все же обладают референцией? Согласно Патнэму, это происходит потому, что человек обладает концептами (или понятиями). Концепты же не являются "ментальными репрезентациями, которые с необходимостью указывают на внешние объекты, по той серьезной причине, что они вовсе не являются ментальными репрезентациями. Концепты – это знаки, употребляемые определенным образом"²⁵. По мнению Патнэма, обладать концептом (и, следовательно, понимать) – значит быть способным использовать знаки ситуативно надлежащим образом. В этом смысле референция не может быть отделена от способностей носителей языка. В частности, референция предполагает способность узнавать и реагировать на объекты, когда они находятся поблизости. Отметим, что сказанное свидетельствует о возросшем влиянии на семантические взгляды Патнэма идей позднего Витгенштейна.

Вторая посылка, играющая важную роль в опровержении Патнэмом предположения, что человеческие существа являются мозгами в сосуде, тесно связана с первой и говорит о необходимости нашего каузального взаимодействия с объектами, выступающими в качестве референтов наших терминов. Согласно Патнэму, люди могут не только думать о различных объектах, но и способны реагировать на них, манипулировать ими и использовать их в своих целях, поскольку существует глубинная связь между мыслями человека о различных предметах и его невербальными действиями в отношении этих объектов. При отсутствии этой связи любой разговор превращается в синтаксическую игру, "которая, конечно, похожа на разумную речь, но не более, чем кривая, прочерчиваемая муравьем, похожа на язвительную карикатуру"²⁶.

Итак, опираясь на указанные посылки, Патнэм предлагает следующее доказательство самопроверяющего характера предположения, что все человеческие существа являются мозгами в сосуде. Как мы уже отмечали, в основе этого доказательства лежит анализ условий истинности для предложения "Я являюсь мозгом в сосуде", когда оно произносится мозгом в сосуде. Этот анализ предполагает установление референтов слов, входящих в указанное предложение. Согласно Патнэму, произнесенные мозгом в сосуде слова не могут иметь в качестве референтов внешние объекты, поскольку между этим мозгом и внешними объектами отсутствует каузальное взаимодействие, а предположение о необходимой связи между словами и их референтами является неверным. Слова, произнесенные мозгом в сосуде, могут указывать только на "воображаемые объекты" (objects in the image) или, иначе говоря, — на некоторую совокупность чувственных впечатлений. Однако, для того, чтобы предложение было истинным, входящие в него слова должны обладать референцией на реальные объекты. Отсюда Патнэм заключает, что предложение "Я являюсь мозгом в сосуде", произносимое мозгом в сосуде, является ложным. Таким образом, допустив истинность предположения "Мы являемся мозгами в сосуде", мы в ходе рассуждения пришли к его ложности, а это свидетельствует о том, считает Патнэм, что рассматриваемое предположение является самопроверяющим. Подводя итог своему доказательству, Патнэм заключает: «Если мы являемся мозгами в сосуде, то предположение "Мы являемся мозгами в сосуде" ложно. Поэтому оно (с необходимостью) ложно».

Это доказательство Патнэма привлекло внимание многих исследователей, которые, предложив различные реконструкции этого доказательства, попытались установить, является ли оно логически убедительным. В результате этих исследований был получен отрицательный ответ²⁷. Мы не будем здесь рассматривать, в чем авторы критических ста-

тей видят некорректность доказательства Патнэма, поскольку это увело бы нас в сторону от нашей основной темы. Отметим лишь, что на наш взгляд, негативный результат этих исследований объясняется тем обстоятельством, что предположение о мозгах в сосуде является самоопровергающим в том же смысле, в каком является самоопровергающим предположение "Я не существую", когда оно произносится каким-либо человеком. Доказательство Патнэма опровергает скептицизм, выраженный в предположении "Мы являемся мозгами в сосуде", в той же мере, в какой его опровергает любая попытка логически обосновать ложность утверждения "я не существую", а эти попытки еще ни разу не увенчались успехом.

Для нас более важным является вопрос о том, какие следствия предложенное Патнэмом доказательство имеет для спора между метафизическим реализмом и интернализмом. Для ответа на этот вопрос мы должны вспомнить еще об одном допущении, которое использует Патнэм. В его доказательстве предполагается, что слова, произносимые людьми, в отличие от слов, произносимых мозгами в сосуде, обладают референцией на реальные объекты. Но как обосновать это допущение?

По мнению Патнэма, для интерналиста это обоснование не представляет никакой трудности. Поскольку, с интерналистской точки зрения, объекты и знаки являются внутренними по отношению к схеме описания, любой знак, "используемый определенным образом и определенным сообществом пользователей, может соответствовать определенным объектам в рамках концептуальной схемы этих пользователей"²⁸. В этом случае, считает Патнэм, определение референции сводится к совокупности тавтологий типа: "заяц" указывает на (обозначает) зайцев; "инопланетянин" указывает на инопланетян и т.д. Более того, согласно Патнэму, интерналист может отбросить предположение, что все человеческие существа являются мозгами в сосуде,

как "чисто лингвистическую конструкцию" или "историю", поскольку нельзя найти наблюдателя (кроме Бога), с точки зрения которого эта история могла бы быть рассказана. Само допущение, что человеческие существа являются мозгами в сосуде, "с самого начала предполагает понимание истины с точки зрения Бога"²⁹. Это означает, по мнению Патнэма, что с позиции внутреннего реализма легко опровергнуть скептический вывод, выраженный в предположении о мозгах в сосуде. Однако попытаемся разобраться, что же означает это опровержение скептицизма. На наш взгляд, в приведенном рассуждении Патнэма достаточно четко выражена мысль, что мы не можем знать, каков мир сам по себе и являемся ли мы "на самом деле" мозгами в сосуде. Мы можем знать только тот мир, который уже изначально структурирован концептуальной схемой нашего языка, а этот мир не содержит и намека на то, что человеческие существа – это мозги в сосуде. Таким образом, опровержение с позиции внутреннего реализма скептического вывода о том, что человеческие существа являются мозгами в сосуде, по существу, состоит в констатации того, что нам не дано знать, являемся мы мозгами в сосуде или нет (поскольку мы не можем занять позицию Бога, а возможности нашего знания ограничены рамками специфически человеческой точки зрения). Однако в этом смысле скептицизм уже давным-давно "преодолен", и внутренний реализм в этом вопросе не обладает никаким преимуществом перед другими гносеологическими позициями, в частности – и перед метафизическим реализмом.

Теперь рассмотрим, почему, по мнению Патнэма, предположение о мозгах в сосуде представляет непреодолимую трудность для метафизического реализма. Пытаясь обосновать референцию наших терминов на реальные объекты, экстерналист, по словам Патнэма, сталкивается со следующей проблемой: "вовне находятся объекты, имеется сознание/мозг, осуществляющее(ий) мышление/вычисле-

ние. Каким образом знаки осуществляющего мышление человека вступают в единственное соответствие с объектами и множествами объектов, находящихся вовне?"³⁰ Для ответа на этот вопрос экстерналисту нужно раскрыть природу указанного отношения "соответствия". По мнению Патнэма, экстерналист мог бы попытаться раскрыть природу соответствия с помощью каузальных связей между знаками и их референтами.

Однако, согласно Патнэму, каузальное взаимодействие не раскрывает природы референции, даже если предположить существование "каузальных цепочек соответствующего вида". Для обоснования этого утверждения Патнэм рассматривает, как устанавливается референция на примере таких простых слов, как "лошадь" или "заяц". Совершенно очевидно, что экстенционал слова "лошадь" содержит не только лошадей, с которыми мы имели каузальное взаимодействие, но и всех животных того же самого вида. Однако, как отмечает Патнэм, выражение "того же самого вида" утрачивает смысл вне категориальной системы, которая определяет, какие свойства выражают сходство, а какие – нет. «То, что делает лошадей, с которыми я не имел взаимодействия, принадлежащими к "тому же самому виду", что и лошади, с которыми я имел взаимодействие, – так это тот факт, что и первые, и вторые являются лошадьми»³¹. Согласно Патнэму, с позиции метафизического реализма установление референции терминов выглядит, как если бы вначале имелись объекты сами по себе, а затем человек с помощью некоторого "лассо" заарканывал часть из них (то есть тех лошадей, с которыми он имел каузальное взаимодействие). Тогда возникает проблема, как охватить словом оставшуюся часть объектов (например, тех лошадей, с которыми не было каузального взаимодействия). Решить эту проблему, по мнению Патнэма, метафизический реалист может, если только примет допущение, что слово автоматически покрывает оставшиеся объекты,

поскольку все объекты являются "самоидентифицирующимися". А это означает, что природа сама, а не человек сортирует вещи по родам. Но, как отмечает Патнэм, объекты, из которых состоит мир, в большей степени являются «продуктами нашего концептуального изобретения, а не "объективного" фактора в опыте, фактора, независимого от нашей воли»³². Поэтому хотя Патнэм и признает, что в определенном смысле мир состоит из самоидентифицирующихся объектов, однако, по его мнению, эти объекты нельзя считать независимыми от сознания. Это рассуждение Патнэма самым непосредственным образом направлено против его прежней концепции референции, опирающейся на эссенциалистские допущения. Теперь эти эссенциалистские допущения заменяются тезисом о самоидентифицирующихся объектах, которые легко увязываются с концептуальными схемами, создаваемыми людьми.

На основе этой критики Патнэм делает вывод, что метафизический реализм не способен раскрыть природу референции, и поэтому для него представляет непреодолимую трудность предположение, что человеческие существа являются мозгами в сосуде. Однако, на наш взгляд, этот вывод является не вполне правомерным. Не все сторонники корреспондентной теории истины отрицают роль категориальных систем в определении референции терминов и признают только природный фактор в "сортировке вещей по видам". Скорее следует заключить, что приведенный нами критический аргумент направлен исключительно против "метафизического реалиста" Патнэма, когда он придерживался каузальной концепции референции и корреспондентной теории истины. Однако в предложенной критике, безусловно, есть и рациональное зерно. Раскрытие природы соответствия действительно является проблемой для корреспондентной теории истины, как является проблемой и преодоление скептицизма. Однако, на наш взгляд, многочисленные попытки опровергнуть скептицизм в истории

философии убедительно показали, что эта проблема неразрешима чисто логическими средствами. И поэтому не случайно, что попытка Патнэма преодолеть скептицизм на основе новой гносеологической позиции – внутреннего реализма – потерпела неудачу. Однако эта неудача не отменяет важности и плодотворности предложенного им доказательства, поскольку в ходе каждого такого "доказательства" оттачиваются средства аргументации, выявляются интересные аспекты используемых концепций, становятся более четкими и ясными защищаемые позиции.

В заключение нам хотелось бы затронуть еще один аспект, связанный с рассматриваемым аргументом Патнэма. На наш взгляд, предложенное им доказательство с полной очевидностью свидетельствует о существенных изменениях в его концепции референции и значения. Во-первых, Патнэм со всей определенностью заявляет, что каузальные связи объясняют лишь механизм установления референции, но не раскрывают ее природы. Во-вторых, он существенным образом пересматривает свой тезис о том, что природа сама устанавливает референцию наших терминов. Об этом свидетельствует, как мы видели, его трактовка самоидентифицирующихся объектов. Кроме того, в его концепции значения и референции становится более осязаемым влияние идей Л.Витгенштейна. Конечно, это влияние можно обнаружить и на первом этапе творчества Патнэма, когда он признавал, что "объяснение, согласно которому понимание языка состоит в способности его использовать, ... является единственным объяснением в этой сфере"³³ и стремился обосновать, что значения локализованы не в голове носителей языка. Однако, как мы видели, тогда эту идею Витгенштейна Патнэм трактовал, оставаясь в определенной степени в рамках фреговской традиции. Так, в его понимании значение лингвистического выражения выступало как сложное четырехкомпонентное образование, содержащее такой элемент, как стереотип, который имел

непосредственное отношение к сфере ментального. Теперь же Патнэм предлагает уже иную трактовку тезиса о том, что значения не находятся в голове говорящих, – более близкую по духу к идеям Витгенштейна. Согласно этой трактовке, значения – это знаки, употребляемые ситуативно определенным образом.

О влиянии Витгенштейна свидетельствует и постоянное обращение Патнэма к его идеям и аргументам. Особенно сильны витгенштейнианские мотивы в предложенной Патнэмом критике магической теории референции.

Критика Патнэмом метафизического реализма не ограничивается аргументом, опирающимся на предположение о мозгах в сосуде. Он предложил еще один аргумент, который в литературе получил название "теоретико-модельного аргумента против метафизического реализма". Патнэм придает очень большое значение этому аргументу, считая его своим главным достижением в критике метафизического реализма.

3. Теоретико-модельный аргумент против метафизического реализма

В определенном смысле теоретико-модельный аргумент Патнэма продолжает ту стратегию критического наступления на метафизический реализм, которая нашла отражение в его аргументе, связанном с предположением, что человеческие существа являются мозгами в сосуде. В центре и того, и другого аргумента стоят проблема референции и анализ тех трудностей, с которыми связано решение этой проблемы. Если говорить обобщенно, то в теоретико-модельном аргументе Патнэм стремится обосновать положение о невозможности выделить какое-либо единственное отношение референции между терминами и их референтами в качестве отношения соответствия. Иными словами, основная цель этого аргумента состоит в том, что-

бы доказать тезис о неопределенности референции. С точки зрения Патнэма, этот результат является хорошим опровержением метафизического реализма, который связан с признанием одного "действительного" отношения соответствия между языком и реальностью.

По замыслу Патнэма, непосредственным объектом критики в теоретико-модельном аргументе является общепринятое представление о том, как устанавливается интерпретация нашего языка, то есть как присваиваются интенционалы и экстенционалы словам и выражениям. Согласно Патнэму, это общепринятое представление связано с понятиями операционального и теоретического ограничений. В упрощенной трактовке операциональное ограничение формулирует условие, согласно которому некоторое предложение (например, "По цепи течет электрический ток") является истинным, если и только если имеет место определенный результат проверки (например, отклонилась стрелка вольтметра). Как отмечает Патнэм, это определение, если его не уточнить, выражает точку зрения наивного операционализма, которую сейчас никто не воспринимает всерьез. Поэтому при трактовке операционального ограничения следует учитывать, что, во-первых, связи между теорией и опытом являются вероятностными, во-вторых, "даже эти вероятностные связи не являются простыми семантическими корреляциями, а зависят от эмпирической теории, которая подвержена пересмотру"³⁴, и, в-третьих, теории не проверяются предложение за предложением, а проходят проверку опытом как совокупное целое. Согласно Патнэму, сторонники общепринятой точки зрения вполне согласятся со всеми этими уточнениями, не отказываясь при этом от идеи, что операциональные ограничения выделяют интерпретацию наших терминов.

Теоретические ограничения связаны с формальными свойствами теории и, как правило, формулируются в виде ограничений на принятие теории (например, "не следует

принимать теорию, которая требует отказа от очень большого числа ранее считавшихся истинными утверждений"), однако, считает Патнэм, они могут быть легко переформулированы в качестве ограничений на интерпретацию теории (например, "приемлемой считается такая теория, которая сохраняет истинность предложений, считавшихся таковыми в течение длительного периода времени").

Согласно Патнэму, "трудность, с которой сталкивается общепринятая точка зрения, связана с тем, что здесь делается попытка установить экстенсионалы или интенционалы отдельных терминов через установление условий истинности предложений в целом"³⁵. Дело в том, что операциональные и теоретические ограничения, по существу, определяют, какие предложения в языке являются истинными. Для обоснования неадекватности общепринятой точки зрения Патнэм ставит перед собой задачу показать, что "даже если мы имеем ограничения какой бы то ни было природы, определяющие значение истинности каждого предложения языка в каждом возможном мире, тем не менее референция отдельных терминов остается неопределенной"³⁶. По мнению Патнэма, неопределенность референции означает, что можно задать абсолютно различные интерпретации языка, которые тем не менее сохраняют значение истинности каждого предложения в каждом возможном мире в неизменном виде.

Прежде чем перейти к рассмотрению предложенного Патнэмом доказательства, нам бы хотелось более внимательно разобраться с вопросом об операциональных и теоретических ограничениях. В философии науки эти понятия обычно используются, когда речь идет о необходимых условиях для принятия теории. Операциональные ограничения, по существу, выражают требование согласованности принимаемой теории с результатами экспериментов, наблюдений и т.д., то есть требование подтверждаемости теории эмпирическими данными. Теоретические ограничения

выражают свойства, которыми должна обладать принимаемая теория (например, непротиворечивость, простота и т.д.). Если некоторая теория удовлетворяет операциональным и теоретическим ограничениям, то означает ли это, что она истинна? Многие философы науки (а среди них и те, кто придерживается корреспондентной теории истины) воздержались бы от столь категоричного утверждения и признали бы просто, что эта теория является хорошо подтвержденной. Но даже если некоторые из них и охарактеризовали бы такую теорию как истинную, это вовсе не означает, что они признали бы все предложения данной теории истинными. Во-первых, некоторые утверждения даже в целом истинной теории могут оказаться ложными и требуют уточнения и исправления в ходе дальнейшего научного исследования. Во-вторых, научные теории содержат и такие предложения, которые нельзя охарактеризовать с точки зрения истинности (к их числу относятся, например, различные определения). Поэтому когда Патнэм говорит, что операциональные и теоретические ограничения определяют, какие предложения в языке являются истинными, он допускает некорректность. Операциональные и теоретические ограничения определяют истинность теории в целом, а не ее отдельных утверждений. Иначе Патнэм вынужден был бы приписать "сторонникам общепринятой точки зрения на интерпретацию" представление, согласно которому научная теория представляет собой конъюнкцию предложений и поэтому проходит проверку опытом предложение за предложением, а не как совокупное целое. Это означает, что указанные выше уточнения (вероятностные отношения между теорией и опытом, теоретическая нагруженность данных опыта, тезис Куайна и т.д.), принятие которых, по мнению Патнэма, не меняет существа общепринятой точки зрения, значительным образом влияют на понимание роли операциональных и теоретических ограничений.

Однако главное возражение против предложенной Патнэмом трактовки операциональных и теоретических ограничений состоит в том, что трудно найти философа, который считал бы, что указанные ограничения, определяющие истинность некоторой теории, детерминируют ее интерпретацию. Такую точку зрения можно, видимо, приписать только П.У.Бриджмену, который понимал под значением термина то множество операций, с которыми связано употребление данного термина. Так, значение слова "температура", по его мнению, выражает только то, что мы измеряем с помощью термометра. Поэтому предложение "Температура равна 20°C " говорит только то, что столбик ртути в термометре поднялся до отметки "20". В этом смысле Бриджмен действительно считал, что условия истинности предложения детерминируют референцию входящих в него слов. Однако большинство философов не согласилось бы с этой точкой зрения. Продолжая пример с температурой, мы могли бы сказать, что на основе истинности предложения "Температура равна 20°C ", о чем свидетельствует столбик термометра, поднявшийся до отметки "20", еще нельзя установить, как интерпретируется термин "температура" — то ли как средняя молекулярно-кинетическая энергия, то ли в терминах феноменологической теории теплоты. Интерпретация теории представляет собой довольно сложную процедуру, в которой обязательно используется такой компонент теории, как идеальная репрезентация фрагмента действительности. Поэтому нельзя согласиться с Патнэмом, что предложенная им трактовка теоретических и операциональных ограничений является общепринятой точкой зрения на интерпретацию. Это означает, что его теоретико-модельный аргумент не направлен непосредственно против общепринятой точки зрения на интерпретацию. Однако поскольку основная цель этого аргумента состоит в обосновании неопределенности референции, этот результат интересен сам по себе, независимо от того,

насколько он подрывает общепринятое представление об интерпретации.

Патнэм строит свое доказательство, используя аппарат теории моделей (поэтому это доказательство и получило название "теоретико-модельного аргумента"). Мы не будем здесь воспроизводить это доказательство, поскольку это потребовало бы введения многих математических понятий. Мы ограничимся лишь изложением того примера, который Патнэм приводит в качестве иллюстрации, поскольку этот пример, на наш взгляд, хорошо раскрывает основную идею доказательства и достаточно прост для понимания.

В качестве отправного пункта Патнэм берет предложение:

(1) Кот находится на ковре.

Согласно теоретико-модельным представлениям, предложение (1) является истинным в тех возможных мирах, в которых по крайней мере один кот находится на ковре. При этом "кот" обозначает котов, "ковер" обозначает ковры, а отношение "находиться на" понимается безотносительно ко времени. Основная идея доказательства состоит в том, чтобы показать возможность такой переинтерпретации предложения (1), при которой "кот" в действительном мире будет обозначать вишни, а "ковер" — деревья, однако значение истинности предложения (1) сохранится неизменным во всех возможных мирах. Для построения новой интерпретации Патнэм вводит обозначения "кот*" и "ковер*". В итоге мы получаем следующее предложение:

(2) Кот находится на ковре*.*

Итак, в новой интерпретации предложение (2) в действительном мире должно означать, что вишня находится на дереве. Патнэм начинает с того, что разбивает все возможные миры на три группы.

(а) В первую группу входят миры, в которых и предложение "Кот находится на ковре", и предложение "Вишня находится на дереве" являются истинными, то есть в этих

мирах по крайней мере один кот находится на ковре и по крайней мере одна вишня находится на дереве.

(b) Во вторую группу входят возможные миры, в которых предложение "Кот находится на ковре" является истинным, а предложение "Вишня находится на дереве" является ложным, то есть в этих мирах по крайней мере один кот находится на ковре, и ни одна вишня не находится на дереве.

(c) В третью группу входят, во-первых, возможные миры, в которых предложение "Кот находится на ковре" является ложным, а предложение "Вишня находится на дереве" является истинным, и, во-вторых, возможные миры, в которых оба рассматриваемых предложения являются ложными.

Как мы видим, в основе указанного разделения возможных миров лежит обычная таблица истинности. На основе этого разделения Патнэм предлагает следующую интерпретацию для "кота*" и "ковра*":

x является котом*, если и только если имеет место случай (a) и x является вишней; или имеет место случай (b) и x является котом, или имеет место случай (c) и x является вишней.

y является ковром*, если и только если имеет место случай (a) и y является деревом; или имеет место случай (b) и y является ковром; или имеет место случай (c) и y является кварком.

Конечно, Патнэм признает, что предложенная им интерпретация является очень неестественной, поскольку в одних возможных мирах "кот*" обозначает вишни, а в других — котов; "ковер*" же вообще в одних возможных мирах обозначает деревья, в других — ковры, а в третьих — кварки. Однако нам ничто не запрещает построить такую интерпретацию, и благодаря ей получается, что "Кот находится на ковре" и "Кот* находится на ковре*" имеют одинаковые значения истинности во всех возможных мирах. Чтобы убе-

даться в этом, рассмотрим по очереди все три группы возможных миров. В возможных мирах, входящих в первую группу, предложение "Кот находится на ковре" является истинным, и предложение "Кот* находится на ковре*" также является истинным, поскольку "кот*" обозначает вишни, а "ковер*" обозначает деревья. В возможных мирах, входящих в группу (b), предложения "Кот находится на ковре" и "Кот* находится на ковре*" также являются истинными, поскольку в этом случае "кот*" обозначает котов, а "ковер*" обозначает ковры. В возможных мирах, входящих в группу (c), предложения "Кот находится на ковре" и "Кот* находится на ковре*" являются ложными, поскольку "кот*" обозначает вишни, а "ковер*" обозначает кварки, а предложение "Вишня находится на кварке" является ложным. Кроме того, следует учитывать, что действительный мир относится к первой группе возможных миров, поскольку в нем предложения "Кот находится на ковре" и "Вишня находится на дереве" являются истинными. Теперь мы можем переинтерпретировать слово "кот", приписав ему интенционал слова "кот*", и одновременно переинтерпретировать слово "ковер", приписав ему интенционал слова "ковер*". В результате мы получили требуемую интерпретацию. На основе этого доказательства Патнэм делает вывод, что можно радикальным образом переинтерпретировать части предложения, сохранив значение предложения в целом (его значение истинности) неизменным.

Рассмотренное нами доказательство Патнэма вызвало очень неоднозначные реакции со стороны философов и логиков. Большинство исследователей выразили несогласие с этим результатом. Однако, если некоторые из них не придали особого значения этому теоретико-модельному аргументу, то другие усмотрели в нем реальную проблему. Так, например, известный логик Д.Льюис писал по поводу этого аргумента: "Хилари Патнэм изобрел бомбу, угрожающую разрушить реалистическую философию, которую

мы знаем и любим. Он поясняет, что способен не проявлять по этому поводу беспокойства и любит бомбу. Он приветствует Новый порядок, что бы он с собой ни принес. Но мы, продолжающие жить в районе назначения бомбы, не согласны. Бомба должна быть уничтожена”⁷. И поэтому Льюис ставит задачу выявить некорректность доказательства Патнэма. И.Хокинг, который также не согласен с результатом Патнэма, считает, что эту некорректность можно обнаружить без особого труда. По его мнению, доказательство Патнэма опирается на теорему Левенгейма-Сколема, которая применима к теориям, сформулированным в языке логики предикатов первого порядка. Поскольку естественный язык допускает операцию квантификации над предикатами, средства первопорядковой логики являются недостаточными для его описания, и поэтому, согласно Хокингу, теоретико-модельный аргумент Патнэма не имеет силы для естественных языков.

Действительно, теорема Левенгейма-Сколема является хорошо известным результатом в логике предикатов первого порядка. Согласно этой теореме, если какая-либо теория, сформулированная в первопорядковой логике, выполнима на некоторой области, то она выполнима и на конечной или счетной области, иначе говоря, если эта теория имеет модель (интерпретацию), то она имеет и конечную или счетную модель. Эта теорема, безусловно, является парадоксальным результатом. Допустим, Вы хотите сформулировать некоторый набор аксиом (в языке первого порядка), который выделил бы единственным образом действительные числа, или, иначе говоря, Вы хотите задать систему аксиом, которые в качестве модели имели бы множество действительных чисел. Как известно, множество действительных чисел не является счетным, то есть нельзя установить одно-однозначное соответствие между множеством действительных чисел и множеством натуральных чисел. Теорема Левенгейма-Сколема, по существу, утверждает,

что какую бы совокупность аксиом Вы не сформулировали, если она выполняется для действительных чисел, то она будет выполняться и для натуральных чисел. Это означает, что "посредством аксиом рассматриваемого типа невозможно отличить несчетную область от счетной или конечной"³⁸. Иными словами, любая теория (совокупность аксиом), сформулированная в языке логики предикатов первого порядка, помимо предполагаемой модели имеет еще непредполагаемую модель.

Безусловно, нельзя не заметить определенной связи между результатом Патнэма и теоремой Левенгейма-Сколема, однако, с другой стороны, нельзя и не отметить тот факт, что в доказательстве Патнэма эта теорема вообще не используется. Американский философ языка Дж.Лакофф, который в отличие от Льюиса и Хокинга, положительно оценил теоретико-модельный аргумент, полагает, что "результат Патнэма является применением не самой теоремы Левенгейма-Сколема, а только того свойства, которое обнаруживают в природе формальных систем средства, используемые для доказательства данной теоремы"³⁹. Согласно Лакоффу, это свойство выражается в том, что формальная система может иметь различные интерпретации (то есть может иметь различные системы референтов), однако значение ее истинности остается при этом неизменным. А поскольку это свойство, по мнению Лакоффа, присуще как первопорядковым, так и второпорядковым системам, то И.Хокинг не прав, обвиняя Патнэма в неспособности отличить первопорядковые языки от второпорядковых. Указанное свойство формальных систем вытекает из того обстоятельства, что в семантике, опирающейся на теоретико-модельные представления (Лакофф называет такую семантику объективистской), значение предложения отождествляется с условиями его истинности в каждом возможном мире, а значение термина отождествляется с его референтами в каждом возможном мире. По мнению Лакоффа, тео-

ретики-модельный аргумент Патнэма показал неадекватность объективистской семантики в качестве теории значения, поскольку, согласно этому аргументу, можно изменить значения частей (терминов), сохранив при этом значение целого (предложения). А это является нарушением важного требования, предъявляемого к любой теории значения: "нельзя изменить значения частей без того, чтобы не изменилось значение целого"⁴⁰.

Как мы видим, спектр оценок теоретико-модельного аргумента Патнэма, достаточно широк, однако все эти оценки так или иначе опираются на анализ средств аргументации, используемых в доказательстве. Мы же попытаемся оценить аргумент Патнэма с точки зрения его результата.

Как мы уже отмечали, основная цель теоретико-модельного аргумента Патнэма состоит в обосновании тезиса о неопределенности референции. В этом смысле этот аргумент имеет непосредственное отношение к тезису о неопределенности перевода (и, соответственно, неопределенности референции), выдвинутому У.Куайном. Основную идею этого тезиса лучше всего иллюстрирует известный пример Куайна о переводе с языка туземцев. Допустим, лингвист, изучающий язык туземцев, указывает на пробегающего через поле кролика, а туземец в ответ говорит "gavagai". Лингвист может перевести это выражение как "кролик", или как "неотъемлемая часть кролика", или как "временной срез кролика" и т.д. Согласно Куайну, все эти варианты перевода являются равно приемлемыми, поскольку они обладают одинаковым стимул-значением. Понятие стимул-значения выражает в концепции Куайна тот факт, что условия истинности любого предложения (то есть некоторое положение дел в мире) выступают в качестве стимула для определенной вербальной диспозиции (предрасположения) носителей языка, то есть для диспозиции к согласию или несогласию с данным предложением. Возможность альтернативных и равно приемлемых схем перевода

свидетельствует о неопределенности перевода. Эта неопределенность объясняется тем, что разные языки могут давать разные концептуализации мира. И если лингвист переводит "gavagai" как "кролик", то это означает, что он просто навязывает свою концептуальную схему, проистекающую из нашей склонности воспринимать мир состоящим из целостных и устойчивых образований – объектов. Неопределенность перевода одновременно означает и неопределенность референции. Каждому слову соответствует не какой-то вполне определенный референт, а целое множество (например, "кролик", "временной срез кролика", "неотъемлемая часть кролика" и т.д.), что обусловлено принадлежностью этого слова к разным концептуальным схемам.

По мнению Патнэма, предложенное им доказательство является существенным расширением и обобщением результатов Куайна. Если трактовка неопределенности референции Куайном создает впечатление, что "переинтерпретации, сохраняющие в неизменном виде значение истинности предложения, должны быть тесно связаны со стандартной интерпретацией"⁴¹, то его доказательство, считает Патнэм, является более "сильным" результатом, допускающим возможность такой переинтерпретации, в которой "кот" будет обозначать вишни.

Однако, если задуматься над неопределенностью референции в понимании Патнэма, то становится совершенно очевидным ее "парадоксальный" характер. Если тезис о неопределенности перевода (и, соответственно, референции) Куайна фиксирует реальную проблему, то в трактовке Патнэма референция термина становится столь неопределенной, что в качестве референтов этого термина могут выступать и вишни, и коты, и трубы, и звезды и все, что угодно. На наш взгляд, результат Патнэма оказывается в такой степени "сильным", что он уже почти ничего не доказывает, за исключением, пожалуй, того факта, что референция носит произвольный или, правильнее будет ска-

зять, конвенциональный характер. "Парадоксальность" патнэмовской трактовки неопределенности референции объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что за доказательством этой неопределенности стоит довольно тривиальная вещь, а именно – тот факт, что в мире имеется множество различных предметов, которые стоят друг к другу в отношении "находиться на" (или в любом другом отношении): "вишня находится на дереве", "звезда находится на небе", "труба находится на крыше" и т.д. Иными словами, если мы возьмем отношение "x находится на y" (или в более общей форме "x находится в отношении R к y" – xRy), то мы найдем множество различных пар объектов, которые будут выполнять это отношение. И если мы при установлении интерпретации этого отношения будем исходить только из того, чтобы объекты, подставляемые вместо x и y, выполняли это отношение, то мы действительно получим очень "неопределенную" референцию, которая будет включать и вишни, и звезды, и ковры и что угодно. Но говорит ли факт такого установления интерпретации что-либо о характере самой референции? На наш взгляд, в такой трактовке тезис о неопределенности референции утрачивает какой-либо смысл.

Но даже если наше рассуждение является некорректным и если признать, что Патнэму действительно удалось доказать тезис о неопределенности референции, то в каком смысле этот тезис опровергает корреспондентную теорию истины? Согласно Патнэму, неопределенность референции означает, что «существует ... множество различных "соответствий", которые репрезентирует возможные отношения референции»⁴², и невозможно выделить какое-то одно "действительное" соответствие, о котором говорит корреспондентная теория истины. Возможность множества отношений соответствия означает возможность различных концептуализаций одного и того же фрагмента реальности. Таким образом, согласно Патнэму, возможность несколь-

ких альтернативных концептуализаций должна служить аргументом против корреспондентной теории истины. Однако, с этим аргументом мы уже сталкивались, когда рассматривали случай эквивалентных описаний в науке. Это означает, что теоретико-модельный аргумент Патнэма в той же мере "опровергает" корреспондентную теорию истины, в какой ее опровергают эквивалентные описания. Однако, как мы уже отмечали, корреспондентная теория истины не связана с допущением, что можно охватить все многообразие и богатство действительного мира с помощью одной концептуальной схемы. Действительность многогранна, и столь же многогранными должны средства познавательной деятельности. Поэтому понимание истины как соответствия действительности вполне можно согласовать с фактом существования эквивалентных описаний.

Этими двумя аргументами (теоретико-модельным и опирающимся на предположение о "мозгах в сосуде"), конечно же, не исчерпывается арсенал средств, к которым Патнэм прибегает в своей атаке на метафизический реализм. Мы лишь упомянем, что он также использует аргумент Витгенштейна о "следовании правилу", парадокс Гудмена, различные "загадки", возникающие при анализе психофизической проблемы (например, как объяснить qualia, то есть специфический качественный характер наших ощущений) и т.д.

Подводя итог критике Патнэмом корреспондентной теории истины, которую он определяет как метафизический реализм, хотелось бы отметить следующее. Во-первых, на наш взгляд, эту критику нельзя считать столь разрушительной, что она покончила с корреспондентной теорией истины раз и навсегда. Во-вторых, мы уже отмечали, что Патнэм – не единственный современный философ, обвинивший корреспондентную теорию истины в метафизичности. Наоборот, в последнее время, как отмечает В.Н.Порус, «именно эта теория, получающая в работах западных

эпистемологов эпитеты "наивная", "примитивная", "метафизическая", явилась главной мишенью критики и самокритики; именно она стала "ахиллесовой пятой", уязвление которой привело, как считают, например, А.Файн, К.Элдер, Х.Патнэм, Б.ван Фраассен, М.Даммит и др., к летальному исходу "метафизический" вариант доктрины»⁴³ (имеется в виду доктрина научного реализма). Конечно, такое отношение к корреспондентной теории истины со стороны указанных философов не является случайным. Во многом оно обусловлено теми реальными трудностями, с которыми сталкивается эта теория, тем более что в последнее время в связи с открытием теоретической нагруженности научных фактов и осознанием сложного и опосредованного характера проверки научных теорий эти трудности стали еще более явными. Эта ситуация также усугубилась в результате появления новых средств анализа науки, позволяющих перейти к рассмотрению на уровне отдельных теорий, гипотез, процедур объяснения и т.д. В итоге сторонники корреспондентной теории истины оказались перед необходимостью доказать жизнеспособность своей теории. Однако, как мы видели, современные критики считают необходимым отбросить эту концепцию в силу ее полной уязвимости перед лицом указанных выше трудностей. На наш взгляд, столь жесткая негативная позиция не учитывает одного очень важного обстоятельства. Классическая (или корреспондентная) теория истины существует уже более двух тысяч лет. На протяжении этого времени было предложено множество других концепций истины (когерентная, прагматистская и т.д.), которым так и не удалось доказать свое превосходство перед пониманием истины как соответствия действительности. Однако, "критическая дискуссия" между сторонниками этих различных концепций истины всегда являлась стимулом к более углубленному пониманию проблемы. В определенном смысле и современная дискуссия, развернувшаяся вокруг корреспондентной теории, безусловно, спо-

собствует дальнейшим исследованиям по проблеме истины. Однако нельзя не отметить и негативный момент в современной критике корреспондентной теории истины. Дискуссия не принесет конструктивных и плодотворных результатов, если вместо серьезной критики участники дискуссии будут "окарикатуривать" своих противников. На наш взгляд, предложенная Патнэмом экспликация корреспондентной теории истины (в виде метафизического реализма) несет на себе этот налет карикатурности, поскольку приписывание этой теории притязания на знание мира, каков он есть сам по себе, является очень сильным упрощением. В таком "окарикатуренном" виде корреспондентную теорию истины очень несложно раскритиковать, но это вряд ли продвинет нас в нашем понимании истины.

Взамен корреспондентной теории истины Патнэм предлагает свою концепцию, названную им внутренним реализмом (или интернализмом). Как мы уже отмечали, эта концепция допускает ее квалификацию как вариант когерентной теории истины, для которой реальную опасность представляет релятивизм. Прекрасно осознавая бесплодность релятивизма для философии науки, Патнэм стремится так уточнить свою гносеологическую позицию, чтобы, с одной стороны, она не была столь уязвимой как метафизический реализм, а с другой стороны, можно было бы избежать обвинения в релятивизме. Таким образом, перед Патнэмом стоит настоятельная задача показать, что внутренний реализм не имеет следствием релятивизм.

4. "Внутренний реализм" и релятивизм

В этом параграфе мы рассмотрим, во-первых, обоснование Патнэмом нетождественности внутреннего реализма релятивизму, и, во-вторых, его критические аргументы против релятивизма.

Итак, согласно Патнэму, «интернализм не является про-

стым релятивизмом, признающим, что "Все сойдет" ("Anything goes")»⁴⁴. В обоснование этого утверждения Патнэм выдвигает аргументы, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о его отказе строго следовать принципу когерентности в понимании истины. Каковы же эти аргументы?

Во-первых, важное отличие внутреннего реализма от релятивизма, согласно Патнэму, состоит в том, что если, с точки зрения релятивизма, все концептуальные схемы и описания мира одинаково хороши, то внутренний реализм так не считает, поскольку, с его точки зрения, "знание — это не рассказ без ограничений за исключением внутренней согласованности"⁴⁵. В подтверждение Патнэм приводит такой пример. Допустим, какой-то человек предложил теорию, утверждающую, что люди могут летать без помощи технических средств. Если исходить из того, что все теории и концептуальные схемы одинаково хороши, то и указанную теорию следует признать вполне приемлемой. Однако, если этот человек попытается подтвердить свою теорию, скажем, выпрыгнув из окна и останется жив, то он вряд ли будет после этого придерживаться прежней точки зрения. Этот пример говорит о том, что наше знание должно согласовываться с опытом. Однако, отмечает Патнэм, интернализм и не отрицает наличия опытных компонентов (*experiential inputs*) в нашем знании, он отрицает лишь возможность неконцептуализированных опытных компонентов. Интернализм понимает истину как когерентность теоретических утверждений с утверждениями, имеющими более тесную связь с опытом.

Приведенный пример свидетельствует о том, что Патнэм признает в качестве критериев истины не только когерентность (понимаемую как непротиворечивость), но и согласованность с внешним миром, практическую эффективность и полезность. А поскольку как реалист (хотя и внутренний) он не отрицает существование объективного мира, то в целом это означает, что он неявно признает воз-

действие этого объективного мира на нас, воздействие, благодаря которому мы корректируем свои теории и концептуальные схемы (например, мы не принимаем теорию, утверждающую, что люди могут летать, выпрыгнув из окна). В то же время Патнэм считает, что на основе воздействия объективного мира на нас, существ с определенной биологической конституцией и рациональной природой, мы ничего не можем сказать о самом мире, как он есть "сам по себе". Мы можем судить только о мире, который дан нам в опыте и который изначально структурирован концептуальной схемой нашего языка. В противном случае мы должны были бы, по мнению Патнэма, предположить одно-однозначное соответствие между нашими концептуальными схемами и объективным миром, однако для такого предположения у нас нет никакого основания. В этом Патнэм абсолютно прав, у нас действительно нет оснований для такого предположения. Однако, на наш взгляд, это еще не доказывает несостоятельности корреспондентной теории истины. Идея одно-однозначного соответствия, взятая из математики, предполагает изоморфизм структур, между которыми установлено соответствие. Корреспондентная теория истины не трактует соответствие в таком строго математическом смысле и поэтому не говорит о структурном изоморфизме между нашими концептуальными схемами и миром, как он есть сам по себе. В корреспондентной теории истины идея соответствия понимается более расплывчато и, по существу, означает признание того, что воздействие объективного мира может вносить определенные коррективы в наши теории и концептуальные схемы. Таким образом, идея соответствия — это требование наибольшей согласованности наших представлений с этим идущим извне воздействием. Именно благодаря этому воздействию и благодаря нашему стремлению максимально с ним согласовываться, мы можем получать все более и более

адекватные описания мира, приближаясь тем самым к истине, которая полностью никогда не достижима.

Если мы теперь сравним концепцию внутреннего реализма Патнэма и корреспондентную теорию истины с точки зрения признания ими воздействия объективного мира и необходимости согласовывать наши теории и описания с этим воздействием, то мы не можем не обнаружить определенные точки соприкосновения. И хотя Патнэм отвергает идею соответствия и предпочитает говорить об "объективной подогнанности", на наш взгляд, это во многом уже является терминологическим различием, а не различием по существу. Таким образом, мы видим, что концепция внутреннего реализма соединяет в себе как элементы когерентной теории истины, так и элементы, свидетельствующие о ее близости к корреспондентной теории.

Второе важное отличие между релятивизмом и интернализмом Патнэм видит в том, что если релятивизм отрицает какую-либо объективность нашего знания, то интернализм признает существование объективного знания. Эта объективность, по его мнению, определяется нашими понятиями когерентности и рациональной приемлемости, и хотя она является "объективностью для нас", а не метафизической объективностью с точки зрения Бога, это лучше чем вообще ничего. Попытаемся разобраться, какой смысл Патнэм вкладывает в понятие объективности. Учитывая, что рациональность в его понимании не является набором неизменных и вечных канонов или принципов, а исторически изменяется, то из этого можно было бы заключить, что объективным, с его точки зрения, является то, что представляется таковым людям разных культур на основе принятых ими стандартов рациональности и когерентности. Таким образом, объективность в понимании Патнэма, по существу, означает простую общезначимость. Однако хорошо известно, что общезначимость не позволяет полностью преодолеть релятивизм, поскольку то, что считается

общезначимым в одной культуре, может не быть общезначимым в другой культуре и т.д. Во избежание столь неприятного следствия Патнэм вынужден вносить существенные уточнения в свое понимание объективности, которые в определенном смысле не согласуются с основными положениями его концепции. Так, он отмечает, что отрицание им фиксированного внеисторического органа рациональности не означает, что "наши концепции о разуме эволюционируют в истории и что разум может быть чем угодно (или может эволюционировать во что угодно)"⁴⁶. Поясняя свою мысль, Патнэм проводит аналогию между терминами естественных видов и рациональностью. Так, о принадлежности некоторого объекта к естественному виду мы говорим при условии, если рассматриваемый объект обладает той же внутренней природой, что и парадигмальные образцы данного естественного вида (хотя наши современные методы распознавания могут и не быть достаточными для установления этого). Поэтому, считает Патнэм, естественно предположить некоторую идеальную теорию, которая раскрывает внутреннюю природу естественного вида и тем самым определяет направление конвергенции наших концепций об этом естественном виде. Аналогичным образом "рациональность какого-либо мнения определяется не нормами рациональности той или иной культуры, а идеальной теорией рациональности, теорией, которая формулирует необходимые и достаточные условия для признания мнения рациональным при соответствующих условиях в любом возможном мире"⁴⁷. Точно так же, как древние греки могли ошибочно считать золотом образцы металла, которые на основе современной теории и методов проверки легко распознаются как не золото, — так и мнения, считавшиеся некогда рациональными, могут не оказаться таковыми с точки зрения более адекватного понимания рациональности. Более того, согласно Патнэму, эти мнения не были рациональными и тогда, когда их ошибочно счи-

тали рациональными, — как не принадлежали к экстенсионалу слова "золото" и во времена древних греков образцы металла, которые тогда ошибочно считались золотом. Таким образом, процесс создания человеком все более совершенных философских концепций рациональности постепенно конвергирует к идеальной теории, благодаря чему представления о разумном и рациональном не могут быть какими угодно.

Допущение об идеальной теории рациональности, безусловно, позволяет Патнэму преодолеть релятивизм и избежать сведения объективности к простой общезначимости. Однако это допущение является очень сильной идеализацией, правомерность которой не столь уж бесспорна. Отметим также, что это допущение получает дальнейшую конкретизацию в тезисе Патнэма об "эпистемически идеальных условиях". Понятие "эпистемически идеальных условий" Патнэм вводит для того, чтобы провести различие между истиной и рациональной приемлемостью. И хотя в целом он определяет истину как рациональную приемлемость, тем не менее он считает, что "истина не может быть просто рациональной приемлемостью в силу одной фундаментальной причины: истина является свойством утверждения, которое не может быть утрачено в то время, как оправдание (justification) может быть утрачено"⁴⁸. Так, утверждение "Земля является плоской" было рационально приемлемым 3000 лет назад, однако было бы неправильным полагать, что это утверждение было истинным 3000 лет назад, поскольку это означало бы, что за указанный период времени (3000 лет) Земля изменила свою форму. Если рациональная приемлемость зависит от времени и от человека и допускает степень, то истина не имеет такой зависимости. Из этого следует, считает Патнэм, что «истина — это идеализация рациональной приемлемости. Мы говорим, как если бы существовали эпистемически идеальные условия. Мы называем утверждение "истин-

ным", если бы оно имело оправдание при этих условиях»⁴⁹. Патнэм уподобляет эпистемически идеальные условия самолетам без трения: мы никогда не сможем создать такие самолеты, но, снижая коэффициент трения, мы постоянно к ним приближаемся. Подводя итог, Патнэм формулирует две ключевые, с его точки зрения, идеи теории истины:

1) "истина не зависит от оправдания здесь и теперь, но зависит от оправдания в целом. Говорить, что утверждение является истинным, — значит говорить, что оно могло бы быть оправдано"⁵⁰;

2) «истина является устойчивой или "конвергентной"»⁵¹.

Хотя Патнэм нигде не указывает, что конкретно он имеет в виду под эпистемически идеальными условиями, однако, их, видимо, следует понимать как такие условия проведения исследования, когда имеются абсолютно точные приборы и инструменты, когда можно провести любые измерения и наблюдения, поставить любой эксперимент, получить доступ к любому объекту изучения и т.д., то есть когда можно установить истинность любого предложения. Какие следствия имеет принятие такого допущения, станет понятным, если мы обратимся к следующему простому примеру. Рассмотрим предложение "В день, когда родился Гераклит, шел дождь". Согласно корреспондентной теории истины, это предложение обладает значением истинности в абсолютном смысле, то есть независимо от того, сможем ли мы когда-нибудь установить, шел ли в тот день дождь или нет. Это связано с тем, что для корреспондентной теории истины при определении истинности предложения важен лишь сам факт, что мысль, выраженная в предложении, соответствует действительности или нет. Патнэм же, определяя истину как рациональную приемлемость, подчеркивает важность учитывать критерий истины при ее определении. Это означает, что мы можем говорить об истинности или ложности какого-либо предложения только в

том случае, если у нас есть возможность установить это. Поскольку мы не располагаем средствами для установления истинности предложения "В день, когда родился Гераклит, шел дождь", вопрос о его значении истинности при таком подходе должен быть снят. Таким образом, определение истины как рациональной приемлемости ограничивает класс предложений, о значении истинности которых мы можем судить, только теми предложениями, в отношении которых нам даны условия их оправдания (или подтверждения). Когда же Патнэм уточняет свое определение и говорит, что истина – это рациональная приемлемость при эпистемически идеальных условиях, он, по существу, возвращается к пониманию значения истинности предложения в абсолютном смысле, поскольку при эпистемически идеальных условиях нам даны все возможные условия оправдания – для установления значения истинности любого предложения, и в этом случае предложение "В день, когда родился Гераклит, шел дождь" обладает значением истинности. Это означает, что Патнэм вводит идеализацию, которая является не менее сильной, чем та, что лежит в основании критикуемой им корреспондентной теории истины. В корреспондентной теории эта идеализация связана с понятием соответствия, поскольку здесь на основе согласованности наших теорий и концептуальных схем с тем воздействием, которое внешний мир оказывает на наши органы чувств, делается вывод о "соответствии" этих теорий и концептуальных схем действительности. У Патнэма идеализация связана с понятием эпистемически идеальных условий (и с понятием идеальной теории рациональности), поскольку в реальности мы имеем лишь вполне конкретные, "неидеальные" условия оправдания и "неидеальную" концепцию рациональности.

Таким образом, мы видим, что стремясь избежать обвинения в релятивизме, Патнэм вносит такие поправки в свою концепцию истины и принимает такие допущения,

которые делают его концепцию, с точки зрения эпистемических оснований, равнозначной корреспондентной теории истины, хотя при этом Патнэм отвергает идею соответствия и говорит лишь об "объективной подогнанности" наших концептуальных схем и теорий к внешнему миру. О совпадении ряда эпистемических оснований внутреннего реализма и корреспондентной теории истины свидетельствуют и предложенные Патнэмом критические аргументы против релятивизма.

Согласно Патнэму, идея релятивизма является очень простой. Она выражается в том, что каждый человек (каждый дискурс или каждая культура) имеют свои взгляды, нормы, предположения и т.д., а истина (и, соответственно, оправдание) являются понятиями, зависимыми от этих взглядов, норм и т.д. Таким образом, согласно релятивизму, не существует объективного понятия истины, а может быть только истина-для-меня, истина-для-него и т.д. Однако, отмечает Патнэм, релятивист, как правило, неявно принимает, что утверждение "X истинно относительно человека P" само является чем-то абсолютным. Поэтому, чтобы быть последовательным, релятивист должен был бы признать, что и указанное утверждение ("X истинно относительно P") является относительным, и тем самым должен был бы признать, что "если все относительно, то и относительное также является относительным"⁵². Однако это допущение имеет, по мнению Патнэма, неприятные следствия для релятивиста. Для того, чтобы показать, каковы эти следствия, Патнэм обращается к аргументу Л.Витгенштейна, направленному против идеи "приватного языка". Под приватным языком Витгенштейн понимает язык, с помощью которого человек мог бы обозначать свои ощущения и внутренние состояния, недоступные внешнему наблюдению. Специфика этих внутренних состояний заключается в том, что человек имеет к ним привилегированный доступ.

Изложение этого аргумента приводится Витгенштей-

ном в разделах 243–351 его "Философских исследований". Точное воспроизведение этого аргумента представляется делом сложным, поэтому мы попытаемся лишь реконструировать его основную идею.

Итак, согласно Витгенштейну, приватный язык невозможен. Это обусловлено тем, считает Витгенштейн, что привилегированный доступ человека к собственным ощущениям является фактом грамматики общественного языка. Мы через различные языковые игры обучаемся использовать слова, обозначающие ощущения (например, "боль"), таким образом, что это гарантирует их привилегированное использование от первого лица. И то обстоятельство, что мы безошибочно употребляем эти слова по отношению к себе (но можем совершать ошибки, применяя их к другим людям), также гарантируется грамматикой нашего общественного языка. У создателя же приватного языка такой гарантии не может быть. Мы не можем найти никакого критерия, который бы позволил человеку, использующему приватный язык, быть уверенным, что его слова имеют референцию. Он может ошибаться или не ошибаться относительно референции своих слов и никогда не узнать этого. Это происходит потому, что не существует никакого критерия правильности, никакого правила, которое соединило бы его слова с его внутренними ментальными состояниями, поскольку такое соединение возможно только в языковых играх благодаря тому, что ощущения находят свое выражение в поведении.

Патнэм уподобляет релятивиста человеку, пытающемуся создать приватный язык, так как релятивист говорит только об "истине-для-меня", "рациональности-для-меня" и т.д. А поскольку, полагает Патнэм, в приватном языке нельзя провести различие между тем, что является правильным, и тем, что некто считает правильным, то аргумент Витгенштейна "является превосходным аргументом против релятивизма в целом"⁵³.

Итак, согласно Патнэму, для релятивиста не существует различия между "быть правым" и "считать себя правым", поскольку, с точки зрения релятивиста, истинным является лишь то, что представляется истинным кому-либо. Однако из этого следует, считает Патнэм, что для релятивиста не существует "различия между рассуждением и мышлением, с одной стороны, и произнесением звуков (или порождением ментальных образов), с другой стороны."⁵⁴ Дело в том, что последовательный релятивист вынужден отказаться от каких-либо объективных критериев мыслительной деятельности и вынужден считать истину и рациональную приемлемость чисто субъективными понятиями. Но в этом случае он не способен предложить ни одного критерия, по которому можно было бы отличить осмысленную речь от случайного набора звуков и простого продуцирования ментальных образов. Тем самым, считает Патнэм, релятивист совершает "ментальное самоубийство", поскольку он упускает из виду, что «предпосылкой самой мысли является существование некоторого вида объективной "правильности"»⁵⁵⁶.

Из этой критики релятивизма с полной очевидностью вытекает, что Патнэм признает объективный характер истины и рациональной приемлемости. Причем нельзя не отметить характерную деталь. В своем рассуждении Патнэм опирается на такое понимание объективности, с которым согласился бы сторонник корреспондентной теории истины. Это означает, что признание "объективной подогнанности" наших концептуальных схем и теорий к внешнему миру имеет те же самые эпистемические основания и следствия, что и признание идеи "соответствия".

Если рассмотренный нами аргумент Патнэма имеет отношение к релятивизму в целом, то другой его аргумент направлен против конкретной формы релятивизма, а именно — против тезиса о несоизмеримости, выдвинутого Т.Куном и П.Фейерабендом. Критика этого тезиса прохо-

дит через все творчество Патнэма, и хотя выдвигаемые им аргументы становятся другими, общее негативное отношение к этому тезису не ослабевает. Мы уже рассматривали, в чем видел Патнэм несостоятельность тезиса о несоизмеримости на первом этапе своего творчества, когда он стоял на позициях корреспондентной теории истины. Теперь нам предстоит рассмотреть критические аргументы, выдвигаемые им уже с новой гносеологической позиции — с позиции внутреннего реализма.

Согласно Патнэму, тезис о несоизмеримости выражает "крайний релятивизм", поскольку он предполагает, что каждая парадигма (научная теория или культура) обладает своим собственным набором стандартов рациональности, и поэтому об истине можно говорить только относительно какой-либо парадигмы. Более того, согласно этому тезису, не существует никаких объективных критериев для сравнения парадигм, и поэтому, говоря словами Куна, ученые разных парадигм "живут в разных мирах". По мнению Патнэма, в основе тезиса о несоизмеримости лежит допущение, что термины, используемые в других культурах, не могут быть равны по значению и референции каким-либо терминам и выражениям, используемым в нашей культуре. И именно это допущение продолжает быть основным объектом его критики.

Согласно Патнэму, если бы тезис о несоизмеримости был верен, то это означало бы невозможность перевода с других языков и с более ранних форм нашего собственного языка, а, следовательно, означало бы невозможность дать какую-либо интерпретацию звукам, произносимым членами других культур. Поэтому у нас не было бы никаких оснований допускать, что люди других культур являются личностями, способными мыслить, говорить и т.д. И в этом смысле, по мнению Патнэма, тезис о несоизмеримости является саморазрушающим. Во избежание этого следствия Кун и Фейерабенд вынуждены признать, что мы мо-

жем находить "схемы перевода", которые удовлетворительны с точки зрения наших интересов и стоящих перед нами задач, но которые при этом совершенно не передают смысл и референцию оригинального текста. Однако, отмечает Патнэм, говорить, что переводу не удалось точно передать смысл и референцию оригинального текста, можно только при допущении, что может быть найдена более удачная схема перевода. «Утверждение, что никакая из возможных схем перевода не может передать "реальный" смысл или "референцию", предполагает, что "существует "реальная" синонимия, независимая от всех работающих практик взаимной интерпретации»⁵⁷, однако эта идея, считает Патнэм, уже давно отброшена как миф.

Кроме того, Патнэм вновь обращается к своему старому аргументу, согласно которому в тезисе о несоизмеримости стирается различие между понятием и концепцией. При переводе какого-либо слова с другого языка мы приравниваем его референцию и смысл референции и смыслу нашего собственного термина, то есть, согласно Патнэму, мы приравниваем понятия, однако при этом концепции, связываемые с этим словом, могут сильно отличаться друг от друга. Различие концепций не доказывает невозможности перевода, наоборот, это различие можно установить только благодаря переводу. Как показали различные мыслители, начиная с Вико, "успех интерпретации не требует, чтобы представления переводимого автора были точно такими же, как наши собственные, он только предполагает, что они окажутся разумными для нас"⁵⁸. Отношение к членам других культур и к собственным предкам как к личностям, наделенным способностью мыслить и говорить, предполагает, по мнению Патнэма, "приписывание им общих с нами референтов и понятий"⁵⁹. Более того, помимо общих референтов и понятий мы разделяем с другими культурами большое множество допущений и представле

ний о том, что считать разумным, несмотря на все различие в наших образах знания и концепциях рациональности.

Критика Патнэмом тезиса о несоизмеримости представляет безусловный интерес и является довольно серьезным возражением против релятивизма. В основе этой критики лежит убеждение Патнэма о конвергенции наших знаний и о независимости истины от научной парадигмы или культуры. И хотя он объясняет объективность истины не идеей соответствия действительности, а тем, что представления различных культур о рациональном являются ступенями в общем процессе конвергенции к "идеальной теории рациональности", тем не менее между его позицией и корреспондентной теорией истины нельзя не усмотреть определенных параллелей. Характерно, что предложенная Патнэмом критика тезиса о несоизмеримости по духу очень близка к аргументам К.Поппера, выдвинутым им против релятивизма в статье "Миф концептуального каркаса" ("The Myth of the Framework", 1976). Различие состоит лишь в том, что Патнэм стремится обосновать возможность перевода с языков других культур, а Поппер показывает возможность и плодотворность дискуссии между людьми, придерживающимися в корне различных концептуальных каркасов. При этом не следует забывать, что Поппер трактует истину как соответствие реальности.

В своей книге "Разум, истина и история" Патнэм предлагает критические аргументы и против других форм релятивизма, однако мы ограничимся уже рассмотренными аргументами, поскольку они, на наш взгляд, являются достаточным подтверждением того, что концепция истины Патнэма по своим эпистемическим допущениям и следствиям близка к корреспондентной теории истины. В то же время эти аргументы свидетельствуют и о некоторой внутренней несогласованности концепции Патнэма. Противопоставляя свою концепцию метафизическому реализму, Патнэм так формулирует ее основные положения, что они

говорят в пользу понимания им истины как некоторого вида когерентности наших представлений друг с другом. Однако, стремясь избежать обвинения в релятивизме, он, по существу, вносит такие уточнения и дополнения, которые свидетельствуют об отказе понимать истину как простую когерентность и означают внесение определенных объективных компонентов в ее трактовку. Это, безусловно, является серьезным недостатком концепции истины Патнэма. С другой стороны, нельзя не отметить и важного преимущества этой концепции перед корреспондентной теорией истины, состоящего в том, что она предлагает такое определение истины, которое включает в себя критерии ее установления.

5. Реализм или антиреализм?

Итак, формулируя новую концепцию истины, Патнэм видел свою задачу в том, чтобы, с одной стороны, сохранить определенные "реалистические интуиции", а с другой — удовлетворить требованиям, предъявляемым современным уровнем философско-методологического исследования науки к трактовке истины. Иначе говоря, он попытался сформулировать концепцию, которая преодолевала бы трудности, оказавшиеся столь серьезными для корреспондентной теории истины. В определенном смысле ему это удалось. Во-первых, определив истину как (идеализированную) рациональную приемлемость, то есть связав ее понимание с условиями оправдания (или подтверждения), Патнэм тем самым включил в определение истины критерии ее установления. С его точки зрения, истинно то, что рационально приемлемо, а рационально приемлемым является то, для принятия чего имеются определенные основания (условия оправдания). Это означает, что в концепции истины Патнэма разрешается проблема критерия — камень преткновения для корреспондентной теории исти-

ны. Во-вторых, в концепции Патнэма оказывается снятой и другая серьезная для данной теории проблема, а именно – природа отношения соответствия, поскольку отношение между мышлением и языком Патнэм описывает в терминах отношения между знаком (словом) и обозначаемым (некоторым элементом мира, структурированного концептуальной схемой языка), и в этом контексте это отношение утрачивает свою "таинственность". Более того, с точки зрения Патнэма, таких отношений между языком и миром может быть множество, что обусловлено возможностью различных концептуализаций реальности. Преодоление указанных трудностей образует важное достоинство концепции истины Х.Патнэма. Однако, с другой точки зрения, мы видели, какой ценой был достигнут этот результат. Патнэму пришлось ввести допущение об эпистемически идеальных условиях оправдания (или об идеальной теории рациональности), которое делает его концепцию не менее уязвимой, чем корреспондентная теория истины. Действительно, как мы можем обосновать наличие конвергенции представлений различных культур о рациональном к идеальной теории рациональности? И почему мы должны допустить эпистемически идеальные условия оправдания, если в каждом конкретном случае мы обладаем только ограниченными условиями? На эти вопросы концепция внутреннего реализма Патнэма не дает никакого определенного ответа. С точки зрения корреспондентной теории истины, конвергенцию в развитии научного знания (включая и развитие представлений о рациональном) можно объяснить стремлением человека все более адекватно отобразить в своих теориях объективную реальность. Идея соответствия и является тем стержнем, благодаря которому получает оправдание представление о преемственности и последовательности в развитии научного знания. Однако Патнэм отбрасывает идею соответствия и тем самым отказывается от такого объяснения. Кроме того, преодоление

указанных трудностей было достигнуто, как мы видели, в ущерб внутренней согласованности концепции интернализма: противопоставляя свою позицию метафизическому реализму, Патнэм так формулирует ее основные положения, что они говорят в пользу понимания им истины как некоторого вида когерентности наших представлений друг с другом. С другой стороны, стремясь избежать обвинения в релятивизме, он, по существу, вносит такие уточнения и дополнения, которые свидетельствуют о множестве точек соприкосновения между внутренним реализмом и корреспондентной теорией истины.

Однако здесь возникает вопрос: удалось ли Патнэму при этом сохранить "реалистические интуиции", удалось ли ему остаться на реалистической платформе? Среди философов не существует единого мнения на этот счет. Когда вышла в свет книга Патнэма "Разум, истина и история", многие усмотрели в ней отказ от реалистической позиции и даже более того — охарактеризовали новую концепцию истины Патнэма как антиреализм. В работах многих авторов, сохраняющих приверженность научному реализму, упоминание имени Патнэма сопровождается не иначе как эпитетами "оппортунист", "рenegат" и т.д. Однако есть немало философов, которые полагают, что Патнэм остался сторонником реализма, а его новая концепция истины является лишь более адекватной и гибкой версией этой доктрины.

С одной стороны, нельзя не признать, что и та, и другая точка зрения имеет под собой основания в силу определенной внутренней несогласованности концепции истины Патнэма. Так, те исследователи, которые квалифицируют эту концепцию как антиреализм, могут указать, что Патнэм, будучи непримиримым критиком корреспондентной теории истины, отвергает тем самым то, что является ядром доктрины научного реализма. Более того, при понимании истины как некоторого вида когерентности наших представлений друг с другом теряет свой смысл допущение о

существовании объективного мира, независимого от человеческого сознания.

С другой стороны, и защитники реалистического характера новой концепции истины Патнэма могут привести достаточно убедительные аргументы. Так, Дж.Лакофф, полагающий, что "внутренний реализм является формой реализма"⁶⁰, видит подтверждение тому в следующем. Во-первых, Патнэм признает существование мира внешнего по отношению к человеческим существам. Во-вторых, согласно Патнэму, связь между концептуальными схемами и миром осуществляется через реальный человеческий опыт, который не является чисто внутренним и в каждый момент ограничен реальным миром. В-третьих, понимание истины Патнэмом основывается не только на внутренней когерентности и рациональной приемлемости, но и на "когерентности" с нашим реальным опытом. И, в-четвертых, Патнэм признает возможность объективного человеческого знания.

Для того, чтобы решить, какая из этих квалификаций позиции Патнэма ближе к истине, необходимо рассмотреть другую важную часть его концепции внутреннего реализма, которая существенным образом дополняет и разъясняет его понимание истины. Мы имеем в виду его теорию рациональности.

Патнэм формулирует свое представление о рациональности в ходе критического анализа различных трактовок этого понятия. Он отмечает, что в философии науки были предложены по существу две основные концепции рациональности. Первая связана с логическим позитивизмом; она отождествляет рациональность с использованием научного метода, который задается списком институализированных норм верификации. Логические позитивисты возлагали большие надежды на формализацию научного метода, которая бы позволила исчерпывающим образом описать рациональность в виде некоторого неизменного и внеисторического органа. Однако неудачные попытки

формализовать индуктивную логику показали, что не существует алгоритма для эмпирических наук, а стремление описать научный метод не только с учетом точных естественных наук, но и гуманитарной области знания привели к столь широкой и неопределенной его трактовке, что трудно стало невозможно указать, что же нельзя верифицировать с помощью такого метода. Эти результаты, приведшие к осознанию того, что научный метод не определяет, а предполагает предшествующее ему понятие рациональности, дали импульс для создания новой концепции рациональности в рамках исторической школы в философии науки. Главным тезисом этой концепции явилось утверждение о зависимости рациональности от специфических норм каждой конкретной культуры.

Обе эти концепции Патнэм считает ошибочными. Он видит свою цель в том, чтобы сформулировать такое понимание рациональности, которое не было бы связано с признанием неизменного внеисторического органа и в то же время не означало бы культурного релятивизма. Он считает необходимым преодолеть и еще один общий недостаток этих двух концепций — их сциентизм (по его мнению, культурный релятивизм — это сциентистская позиция, инспирируемая антропологией).

Ядро патнэмовской концепции рациональности составляет тезис о связи понятия рациональности с системой ценностей, существующих в обществе. Как мы видели, согласно Патнэму, стандарты рациональной приемлемости, определяя способы проведения исследования, критерии объективности, способы постановки проблем и методы их решения и т.д., по существу раскрывают содержание того, что значит знать истину, однако в свою очередь они связаны со множеством других стандартов и критериев и прежде всего с критерием релевантности. Описание комнаты человеком, воспитанным в культуре, не знающей мебели, даже если оно содержит только истинные утверждения,

не будет рационально приемлемым для нас, поскольку оно не удовлетворяет критерию релевантности.

Патнэм разъясняет, какие требования включены в понятие релевантности, сравнивая наше представление о мире и представление вымышленных "австралийцев", считающих, что люди – это "мозги в сосуде". Хотя взгляды "австралийцев" во всем остальном совпадают с нашими, мы не сочтем их систему верований релевантной и рациональной. Во-первых, считает Патнэм, эта система верований не является когерентной, поскольку она не включает в себя представления о той деятельности и тех способах, благодаря которым мы устанавливаем правильность наших представлений (у "австралийцев" нет способа установить, что люди – это мозги в сосуде). Во-вторых, система верований "австралийцев" лишена такого достоинства, как постижимость. В-третьих, она не является функционально простой, поскольку постулирует такие виды объектов вне сосуда, которые не участвуют в объяснении опыта. Эти требования когерентности, постижимости, функциональной простоты и инструментальной эффективности (которые по существу представляют собой уже упоминавшиеся ранее "теоретические ограничения") Патнэм называет "когнитивными ценностями" и полагает, что без этих ценностей мы не можем иметь мир и не можем иметь фактов. Поэтому утверждение о том, что наука стремится открыть истину, означает лишь то, считает Патнэм, что наука стремится построить такую репрезентацию мира, которая имеет характеристики когерентности, инструментальной эффективности, постижимости и функциональной простоты.

Однако в "создании" фактов и мира участвуют не только перечисленные ценности. Анализ концептуальных ресурсов, используемых даже в таком простейшем предложении, как "Кот находится на ковре", обнаруживает, согласно Патнэму, множество других ценностей. Так, наличие понятия "кот" говорит, что мы считаем значимым деление пред-

метов окружающего мира на животных и неживотных и нас интересует принадлежность того или иного животного к некоторому виду. Использование понятия "ковер" свидетельствует о том, что нам важно выделять среди объектов предметы культуры и знать их назначение. Категория "находиться на" указывает, что нас интересуют пространственные отношения и т.д. Если же мы обратимся к вопросу о выборе концептуальных схем для описания межличностных отношений и социальных фактов, то мы увидим, как в формирование мира включаются этические и эстетические ценности.

Таким образом, заключает Патнэм, "понятие истины зависит в своем содержании от наших стандартов рациональной приемлемости, а они в свою очередь опираются на и предполагают ценности"⁶¹.

Сказанное означает, что в концепции внутреннего реализма разрушается противопоставление ценности и факта. По определению Патнэма, каждый факт является ценностно нагруженным, а любая из наших ценностей участвует в формировании того или иного факта.

Патнэм отмечает, что разрушение дихотомии "факт/ценность" не означает сведения ценностного к фактуальному. Он согласен с Дж.Муром, что термины "хороший", "правильный" и т.д. не обозначают физикалистских свойств и отношений, но из этого не следует, что ценностных свойств (блага, правильности и т.д.) не существует. Из этого вытекает лишь, полагает Патнэм, что "монистический натурализм (или "физикализм") является неадекватной философией"⁶². Эта философия трактует ценности как выражающие субъективные предпочтения людей в силу того, что, воспринимая физику как единственную истинную теорию, а не просто как рационально приемлемое описание, удобное для определенных целей, она вынуждена объявлять субъективными любые описания, которые не могут быть редуцированы к физике.

Однако, отмечает Патнэм, если несводимость этики к физике означает, что ценности являются проекциями (в том смысле, что мы воспринимаем качество ощущения как качество вызвавшего это ощущения предмета), то проекциями являются и цвета, и натуральные числа и весь "физический мир". Зрение не дает нам прямого доступа к уже готовому (ready-made) миру, но предоставляет нам объекты, которые частично структурируются и создаются самим механизмом зрения. Точно так же математическая интуиция позволяет нам видеть математические "факты", как они существуют в математическом мире, создаваемом человеческой математической практикой. Это означает, что сознание не просто копирует мир и не творит его самостоятельно – "сознание и мир совместно создают сознание и мир"⁶³.

Венчает концепцию Патнэма представление о том, что понятие рациональности является лишь частью нашего представления о благе и человеческом процветании. И хотя идеалы человеческого процветания, согласно Патнэму, плюралистичны и могут пересматриваться, это не означает принятия релятивизма, поскольку, как не устает повторять Патнэм, релятивизм "саморазрушающ".

Мы изложили концепцию рациональности Патнэма, не касаясь того, как он обосновывает свою позицию. Во многом это объясняется тем, что Патнэм основное внимание уделяет критике иных трактовок рациональности, чем обоснованию своей собственной. И хотя предложенные им критические аргументы представляют несомненный интерес в контексте современных дискуссий о природе рациональности и об объективности ценностей, для рассматриваемого нами вопроса о реализме или антиреализме Патнэма достаточно просто сформулировать основные идеи его концепции рациональности.

Если при рассмотрении теории истины Патнэма выявленное сходство эпистемических оснований внутреннего реализма и корреспондентной теории истины еще позволя-

ло с определенными оговорками признать в целом реалистический характер его позиции, то концепция рациональности значительно усиливает антиреалистическую направленность его взглядов. И хотя нельзя не признать, что Патнэм высказывает очень верные мысли о связи рациональности с ценностями, о ценностной нагруженности фактов и т.д., однако в его трактовке сознание имеет явно более доминирующую роль в создании мира, чем мир в своем влиянии на сознание. Конечно, в пользу реализма Патнэма может говорить тот факт, что он признает существование независимого от сознания "ноуменального" мира и приписывает ему определенную роль в создании "эмпирического мира". Однако нельзя упускать из виду, что понятие "ноуменального мира" играет очень незначительную роль в концепции Патнэма. Все понятия, которые обычно используются для выражения отношения между сознанием и миром (истина, объективность и т.д.) имеют для Патнэма значение только применительно к создаваемому сознанием эмпирическому миру; они являются "внутренними" и не касаются ноуменального мира. Все, что образует эмпирический мир (предметы, ценности, натуральные числа и т.д.), согласно Патнэму, реальны и объективны, но они реальны и объективны в особом смысле "объективности-для-нас", поскольку любая другая объективность просто недостижима для нас, существ с определенной биологической природой и определенной организацией сознания.

Любопытно отметить, что Патнэм постоянно подчеркивает близость своих идей взглядам М.Даммита и Н.Гудмена, однако Даммит квалифицирует свою позицию как "антиреализм", а номиналист Гудмен говорит о себе как о "нон-реалисте". Патнэм же настаивает на определении его позиции как реалистичной. Что же за этим стоит?

На наш взгляд, настаивание Патнэма на термине "реализм" имеет под собой следующие основания. Во-первых, для Патнэма существенно, чтобы философское объяснение

мира не противоречило базисным "интуициям", лежащим в основе как научного взгляда на мир, так и мировоззрения обычных людей. Одной из таких базисных "интуиций" является реализм. Мы действительно воспринимаем мир как существующий объективно и независимо от нас. Поэтому для Патнэма философия, не опирающаяся на реалистический "фундамент", не может быть удовлетворительным описанием мира и нашего места в нем. Во-вторых, и это составляет, на наш взгляд, существо позиции Патнэма, если мы вообще можем говорить о реализме, говорить с учетом современного уровня наших знаний и степени нашего философского осмысления проблем бытия, то этот реализм должен быть очищен от своих "метафизических" притязаний и должен касаться только того мира, который мы можем знать и который частично является нашим собственным творением. Если реализм возможен, то он возможен как "неметафизический", а все попытки судить о мире, как он есть сам по себе, независимо от нас, — это самообольщение разума, претендующего на позицию Бога и загоняющего нас в ловушки неразрешимых проблем. Кантианские мотивы здесь совершенно очевидны.

Даже если согласиться с Патнэмом в этом вопросе, не следует все-таки упускать из виду одно обстоятельство. Стремясь разрушить различные дихотомии, которые, по его мнению, сковывают мышление современных философов и обычных людей ("объективное/субъективное", "факт/ценность" и т.д.), Патнэм тем самым разрушает и само противопоставление между реализмом и антиреализмом, и поэтому его концепция должна неизбежно соединять в себе как реалистические, так и антиреалистические элементы.

К такому же выводу мы придем, если встанем на позицию философа, которого не страшит описанное Патнэмом "самообольщение разума" и который не считает нужным отказываться от идеи соответствия, даже сознавая, что ни-

когда не будет гарантии достижения этого соответствия. Для такого философа позиция Патнэма, безусловно, имеет сильную антиреалистическую направленность. Однако и этот философ не может не признать, что концепция Патнэма в силу своей внутренней несогласованности включает в себя и определенные реалистические элементы, которые наиболее заметны в критике Патнэмом релятивизма.

Таким образом, на вопрос, является ли "внутренний реалист" Патнэм реалистом или нет, нельзя дать однозначного ответа. И это составляет участь всех тех философов, которым, по ироничному замечанию Пассмора, характерно "канатоходство", то есть стремление избежать "метафизического реализма" и полного релятивизма и, балансируя между ними, найти средний путь.

Однако одно можно сказать со всей определенностью: новую гносеологическую позицию Патнэма уже нельзя охарактеризовать как "научный реализм". И здесь прав И.Хокинг, утверждающий, что эволюция философских взглядов Патнэма проявляется и в перемещении его основных интересов из области философии науки в сферу более общих философских проблем, и поэтому его "реализм" утрачивает свою исключительную ориентацию на науку.

Итак, новый этап в творчестве Патнэма (начало которого можно условно отнести к 1976 г.) связан с серьезным пересмотром им своего понимания реализма. Реализм перестает быть для него в некотором смысле "монолитной" позицией. Патнэм стремится отмежеваться от "метафизического реализма", в основе которого лежит корреспондентная теория истины и который, по мнению Патнэма, повинен в создании неразрешимых философских проблем. Свой новый взгляд на реализм Патнэм формулирует в виде концепции внутреннего реализма, которая призвана преодолеть противопоставление объективной и субъективной трактовок истины и освободить референцию и истину от их таинственности и непостижимости.

Хотя на этом этапе выполнение негативной задачи (критики метафизического реализма и релятивизма) играет преобладающую роль, Патнэм закладывает фундамент своего нового видения проблемы реализма. Теперь реализм для него связан не просто с признанием существования объективного и независимого от сознания мира. В картину, изображающую отношение между сознанием и миром, вносится акцент на активную роль сознания, вырабатывающего различные концептуализации мира и тем самым участвующего в создании мира.

Сделав шаг к такой трактовке реализма, Патнэм подготовил и следующий шаг в этом направлении – к рассмотрению конструирования эмпирического мира человеческим сознанием. В результате проблема сознания перемещается в центр размышлений Патнэма о реализме. И хотя философия сознания всегда составляла важное направление в творчестве Патнэма, теперь она оказывается для него напрямую связанной с проблемой реализма. О том, как произошел этот сдвиг в проблемном поле размышлений Патнэма о реализме, речь пойдет в следующей главе.

¹ *Putnam H. Reason, Truth and History. P. IX.*

² Следует отметить, что используемые Патнэмом термины "интернализм" и "экстернализм" не имеют никакого отношения к устоявшемуся употреблению этих терминов в философии науки, где они обозначают две разные позиции в вопросе о факторах, определяющих развитие науки.

³ *Putnam H. Reason, Truth and History. P. 49.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid. P. 54.*

⁶ *Ibid. P. 57.*

⁷ Хотя принято считать, что термины "корреспондентная теория истины" и "классическая теория истины" не тождественны, поскольку последняя представляет собой лишь один из вариантов корреспондентной теории, для целей нашего рассмотрения это различие не существенно.

- ⁸ *Поннер К.* Факты, нормы и истина: дальнейшая критика релятивизма // *Поннер К.* Логика и рост научного знания: Избр. работы. М., 1983. С. 386.
- ⁹ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 49.
- ¹⁰ Ibid. P. 52.
- ¹¹ Ibid. P. 49-50.
- ¹² Ibid. P. X.
- ¹³ Ibid. P. 50.
- ¹⁴ Ibid. P. XI.
- ¹⁵ *Карнап Р.* Эмпиризм, семантика и онтология // *Карнап Р.* Значение и необходимость. М., 1959. С. 301.
- ¹⁶ Там же. С. 311.
- ¹⁷ *Чудинов Э.М.* Природа научной истины. М., 1977. С. 269.
- ¹⁸ Там же. С. 23.
- ¹⁹ *Шлик М.* О фундаменте познания // Проблема метода в современной буржуазной философии. М., 1986. С. 140.
- ²⁰ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 54.
- ²¹ Ibid. P. 17.
- ²² Ibid. P. 16-17.
- ²³ Ibid. P. 5.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid. P. 18.
- ²⁶ Ibid. P. 11.
- ²⁷ См., например: *Wilson M.* Predicate meets Property // *Philos. Review.* 1982. Vol. 1. № 4. P. 9-589; *McIntyre J.* Putnam's Brains // *Analysis.* 1984. Vol. 44. № 2. P. 59-61; *Brueckner A.L.* Brains in a Vat // *Journal of Philosophy.* 1986. Vol. 83. № 3. P. 148-167 и др.
- ²⁸ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 52.
- ²⁹ Ibid. P. 50.
- ³⁰ Ibid. P. 51.
- ³¹ Ibid. P. 53.
- ³² Ibid. P. 54.
- ³³ *Putnam H.* Reference and Understanding // *Meaning and Use.* Dordrecht, 1979. P. 199.
- ³⁴ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 29.
- ³⁵ Ibid. P. 32-33.
- ³⁶ Ibid. P. 33.
- ³⁷ *Lewis D.* Putnam's Paradox // *Australasian Journal of Philosophy.* 1984. Vol. 62. № 3. P. 221.

- ¹⁸ *Новиков П.С.* Элементы математической логики. М., 1973. С. 182.
- ¹⁹ *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago, 1987. P. 235.
- ⁴⁰ Ibid. P. 230.
- ⁴¹ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 35.
- ⁴² Ibid. P. 47.
- ⁴³ *Порус В.Н.* Спор об истине ("научный реализм" против инструментализма) // Проблема истины в современной западной философии науки. М., 1987. С. 8.
- ⁴⁴ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 54.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid. P. X.
- ⁴⁷ Ibid. P. 104.
- ⁴⁸ Ibid. P. 55.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid. P. 56.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid. P. 120.
- ⁵³ Ibid. P. 122.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Здесь Патнэм использует термин Н.Гудмена, который рассматривал истину и рациональную приемлемость как разновидность более общего свойства "правильности", применимого как к утверждениям, так и к произведениям искусства"
- ⁵⁶ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 124.
- ⁵⁷ Ibid. P. 116.
- ⁵⁸ Ibid. P. 117.
- ⁵⁹ Ibid. P. 119.
- ⁶⁰ *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. P. 263.
- ⁶¹ *Putnam H.* Reason, Truth and History. P. 215.
- ⁶² Ibid. P. 211.
- ⁶³ Ibid. P. XI.

Глава III

"Естественный реализм" Х.Патнэма и проблема восприятия

1. "Реализм с человеческим лицом"

В этой заключительной главе мы очень кратко расскажем о третьем периоде в творчестве Патнэма, начало которого, видимо, следует отнести к 1993-1994 годам. Выступая с Дьюевскими лекциями в марте 1994 года, Патнэм выдвигает концепцию реализма, кардинально отличающуюся от его прежних позиций. Однако прежде уместно сказать несколько слов о том, что этому предшествовало.

В течение десятилетия после выхода книги "Разум, истина и история" Патнэм главным образом занимался дальнейшей разработкой и защитой своей концепции внутреннего реализма. Он отвечал на критику, разъяснял, уточнял и переформулировал основные положения своей концепции¹, находил все новые аргументы в ее поддержку. В это время вышли четыре его новых книги "Многоликость реализма" (1987), "Репрезентация и реальность" (1989), "Реализм с человеческим лицом" (1990) и "Обновление философии" (1992). Вместе с тем в это время в философских воззрениях Патнэма наметились важные изменения, которые во многом обусловили новый "поворот" в его понимании проблемы реализма.

Во-первых, Патнэм все в большей степени осознает глобальный характер проблемы реализма, которая вырастает в его

глазах в "одну гигантскую антиномию разума". Метафизический реализм, в котором изначально заложено стремление дать описание "с позиции Бога" и который, согласно Патнэму, является господствующей философской позицией в современной аналитической философии, становится ответственным за множество неразрешимых проблем, парадоксов, дилемм в самых разнообразных областях знания.

В качестве примера можно упомянуть объяснение Патнэмом причины возникновения семантических антиномий и, в частности, парадокса лжеца. Как известно, анализ предпосылок, на которых основан этот парадокс, привел Тарского к отказу от использования "семантически замкнутых языков" (то есть языков, содержащих предикат "истинный", применяемый к их собственным предложениям) и к разработке идеи "метаязыка". По мнению Патнэма, главным в решении Тарского является осознание того, что не существует универсального и единого понятия истины, применимого ко всем языкам. Не случайно поэтому Тарский строит иерархию языков, в которой каждый последующий язык является метаязыком по отношению к предыдущему. Согласно Патнэму, это решение несет в себе сильный элемент парадоксальности. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно задаться вопросом: на каком языке мы формулируем утверждение о существовании иерархии языков и делаем обобщения типа "Каждый язык L имеет метаязык ML "? Конечно, отмечает Патнэм, если *вы* строите иерархию языков, а *я* делаю обобщения обо всей иерархии, но высказываю их на языке, который не принадлежит к этой иерархии, то никакого парадокса не возникает. Однако парадокса невозможно избежать, если мы попытаемся построить иерархию всех возможных языков, включая и язык, на котором делаются утверждения обо всей иерархии. Это означает, что, как в квантовой механике существует разрыв между наблюдателем и системой, над которой производятся наблюдения, так и в логической се-

мантике существует разрыв между языком наблюдателя и совокупностью языков, о которых наблюдатель делает обобщения. И в том, и в другом случае парадокс возникает лишь тогда, когда мы пытаемся (пусть в идеале) занять позицию, с которой мы могли бы «обозревать наблюдателей, как если бы ими были не мы сами, как если бы мы были, так сказать, вне нашей собственной "оболочки"»².

Это объяснение Патнэмом причин возникновения семантических парадоксов, по существу, воспроизводит объяснения, данные Тарским и К.Гёделем. Отличие составляет лишь убеждение Патнэма в том, что виной всему является метафизический реализм, прочно укрепившийся в сознании аналитических философов. Поэтому мы избежим парадоксальности в наших теориях, если перестанем быть метафизическими реалистами и если откажемся от своих "парадоксальных" идеалов (в частности, от стремления дать описание мира, не предполагающее никакого наблюдателя и представляющее собой, говоря словами Т.Нагеля, "вид из ниоткуда"). Безусловно, это один из возможных способов объяснения семантических антиномий, однако, отказываясь от своих "парадоксальных" и недостижимых идеалов, мы не должны забывать, что само по себе стремление выйти за "пределы" собственной позиции схватывает важный момент в нашем понимании объективности. Этот момент был отмечен современным американским философом Т.Нагелем, который связал возможность объективного взгляда на мир с нашей способностью "делать шаг в сторону от нашей первоначальной позиции и формулировать новое представление, которое в качестве объекта имеет нашу первоначальную позицию и ее отношение к миру"³.

Другой важной тенденцией в эволюции взглядов Патнэма в 80-е годы было усиление "гуманистической" направленности его реализма, выразившееся в требовании "реализма с человеческим лицом". Уже в книге "Разум, истина и история" Патнэм говорит о "мире-для-нас" и "объек-

тивности-для-нас", подчеркивая их соотнесенность с человеком, однако теперь в истолковании этих идей появляется совершенно новый мотив.

Указанная тенденция выразилась в том, что Патнэм заменяет свою прежнюю антитезу "метафизический реализм/внутренний реализм" противопоставлением "Реализма с большой буквы", под которым он имеет в виду господствующий в современной аналитической философии метафизический образ мира, и "реализма с маленькой буквы", который выражает представление о мире с точки зрения здравого смысла. Между этими двумя позициями имеет место очень резкое расхождение, поскольку хотя Реалист претендует на то, чтобы обосновать веру обычных людей в реальность внешнего мира и в возможность объективного знания и защитить ее от философского скептицизма, он практически отвергает все то, что как раз и составляет существо этой веры, и поэтому в его метафизической картине мира не остается места для здравого смысла и нет надежного заслона от скептицизма и релятивизма. Требование "реализма с человеческим лицом" означает, таким образом, отказ от непомерных претензий "Реализма с большой буквы" и возврат к "реализму с маленькой буквы".

Разъясняя свое новое понимание реализма (т.е. "реализма с маленькой буквы"), Патнэм ссылается на слова Витгенштейна о том, что «деревья и стулья ... это образцы того, что мы называем "реальным"»⁴. Поэтому тот факт, что «стул голубого цвета, является в парадигмальном смысле "реальностью"»⁵. Но считать ли в таком случае реальными те сущности и объекты, которые постулируют научные теории и которые являются недоступными чувственному восприятию (элементарные частицы, поля и т.д.)? Отвечая на этот вопрос, Патнэм обращается к дискуссии между У.Куайном, С.Крипке и Д.Льюисом по вопросу о том, тождественны ли воспринимаемые нами предметы окружающего мира ("деревья и стулья") той пространственно-вре-

менной области, которую они занимают, и тем разного рода полям (электромагнитным и т.д.), которые их образуют. Разбирая различия в позициях этих философов, Патнэм делает "неожиданный" вывод: вопрос о том, тождественны ли *в реальности* стулья и деревья занимаемой ими пространственно-временной области и образующим их полям, является бессмысленным, поскольку считать их тождественными или нет — это вопрос конвенции. Правда, Патнэм сразу добавляет, что конвенцию не следует понимать в абсолютном смысле как истину по определению, полностью независимую от фактов, поскольку "что является фактическим", а "что — конвенциональным" — это вопрос степени. Даже наши зрительные восприятия зависят от имеющейся концептуальной схемы в целом, от используемого языка. «Элементы того, что мы называем "языком" и "сознанием", проникают так глубоко в то, что мы называем "реальностью", что попытка представить нас как тех, кто отображает что-то независимое от языка, безнадежно скомпрометирована с самого начала»⁶.

Приведенное рассуждение Патнэма свидетельствует по крайней мере о двух вещах. Во-первых, оно показывает, насколько теперь Патнэм далек от своей прежней научно-реалистической позиции. По существу он формулирует явную антиреалистическую точку зрения в отношении объектов, постулируемых научными теориями. Во-вторых, на наш взгляд, это рассуждение содержит в себе довольно эклектичное соединение двух несовместимых концепций. С одной стороны, характеризуя объекты нашего чувственного опыта как то, что и составляет "реальность", Патнэм очевидным образом встает на точку зрения "непосредственного реализма". С другой стороны, рассуждая в прежнем духе о зависимости реальности от языка и сознания, он выражает (хотя и в очень нечетком виде) позицию, которая лучше укладывается в схему объяснения, характерную для "опосредованного реализма"⁷. Обозначившееся трение между

новым аспектом в понимании Патнэмом реальности и его прежними воззрениями на отношение между языком и миром не могло, на наш взгляд, не повлечь за собой определенного пересмотра концепции реализма в целом.

И, наконец, третьим фактором, сыгравшим существенную роль в выработке Патнэмом "нового" решения проблемы реализма, является кардинальное изменение им своей позиции в философии сознания. Вопрос об отношении между сознанием и мозгом всегда составлял важный предмет исследования для Патнэма. В начале 60-х годов он предложил, параллельно с несколькими другими философами, новый подход к решению психофизической проблемы, который получил название "функционализма". В течение длительного времени Патнэм отстаивал эту позицию, однако в 80-е годы он уже основное внимание уделял ее критическому анализу, завершившемуся в начале 90-х годов полным отказом от нее.

Функционализм представляет собой вариант так называемой теории тождества (*identity theory*), которая в настоящее время является преобладающей методологией в философии сознания и когнитивной науке и согласно которой наши ощущения и восприятия тождественны определенным состояниям мозга. В отличие от физикалистского варианта теории тождества функционализм отождествляет ментальные состояния не с физическими состояниями мозга, а с его "функциональными" состояниями. При таком подходе мозг понимается как очень сложная система, которая помимо физических свойств обладает свойствами более высокого уровня — так называемыми функциональными свойствами. Функционализм предполагает прямую аналогию между мозгом и "цифровым компьютером": «наша психология должна быть описана как программное обеспечение этого компьютера — как его "функциональная организация"»⁸. Главная особенность функционализма состоит в том, что он «определяет ментальные состояния и

процессы через их каузальные и функциональные отношения друг к другу, к перцептуальным "входным данным", поступающим из внешнего мира, и к поведенческим "выходным данным", выражаемым в действии»⁹.

В статье "Мозг и машины" ("Mind and Machines", 1960), где Патнэм формулирует новый функциональный подход к проблеме сознания, он предлагает использовать для описания функциональных состояний мозга формализмы теории машин Тьюринга. Машину Тьюринга можно охарактеризовать как множество инструкций для выполнения множества простых операций над цепочками символов, которые образуют "входные данные" машины. Эти инструкции группируются в "машинные состояния", каждое из которых, будучи конечным множеством, управляется некоторой главной инструкцией, переключающей состояния и определяющей их последовательность в соответствии с "входными данными". Важно подчеркнуть, что одна и та же машина Тьюринга может быть реализована в разных физических системах (изготовленных из разных материалов, с разными структурными свойствами и т.д.).

Однако очень скоро обнаружилось, что формальные свойства таким образом описанных "машинных состояний" сильно отличаются от формальных свойств ментальных состояний. Патнэм попытался дать новую формулировку функционализма в виде "идеальной психологической теории"¹⁰, которая опиралась на использование формальных средств теории вычислений. Но как было установлено впоследствии, этот вариант функционализма тоже оказался неудовлетворительным¹¹. Однако в книге "Разум, истина и история" Патнэм все еще заявляет о своей приверженности функционализму, хотя и признает невозможность функционального объяснения качественного характера наших восприятий и ощущений.

Дело в том, что когда мы видим определенный оттенок голубого или красного цвета, когда мы вдыхаем запах розы

или пробуем мороженое, наш опыт имеет качественную специфику, благодаря которой каждое наше ощущение является ощущением особого рода. Эти субъективные качественные характеристики нашего опыта были обобщены в понятии "феноменологических качеств" или *qualia*. Наиболее важной особенностью *qualia* является то, что мы знаем их непосредственно, что они "существенным образом связаны с отдельно взятой точкой зрения"¹². Поскольку функционализм стремится дать объективное описание сознания (то есть "открытое" множеству точек зрения), то он неизбежно исключает из рассмотрения качественный характер нашего опыта. Поэтому *qualia* являются главным аргументом против функционализма.

Хорошо понимая, что *qualia* представляют реальную трудность для функционализма, Патнэм отмечает, что «когда думаешь об относительно абстрактных чистых психологических состояниях, например, о том, что мы назвали "заключенным в скобки" убеждением, то есть о мысли, взятой только в ее "понятийном" содержании, или о таких диффузных эмоциональных состояниях, как ревность или сердитость, то отождествление их с функциональными состояниями всей системы представляется очень правдоподобным; но когда думаешь о ... восприятии определенного оттенка голубого, отождествление оказывается невозможным»¹³. Однако последующие исследования Патнэма показали, что даже "ограниченные" надежды на функционализм были напрасны. Его книга "Репрезентация и реальность" главным образом посвящена обоснованию невозможности отождествления наших пропозициональных установок (выражаемых глаголами "считать", "верить" и т.д.) и интенционального характера наших мыслей с определенными функционально описанными состояниями мозга. Не только *qualia*, но и мысль, взятую в ее "понятийном" содержании, оказалось невозможным объяснить в функциональных терминах.

"Крах" функционального подхода к проблеме сознания заставил Патнэма задуматься над теми общими допущениями, которые лежали в основе этого подхода, и поставил перед ним задачу поиска иной "парадигмы" для исследования отношения между сознанием и мозгом. Эти поиски, вплетенные в контекст его размышлений о реализме, изменили как его представление о самом реализме, так и понимание им проблемы сознания.

2. Новый подход к проблеме восприятия

Как мы уже отмечали, в 1994 году Патнэм прочитал цикл Дьюевских лекций в Колумбийском университете, в которых он перенес рассмотрение реализма в ту плоскость, в какой этот вопрос обсуждался в начале века У.Джемсом, американскими неореалистами, Дж.Муром, Б.Расселом и др. Теперь в центре его размышлений о реализме оказалась проблема восприятия.

Патнэм отмечает, что после 30-х годов, когда возобладало определенное представление о природе ментального (которое он называет "картезианским" и о котором речь пойдет дальше), проблема восприятия перестала быть "темой" для философов. И даже уничтожающая критика этого господствующего представления Дж.Остиным (в его посмертно изданной книге "Sense and Sensibilia")¹⁴ была оставлена без должного внимания со стороны современных философов.

Не случайно поэтому, считает Патнэм, проблема реализма "всплыла" в другой области, а именно, в философии языка. Однако и в своей "лингвистической" формулировке эта проблема имеет непосредственное отношение к тому, как трактовать восприятие человеком окружающего мира. Согласно Патнэму, сам факт, что отношение между языком и реальностью стало проблемой, является следствием определенного понимания восприятия. Мы не видели бы ника-

кой проблемы в том, как "язык прицепляется к миру", благодаря чему мы способны говорить о домах, деревьях, королях и капусте, если бы мы изначально не воспринимали как "безнадежно наивное" и "пустое" то простое соображение, что "мы все время *видим* эти вещи"¹⁵.

Поэтому любая серьезная постановка проблемы реализма должна иметь в качестве отправного пункта анализ наших представлений о восприятии. Патнэм приписывает создание господствующей сейчас философии восприятия (и в целом философии сознания) Декарту и потому называет ее картезианским взглядом на природу ментального. Этот картезианский подход возобладал в западной философии в XVII веке, придя на смену аристотелевской теории восприятия, содержащей сильные элементы непосредственного реализма¹⁶.

Кратко напомним, что, согласно Аристотелю, восприятие — это изменение, производимое воспринимаемым телом в душе воспринимающего человека через посредство его тела. Человек воспринимает не материю предмета, а его форму, подобно тому, как воск воспроизводит форму отпечатывающегося в нем перстня. Душа человека, испытывая воздействие внешнего предмета, "уподобляется ощущаемому и становится такой же, как и оно"¹⁷. Однако аристотелевское понимание восприятия имело неприятные последствия. Если формой бронзовой сферы является сферичность, то в каком смысле душа уподобляется воспринимаемой ею сфере? Становится ли она сферичной? Или холодной? Или твердой?

Размышления над этими вопросами привели философов к отказу от аристотелевской теории и замене ее представлением, согласно которому чувственно воспринимаемые нами свойства вещей являются не их подлинными свойствами, а свойствами того, что происходит внутри нас, то есть свойствами наших ощущений. Формированию этого представления во многом способствовала, считает

Патнэм, происходящая в XVII веке "математизация природы". Природа стала восприниматься как область, где господствует математический закон и где все должно быть описано с помощью математических формул, поскольку только математическое описание дает "реальную" картину мира. Все то, что не поддается математическому описанию (а сюда относится богатый разнообразными качествами мир чувственного восприятия), было вынесено за сферу "реального".

Согласно Патнэму, существо картезианского взгляда на природу ментального составляет трактовка нашего опыта как принадлежащего исключительно сфере сознания, сфере, которая находится внутри нас и которая имеет нефизическую природу. Эта трактовка подкрепляется каузальной теорией восприятия, согласно которой объекты внешнего мира, воздействуя на наши органы чувств, причинно вызывают цепочку событий, ведущую к возникновению "ментальных образов" в нашем сознании. В материалистической версии этой теории ментальные образы или репрезентации трактуются как следствия событий или процессов в нашем мозге.

Таким образом, ключевым допущением "картезианской" философии сознания является предположение о существовании некоторой области контакта или взаимодействия между нашими когнитивными способностями и объектами внешнего мира, области, которая представлена "чувственными данными", "ощущениями", "опытом", "внутренними переживаниями", "ментальными репрезентациями" и т.д. Следует отметить, что идея этой области взаимодействия позволила материалистически настроенным философам сохранить реализм и в отношении чувственно воспринимаемых вещей, правда, в его "опосредованном" варианте. Согласно этому варианту, мы воспринимаем внешние вещи не напрямую, а опосредованно, получая восприятия, причинно вызванные ими. Благодаря

этому объяснению даже вторичные качества обрели некоторый производный характер реальности: если они и не являются подлинными свойствами вещей, то существуют как диспозиции, определенным образом воздействующие на наш мозг через органы чувств.

Патнэм убежден, что путь к решению проблемы реализма лежит через развенчание этого господствующего картезианского представления о восприятии. В своей критике он следует идеям Дж.Остина, который в книге "Sense and Sensibilia" (1962)¹⁸ предложил, согласно Патнэму, "наиболее мощную защиту" непосредственного реализма в истории философии¹⁹. Однако многие восприняли критику Остина как направленную исключительно против теории "чувственных данных". В результате философы, считает Патнэм, прекратили говорить о "чувственных данных" и стали употреблять термин "опыт". Стать непосредственным реалистом "оказалось" делом несложным: для этого потребовалось лишь вместо фразы "Мы воспринимаем зрительные впечатления" говорить: "Мы имеем зрительные впечатления". Эта словесная уловка, по мнению Патнэма, никоим образом не устранила проблемы и не изменила кардинальным образом общего представления о восприятии. И хотя теория "чувственных данных" после критики Остина считается полностью дискредитировавшей себя, допущения, лежащие в ее основе, сохраняют, согласно Патнэму, свое значение в современной философии сознания и когнитивной науке, а потому требуют критического анализа и замены.

Главное обвинение Патнэма направлено против неспособности картезианской философии сознания, в течение трех веков "кутающейся в мантию науки", предложить, помимо пустого разговора о "концептуальной структуре сознания", хоть какое-нибудь мало-мальски приемлемое решение для тех проблем, которые ею же и были сформулированы. Достижения современной философии сознания

(равно как и когнитивной науки) в лице ее доминирующего направления – теории тождества, ничем не выше в этом отношении, чем достижения теории чувственных данных. По существу критические аргументы Патнэма против теории тождества (включая и вариант функционализма) подводят итог его размышлениям над психофизической проблемой. Они объясняют, почему он счел нужным отказаться от этой теории и начать поиск иного подхода.

Как и теория чувственных данных, теория тождества не может предложить никакого механизма, объясняющего порождение ментальных репрезентаций событиями или процессами в мозге²⁰. Не способна она объяснить и то, как мы непосредственно наблюдаем и осознаем постулируемые ею ментальные сущности. Из всех предложенных на сегодняшний день решений ни одно нельзя считать приемлемым, поскольку эти решения гипостазируют очень таинственные процессы в мозге и не допускают никакой проверки. Патнэм разбирает предложенную американским философом Дж.Фодором гипотезу о "модульности сознания"²¹ и выдвинутое в когнитивной науке предположение об особом нейроне, в котором сообщения из различных участков коры головного мозга (зрительного, слухового и т.д.) преобразуются в qualia²², и делает вывод, что все эти построения в теории тождества несколько не продвигают нас в объяснении того, каким образом человек осознает свои восприятия, ощущения и т.д.

Однако наиболее серьезную проблему для теории тождества, согласно Патнэму, составляет само понимание тождества ментальных сущностей и процессов в мозге. Патнэм анализирует применимость двух наиболее известных современных трактовок понятия тождества к случаю отношения между сознанием и мозгом. Первая трактовка²³ предполагает отождествление понятий, принадлежащих к разным научным теориям, на основе редуцирования одной теории к другой. Это редуцирование означает выведение

приблизительной истинности законов редуцируемой теории из законов теории, к которой производится редуцирование, с помощью некоторой системы соответствий.

Применение рассматриваемого понятия тождества к случаю отношения между сознанием и мозгом сразу наталкивается на большие трудности. Во-первых, непонятно, что считать редуцируемой теорией, поскольку самое большее, чем мы в данном случае располагаем, считает Патнэм, – это наши повседневные представления о том, что значит видеть, слышать, воображать и т.д. Во-вторых, большие трудности представляет и выбор теории, к которой должно быть произведено редуцирование. Как показали исследования многих авторов, в том числе и самого Патнэма, все попытки редуцировать психологические понятия к терминам теории вычислительных машин и систем, физике и химии мозга потерпели неудачу, и в настоящий момент ни у кого нет ни малейшего представления о том, как это можно было бы сделать. Поэтому, заключает Патнэм, в контексте отношения между сознанием и мозгом «понятия "редукции теории" и "теоретического отождествления" лишены какого-либо реального содержания»²⁴.

Не разрешает рассматриваемой трудности и трактовка тождества, предложенная Р.Дэвидсоном. Вместо теоретического тождества, которое устанавливается между типами событий (*type-type identity*), Дэвидсон формулирует тождество индивидуальных событий (*token identity*), которое предполагает отождествление каждого индивидуального ментального события с некоторым индивидуальным физическим событием в мозге на основе совпадения причин и следствий этих событий. Однако, как убедительно показал Куайн, для того, чтобы установить тождественность следствий некоторого ментального события (например, ощущения голубого) и некоторого события в мозге (возбуждение группы нейронов), мы должны уже заранее знать, тождественны друг другу сами эти события или нет. Это

означает, что предложенный Дэвидсоном критерий для установления тождественности индивидуальных событий содержит в себе порочный круг.

Безусловно, критика Патнэмом теории тождества фиксирует действительные трудности и выявляет самые "болевые" точки в этой теории. Патнэм не одинок в своей характеристике современного состояния философии сознания и когнитивной науки как "тупикового". Многие осознают, что существующая методология решения проблемы сознания уже исчерпала свои возможности, так и не предложив адекватных решений, поэтому необходим принципиально новый взгляд на отношения между сознанием и мозгом. Однако правильность поставленного Патнэмом диагноза (ошибочное представление о восприятии) будет подтверждена лишь тем, насколько успешным окажется предлагаемый им путь для выведения философии сознания и когнитивной науки из кризиса.

Выход из кризисной ситуации Патнэм видит в том, чтобы осознать возможность возвращения, после трех столетий господства картезианской философии сознания и одного столетия существования науки о мозге, к "аристотелевскому реализму без аристотелевской метафизики". Патнэм предпочитает не употреблять термин "непосредственный реализм", считая его дискредитированным современным употреблением, и называет свою новую позицию "естественным реализмом", позаимствовав этот термин у У.Джемса.

К сожалению, в своих лекциях Патнэм не дает развернутой характеристики естественного реализма и тем более не формулирует новой методологии для исследования проблемы сознания. Он лишь отмечает, что предлагаемый им выход "требует осознания того, что чувственный опыт — это не пассивное реагирование объекта, называемого сознанием, а (по большей части) переживание в опыте различных аспектов мира живым существом"²⁵. Поэтому разговор

о сознании должен быть разговором не о нашей нематериальной части, а об определенных способностях, которыми мы обладаем и которые вытекают из деятельности нашего мозга и из всех разнообразных взаимодействий нашего организма с окружающим миром, но которые нельзя объяснить в терминах физики мозга или теории вычислительных машин. Естественный реализм не означает отрицания феномена сознания или субъективного опыта со всем его качественным богатством и разнообразием; он лишь отказывается трактовать этот опыт как простое "возбуждение" субъективности человека объектами внешнего мира.

С высоты своей новой позиции Патнэм бросает взгляд назад – на пройденный им путь, который он теперь характеризует как "долгое путешествие от реализма обратно к реализму"²⁶. Он признает, что его концепция внутреннего реализма была неудовлетворительным решением, поскольку она так же, как метафизический реализм, опиралась на картезианское представление о восприятии. Более того, представляя собой вариант "умеренного верификационизма", эта концепция имела определенную антиреалистическую (или, иными словами, идеалистическую) направленность, проявившуюся в признании частичной зависимости мира от сознания и языка. Теперь Патнэм убежден, что проблему реализма нельзя решить простым "склеиванием" элементов метафизического реализма (господствующего в западной философии с XVII века) и элементов идеалистической картины. Единственный путь – это осознать, что и метафизический реализм, и идеализм, являясь "зеркальными отображениями" друг друга, опираются на одно и то же представление о природе ментального и потому воспринимаются как единственные альтернативы друг другу. Поэтому, только изменив взгляд на восприятие и сознание в целом, считает Патнэм, можно решить проблему реализма.

Как мы уже видели, новое понимание восприятия, предлагаемое Патнэмом, состоит в отказе от его трактовки

как некоторого "посредника" между человеком и окружающим миром. Какие же следствия этот измененный взгляд на восприятие имеет для решения проблемы реализма и прежде всего для понимания референции и истины? Согласно Патнэму, картезианская теория восприятия не оставляла иной возможности объяснить референцию языковых выражений как каузальным взаимодействием человека с внешними объектами, обозначенными этими выражениями. Однако учитывая, что значения в этой теории истолковывались как "ментальные образы", локализованные исключительно внутри сознания, каузальное объяснение референции оказывалось задачей столь безнадежной, что оно не раз толкало философов к принятию той или иной версии идеализма. Этому в еще большей степени способствовало и истолкование истины как некоторого выделенного мистического отношения "соответствия".

Естественный реализм, согласно Патнэму, позволяет совсем иначе взглянуть на эти проблемы. Новое понимание истины и референции, хорошо согласующееся с "непосредственно-реалистической" трактовкой восприятия, Патнэм находит в трудах позднего Витгенштейна. Любопытно, что патнэмовское реалистическое "прочтение" Витгенштейна принципиально расходится с распространенным среди аналитических философов мнением об авторе "Философских исследований" как "отце современного антиреализма"²⁷. В задачи нашего исследования не входит рассмотрение, кто прав в этом споре, однако сам факт такого резкого разногласия заставляет коснуться вопроса о том, каковы же критерии "*Патнэма 1994 года*" для отнесения той или иной позиции к реализму или антиреализму в вопросе истины. Определенное разъяснение в этом вопросе мы получим, если рассмотрим, как и в связи с чем изменилось отношение Патнэма к своим прежним единомышленникам и противникам.

Во-первых, если раньше Патнэм находил свою пози-

цию достаточно близкой точке зрения Даммита, то сейчас он выступает с резкой критикой даммитовского радикального верификационизма. Патнэма не устраивает прежде всего то, как Даммит трактует понимание предложений языка. С точки зрения Даммита, понимать предложение значит быть способным признать, является ли это предложение верифицированным. Однако свойство "быть верифицированным" таково, что его могут быть лишены и некоторое предложение, и его отрицание. Но если понимание не требует от говорящего знания некоторого свойства, которым должно обладать или само предложение, или его отрицание, то понятие истины становится "излишней метафизической абстракцией" (что и имеет место в теории Даммита), но именно от этой "абстракции" Патнэм и не желает отказываться, считая ее необходимым условием реалистической позиции.

Что касается метафизического реалиста, то хотя он по-прежнему остается для Патнэма философом, одержимым метафизической фантазией о раз и навсегда установленной совокупности "объектов", "форм", "универсалий", "свойств", которая предопределяет структуру всех возможных мыслей и все возможные значения слов, тем не менее обнаруживаются некоторые пункты для их обоюдного согласия. Так, Патнэм вместе с метафизическим реалистом признает, что мир таков, как он есть независимо от нас и наших описаний, и поэтому мы несем определенную "когнитивную ответственность" перед ним и в своих описаниях не можем не отдавать должного тому, что мы описываем. Согласен Патнэм с метафизическим реалистом и в том, что все предложения (за исключением неопределенно сформулированных) обладают значением истинности независимо от того, можем мы их верифицировать или нет. Именно это и составляет для Патнэма важный критерий реализма; именно в этом он согласен с метафизическим реалистом и резко расходится с антиреалистом Даммитом.

Однако Патнэм и метафизический реалист дают принципиально разные толкования того свойства, которым обладают все истинные предложения. Патнэм видит залог сохранения реализма в принятии принципа Тарского, согласно которому сказать, что предложение истинно, эквивалентно утверждению этого предложения. Для метафизического реалиста отождествление истины с ассерторической силой предложения является неприемлемым, поскольку, с его точки зрения, все истинные предложения обладают существенным свойством, которого лишены ложные предложения, а именно – свойством соответствия реальности. Однако, считает Патнэм, постулирование этого свойства заставляет метафизического реалиста предположить, что есть нечто в наших словах, когда мы говорим о некотором предложении, что оно истинно, сверх того, что мы говорим, когда просто высказываем это предложение, т.е. есть нечто выходящее за пределы содержания утверждения, благодаря чему предложение является истинным. Но так ли уж необходимо реалисту постулировать таинственное свойство, которое как невидимая основа "подпирает" наши способы мышления и говорения?

Согласно Патнэму, отказ от этого мистического свойства и принятие принципа Тарского, согласно которому сказать, что предложение истинно, эквивалентно утверждению этого предложения, не толкает нас в антиреализм, не заставляет нас делать вывод, что истина – это "излишняя метафизическая абстракция", а наши предложения – не более чем синтаксические объекты (цепочки знаков или звуков), к которым мы научаемся "присоединять" интерпретацию, знакомясь с условиями их верификации. Мы не поставлены перед вынужденным выбором между этими двумя альтернативами, поскольку существует "третье" решение, которое, не постулируя никакого мистического свойства истинных предложений, тем не менее сохраняет реализм и которое, согласно Патнэму, было предложено Витгенштейном.

Для того, чтобы разъяснить, что он имеет в виду, Пат-нэм обращается к рассуждениям Витгенштейна о необходимости, присущей различным практикам счета и вычислений. На первый взгляд может показаться, что, объясняя математическую необходимость, мы должны или признать, что есть нечто помимо наших практик вычисления и дедукции, что лежит в основе этих практик и гарантирует их результат, или же мы должны сделать вывод, что нет ничего помимо того, что мы говорим и делаем, а потому необходимость, воспринимаемая нами в этих практиках, – просто иллюзия. В основе и того, и другого объяснения лежит одна общая картина математической необходимости: должно быть нечто, вынуждающее нас, – необходимость, которую отражают наши правила и которая является внешней по отношению к нашим практикам и способам мышления, только в одном случае ее принимают, а в другом – объявляют иллюзией. Однако, считает Витгенштейн, ошибочно полагать, что эта дилемма является неизбежной. Нам не нужно допускать никакой внешней необходимости, помимо той, что присутствует в самих наших практиках счета и вычисления. Для понимания этого положения очень важна идея Витгенштейна о том, что мы можем "видеть лицо" одной деятельности в другой (как мы *видим* изображение человеческого лица в различных конфигурациях линий и точек). Одна деятельность может *показывать* себя в другой благодаря тому, что все виды человеческой деятельности тесно увязаны друг с другом, образуя сложную и разветвленную систему. Поэтому и мышление – это не отдельно стоящая деятельность, не поддерживаемая никакими другими видами деятельности. Оно вплетено в сложную систему практик как лингвистических, так и нелингвистических. Обоснованием этой идеи является известное рассуждение Витгенштейна о "следовании правилу".

Благодаря этому характеру наших практик значение лингвистических выражений также является тем, что *показы-*

вает себя в наших словах и предложениях. Когда мы слышим или читаем слова и предложения, мы не воспринимаем их как простые "звуки и знаки", в которые должно быть "считано" значение, находящееся вне их и присутствующее в нашем сознании как некая "ментальная сущность". Мы воспринимаем значение в самих словах и предложениях, но это не значит, что значение присуще им от природы. Наши слова и предложения обладают значением, потому что имеет место определенная "техника употребления", благодаря которой значение *показывает свое лицо* в них.

С точки зрения Патнэма, по аналогии с математической необходимостью следует заключить, что и истина не является отдельно стоящим свойством — мистическим свойством "соответствия" реальности, гарантирующим саму возможность существования знания. В подтверждение этого вывода Патнэм обращается к анализу параграфа 136 "Философских исследований", где Витгенштейн рассматривает отношение между понятиями истины и высказывания (пропозиции). Обычно высказывание определяют как то, что может быть истинным или ложным. Однако это не следует понимать так, что истина определяет природу высказывания. Ни одно из этих понятий не является основанием для другого. Понимание истины в любом конкретном случае задается тем, как мы понимаем содержание высказывания, а понимание высказывания зависит от нашего владения "языковой игрой", под которой Витгенштейн имеет в виду "единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен"²⁸.

По мнению Патнэма, этим своим рассуждением Витгенштейн "отдает должное" принципу Тарского, согласно которому назвать предложение истинным эквивалентно утверждению этого предложения, и тем самым сохраняет "реалистическое" понимание проблемы. Более того, Витгенштейн, считает Патнэм, разделяет с Тарским и отказ от идеи, что мы можем говорить обо "всех высказываниях" как

о раз и навсегда заданной совокупности и о единственном предикате истинности с раз и навсегда установленным значением. «Вместо того, чтобы искать отдельно стоящее свойство "истины" в надежде, что найдя, чем является это свойство, мы будем знать, какова природа высказываний и какова природа их соответствия реальности»²⁹, Витгенштейн обращает наше внимание на различные виды дискурса (этики, математики, религии и т.д.), подчеркивая их различное функционирование и различные способы связи с реальностью. Истина – это определенный вид правильности, который сильно варьирует от одного дискурса к другому. "Высказывание", "референция", "истина", "утверждение", "мысль" – все эти термины имеют многообразные способы употребления, к которым постоянно добавляются новые по мере того, как возникают новые дискурсы. Но это не означает, что какой угодно способ использования "знаков и шумов" будет признан нами как новая форма дискурса, поскольку не в любом способе проступает "лицо" значения.

Итак, мы рассмотрели новое решение Патнэмом проблемы реализма. Нельзя не отметить множество положительных сторон в этом решении. Во-первых, безусловной заслугой Патнэма является перенесение рассмотрения вопроса о реализме из чисто лингвистической плоскости в контекст размышлений о природе восприятия и сознания. Возвратясь к тому, как этот вопрос обсуждался философами в начале века, Патнэм обнажил тот пласт философских проблем, который, как правило, оставался "за кадром" в современных дискуссиях о реализме. Это несомненно придало значительно более весомый характер и самой концепции реализма Патнэма. Во-вторых, нельзя не отметить и достигнутой Патнэмом взвешенности в оценке своих противников. Если раньше его интерпретация метафизического реализма несла в себе довольно сильный элемент карикатурности, то теперь, когда главным возражением Патнэма против его "метафизического противника" становится

истолкование последним истины как некоторого единого и универсального свойства, "внешнего" по отношению к нашим способам мышления и говорения, спор между ними приобретает значительно более глубокий и серьезный характер. В качестве третьего достоинства следует указать то обстоятельство, что обращение к идеям Витгенштейна позволило Патнэму сформулировать значительно более гибкую и внутренне более согласованную концепцию. Его уже нельзя обвинить в простом "склеивании" элементов метафизического реализма и идеализма.

Конечно, новая трактовка истины Патнэмом, опирающаяся на идеи позднего Витгенштейна, лучше, на наш взгляд, согласуется с нашей практикой мышления и употребления языка, чем метафизический реализм. Ни в науке, ни в повседневной жизни мы никогда не можем выйти за "пределы" нашей практики с тем, чтобы установить соответствие наших суждений реальности. В этом нельзя не согласиться с Патнэмом, но метафизический реализм, трактующий истину как соответствие реальности, и не претендует на то, чтобы объяснить, *как* мы устанавливаем истинность в каждом конкретном случае. Идея соответствия образует "предельное" значение нашего понятия истины, устранив которое мы оказываемся на очень шаткой почве, даже имея точную и адекватную картину нашей практики установления истинности наших суждений о мире. Патнэм и сам это осознает, когда подчеркивает, что признает независимую от сознания реальность, перед которой мы несем "когнитивную ответственность". Однако в его концепции естественного реализма понятие независимой от сознания реальности не имеет никакой теоретической нагрузки; оно, по существу, остается лишь чистой декларацией. Патнэм не учитывает, что идея соответствия или подогнанности наших представлений внешнему миру как раз и является наиболее адекватным выражением нашей "когнитивной ответственности" перед реальностью. Отказ от этой идеи

разрушает, на наш взгляд, самое ядро реализма, не оставляя иной возможности трактовать истину как в терминах “правильности”, “согласованности”, “когерентности” и т.д.

Итак, мы проследили путь одного из наиболее интересных американских философов наших дней. Путь этот не был прямым, и он еще не окончен. Возможно, Патнэм ждут новые открытия и новые повороты в его поиске адекватной концепции реализма. Однако этот путь очень симптоматичен; он отражает общее направление исследований по проблеме реализма в современной аналитической философии. Мы видели, что вначале Патнэм стоял на позициях научного реализма и его главной заботой было показать, что развитие науки, проявляющееся в смене научных теорий и парадигм, в уточнении и пересмотре научных истин, не противоречит тому, что наука дает нам реальную картину внутреннего строения мира. Вопрос о реальности постулируемых научными теориями сущностей рассматривался им в контексте обоснования инвариантности референции научных терминов и критики традиционной теории значения. В этом Патнэм был не одинок, и его разработки вошли составной частью в выдвинутую рядом философов “новую теорию референции”, которая явилась важным событием в современной философии языка. Научный реализм Патнэма опирался на корреспондентную теорию истины, однако размышления над природой отношения соответствия (выступавшего для Патнэма прежде всего как отношение знака к обозначаемому) и над теми проблемами, с которыми сталкивается корреспондентная теория истины, заставили его резко пересмотреть свою прежнюю позицию, в которой он теперь обнаружил отголоски “деревенского материализма XIX века”. Вместе с другими философами (А.Файном, Б. ван Фраассеном, М.Даммитом и др.) Патнэм включился в мощное наступление на научный реализм под лозунгом его “метафизичности”, “догматичности”, “наивности” и т.д. Его критика метафизического реализма, рас-

смотрению которой мы уделили немало внимания в своем исследовании, как раз и является одним из наиболее ярких примеров этого наступления, которое главным образом велось против трактовки истины как соответствия реальности. Но если для многих философов “развенчание” идеи соответствия послужило поводом для принятия антиреалистической позиции, то Патнэм попытался сформулировать вариант реализма без корреспондентной теории истины. Так родилась концепция внутреннего реализма, в которой истина была истолкована как рациональная приемлемость при идеальных эпистемических условиях. В новом понимании Патнэмом реализма нашли преломление идеи многих современных философов, размышляющих над проблемой истины (прежде всего М.Даммита и Н.Гудмена). Однако, как показало наше исследование и как впоследствии признал сам Патнэм, концепция внутреннего реализма довольно непоследовательно соединяла в себе элементы реализма и идеализма. После долгих поисков Патнэм предложил новое решение – концепцию естественного реализма, сочетающую в себе непосредственный реализм в понимании восприятия и трактовку истины “в духе” позднего Витгенштейна. И вновь критика Патнэмом картезианского взгляда на природу ментального и теории тождества в философии сознания явилась выражением тех тенденций, которые набирают силу в современной аналитической философии. И даже активное использование Патнэмом идей позднего Витгенштейна отражает общее усиливающееся влияние этого мыслителя среди современных философов.

Таким образом, творческий поиск Патнэма обрисовывает общее состояние современного философского реализма, показывая, с какими проблемами он сталкивается и какие для них предложены решения, в чем достоинства и недостатки различных подходов, какие направления исследования оказались безрезультатными, а какие – обещают быть плодотворными.

¹ Некоторые из внесенных Патнэмом уточнений были довольно существенными. В частности, он отказывается от понятия идеальных эпистемических условий при определении истины и делает еще один серьезный шаг в сторону верификационизма Даммита. Так, в книге "Репрезентация и реальность" он определяет предикат "быть истинным" как "быть верифицированным в достаточной мере, чтобы гарантировать принятие предложения как истинного при достаточно хороших эпистемических условиях". Во избежание обвинений в антиреализме, Патнэм подчеркивает, что это определение позволяет избежать сведения истинности предложения к степени его подтверждения и не ограничивает совокупность истинных высказываний сферой актуального человеческого опыта. Однако в отличие от "идеальных" "достаточно хорошие" эпистемические условия уже не имеют однозначной трактовки.

² *Putnam H. Realism with a Human Face. Cambridge, 1992. P. 17.*

³ *Nagel T. A View from Nowhere. N. Y., 1985. P. 4.*

⁴ *Putnam H. Realism with a Human Face. P. 26.*

⁵ *Ibid. P. 27.*

⁶ *Ibid. P. 28.*

⁷ Более подробно об этих позициях речь пойдет дальше.

⁸ *Putnam H. Representation and Reality. Cambridge (Mass.), 1989. P. 73.*

⁹ *Harman G. The Intrinsic Quality of Experience // Philosophical Perspectives. 1990. Vol. 4. P. 32.*

¹⁰ См.: *Putnam H. Mind, Language, and Reality. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge, 1975.*

¹¹ Теория вычислений позволяет имплицитно определить и индивидуализировать любое состояние системы через всю совокупность его вычислимых отношений ко всем другим состояниям системы, однако никакая существующая психологическая теория не позволяет сформулировать совокупность законов, которые бы отличали, скажем, состояние ревности какого-то человека от любого другого психологического состояния. Поэтому установление тождества между состояниями, описываемыми теорией вычислений, и психологическими состояниями является безнадежной задачей.

¹² *Nagel T. What is it to be a Bat? // Philosophical Review, 1974. Vol. 83. P. 437.*

¹³ *Putnam H. Reason, Truth and History. P. 78.*

¹⁴ Патнэм упоминает в этой связи и Гильберта Райла, но отмечает, что его критика была менее удачной.

¹⁵ Putnam H. Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into the Powers of the Human Mind // The Journal of Philosophy. 1994. Vol. 91. № 9. P. 456.

¹⁶ Непосредственным реализмом называют такую позицию, когда восприятие трактуется как непосредственный контакт с миром, как непосредственное знание о внешних объектах; причем чувственно воспринимаемые свойства этих объектов (цвет, форма, размер и т.д.) понимаются как их подлинные свойства.

¹⁷ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 407.

¹⁸ Кратко напомним, что критика Остина главным образом направлена против тех аргументов, которые обычно выдвигают в пользу теории "чувственных данных" как некоторой ментальной сферы. Первый аргумент опирается на возможность ошибочных восприятий (например, прямая палочка в сосуде с водой воспринимается нами как изломанная; круглый стол, рассматриваемый под углом, выглядит имеющим форму эллипса, но поскольку палочка является прямой, а стол круглым, из этого делается вывод, что мы воспринимаем некоторый образ или ментальную картину палочки и стола, а не их самих). Другой аргумент построен на возможности одних и тех же восприятий во сне и наяву. Ход рассуждений здесь примерно такой: поскольку зрительные восприятия во сне не могут быть вызваны физическими объектами, спящий человек видит нечто ментальное, но и наяву он также воспринимает нечто ментальное, так как совершенно одинаковые восприятия (предполагается, что во сне и наяву человек может иметь качественно неразличимые восприятия) не могут быть вызваны вещами такой различной природы, как физический объект и ментальный образ. В ответ на первый аргумент Остин говорит, что слово "выглядит" указывает на неуверенное суждение относительно реальности, а не на бесспорное суждение относительно ментальной сферы. Мы говорим, что нечто *выглядит* как эллипс только тогда, когда у нас есть основания сомневаться в том, что нечто действительно имеет форму эллипса. Более того, даже если предположить возникновение ментального образа в сознании, когда мы зрительно воспринимаем какой-либо предмет, то было бы ошибочно описывать это "чувственное данное" как имеющее форму эллипса, длинное, красное и т.д. Что касается второго аргумента, то Остин указывает, что в нем использованы совершенно необоснованные допущения.

Во-первых, предполагается, что в сновидениях мы что-то воспринимаем. Во-вторых, делается совершенно необоснованный вывод, что если объект не является физическим, то он имеет ментальную природу. В-третьих, принимается как само собой разумеющееся, что опыт во сне и наяву является качественно неразличимым, хотя мы практически во всех случаях прекрасно чувствуем эту разницу. В-четвертых, в этом аргументе термины "непосредственный" и "опосредованный" имеют очень странное истолкование: объект, находящийся непосредственно перед нами, мы воспринимаем как изображение на внутреннем экране.

¹⁹ Следует уточнить, что Остин свою позицию определяет как реализм здравого смысла, который, наряду с наивным реализмом, представляет собой один из вариантов непосредственного реализма.

²⁰ Конечно, если сами *qualia* трактовать как события в мозге, а не как нематериальные результаты этих событий, то проблема механизма снимается, однако возникает множество других неразрешимых трудностей.

²¹ См.: *Fodor J. The Modularity of Mind. Cambridge, 1983.* Фодор называет "выходные данные" гипостазируемых им "модулей восприятия" *явлениями*, предполагая таким образом, что сам факт появления этих выходных данных является осознаваемым событием. Согласно Патнэму, подобное "объяснение" вынуждает нас заключить, что в случае "расщепленного мозга" (когда нарушены, к примеру, связи между "зрительным" участком коры головного мозга и "речевым" участком) имеют место зрительные "явления", которые человек не осознает, что безусловно является парадоксальным выводом.

²² Патнэм ссылается на результаты исследований, которые показали, что мозг имеет речевые центры, области, ответственные за различные виды памяти, но не имеет центров сознания.

²³ Патнэм называет ее "тождеством в результате теоретического отождествления" (*the identity of theoretical identification*).

²⁴ *Putnam H. Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into the Powers of the Human Mind. P. 482.*

²⁵ *Ibid. P. 483.*

²⁶ *Ibid. P. 494.*

- ²⁷ Среди сторонников этой точки зрения следует упомянуть С.Крипке, М.Даммита, Р.Рорти, Криспина Райта и многих других.
- ²⁸ *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 83.*
- ²⁹ *Putnam H. Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into the Powers of the Human Mind. P. 515.*

Заключение

Завершая рассмотрение философских взглядов Х. Патнэма, нам хотелось бы коснуться в связи с ним и более общего вопроса об исторической судьбе аналитической философии в XX веке. Философская эволюция Патнэма выразилась и в изменении его отношения к аналитической философии. Воспитанный в аналитических традициях, он первые два десятилетия своего творчества уверенно шел в авангарде этого движения. Однако затем для Патнэма наступил период критического осмысления задач философского исследования, завершившийся на рубеже 90-х годов декларацией о "смерти" того направления, к которому он себя причислял ранее. С полной уверенностью Патнэм констатировал, что «в тот самый момент, когда аналитическая философия была признана "доминирующим направлением" в мировой философии, она достигла конца своей собственной программы, который оказался не ее завершением, а смертельным исходом»¹.

Конечно, на примере одного философа вряд ли можно делать обобщения обо всем направлении, однако рассмотрение тех соображений, которые привели Патнэма к выводу о "смерти" аналитической философии, могут, на наш взгляд, высветить очень важное в исторической судьбе этого течения философской мысли.

Следует начать с того, что сам феномен "аналитической философии" не имеет сегодня однозначной оценки. Одни видят в ней важное направление в философии XX века, существующее наряду с феноменологией, экзистенциализмом, герменевтикой и т.д. Для других этот термин выражает лишь технику философствования, которая должна быть усвоена всеми современными философами независимо от того, какими проблемами они занимаются и к какой философской "епархии" себя причисляют. Первые

ссылаются на то, что современная аналитическая философия выросла из логического позитивизма и продолжает традиции этого направления. Вторые указывают на существование таких разновидностей аналитической философии, как аналитический прагматизм, аналитическая теология, аналитический марксизм и т.д. и подчеркивают, что специфика аналитической философии состоит не в области исследования (проблемное поле ее исследований достаточно широко) и не в приверженности к какой-либо философской доктрине. Сторонники и той, и другой точки зрения сходятся в том, что аналитическую философию отличает прежде всего ее метод, однако в характеристике этого метода опять нет единогласия.

Одни видят специфику аналитического метода в переходе от исследования объектов к анализу значения слов, обозначающих эти объекты. Для описания этой особенности аналитической философии У.Куайн ввел термин "семантическое восхождение", которое он определил как «перемещение от рассуждения о милях к рассуждению о "милях", от рассуждения в определенных терминах к рассуждению о самих этих терминах»². И хотя некоторые авторы, например Дж.Коэн, полагают, что семантическое восхождение не является общим для всей аналитической философии свойством, поскольку возможны в ее рамках и другие способы решения проблем, однако нельзя отрицать широкой распространенности метода лингвистического анализа среди аналитических философов, которые убеждены в том, что анализ языка дает ключ к решению многих философских и методологических проблем. Этим своим убеждением аналитические философы в определенной мере продолжают традицию логических позитивистов, которые видели в логическом анализе языка единственно возможный (научный) способ философствования. Но если логические позитивисты использовали анализ языка прежде всего для обоснования того, что большинство философ-

ских проблем лишены смысла и порождены неправильным употреблением языка, то для современных аналитических философов логико-семантические исследования служат средством действительного решения философских проблем. Как отмечал Патнэм в "аналитический" период своего творчества, "нельзя разрешить традиционные философские проблемы, просто показав, что они являются псевдопроблемами... Но это не означает, что философия языка или, говоря обобщенно, метафилософия не может внести никакого вклада в улучшение философской практики"³.

Для других авторов наиболее важной особенностью аналитического метода является приоритетное внимание к средствам аргументации, к поиску обоснований, к оценке оснований для принятия того или иного утверждения. Именно эта особенность, согласно Дж.Коэну, определяет специфику тех проблем, которые решают аналитические философы. По его мнению, эти проблемы имеют нормативный характер и связаны с анализом оснований и рациональной приемлемости различных утверждений, процедур, методов и т.д. Дж.Коэн поясняет свою мысль таким примером: для аналитического философа представляет интерес не проблема "Существует ли Бог?", а проблема "Как, на каких основаниях, если такие вообще имеют место, мы можем утверждать о существовании или несуществовании Бога. Эта последняя проблема имеет очевидный нормативный характер и связана с оценкой оснований для принятия утверждения о существовании Бога. Именно этот тип проблем, согласно Коэну, является тем единственным критерием, по которому можно отличить аналитическую философию от других форм и способов философствования. Более того, этот тип проблем образует основу для того, "диалога разума", который консолидирует аналитическую философию в некоторое целостное направление. Мы не беремся судить, насколько прав Коэн в выборе критерия единства аналитической философии, однако в одном он,

безусловно, прав — в подчеркивании того значения, которое аналитические философы придают средствам аргументации и поиску убедительных оснований для любого утверждения.

Для многих исследователей главное в методе аналитической философии заключено в его "научности". Безусловно, аналитических философов всегда отличало стремление строить свою философию "по образу и подобию" науки. Как известно, Бертран Рассел выступил с призывом применять методы наук (и прежде всего математический метод логического построения объектов) к решению философских проблем. Рудольф Карнап и другие логические позитивисты защищали идею философии как логического анализа науки. Однако эта тенденция нашла свой апофеоз в трудах Куайна, провозгласившего философию одной из эмпирических наук. Уподобление философии научной деятельности требует от тех, кто ею занимается, глубокого знания деталей аспектов доктрины, применяемой терминологии и методов исследования. Использование точных средств логического анализа, строгое обоснование каждого вывода, ясная и четкая постановка проблем, апелляция к данным науки и фактам ее истории — все это ставит перед философами задачу стать профессионалами и овладеть всеми сложными средствами и техническими тонкостями, которые сопровождают любую высокоразвитую и специализированную дисциплину. Этот способ философствования по научным образцам и стандартам имеет для философии как положительные, так и негативные последствия. С одной стороны, использование точных методов анализа (и прежде всего методов логического анализа) дает определенные преимущества: это позволяет более четко сформулировать проблему, выявить неявные допущения той или иной точки зрения, уточнить и провести сопоставление различных концепций, дать их строгое и систематическое изложение. Однако, с другой стороны, "профессионализация" философии означает ее превращение в область,

где небольшое число специалистов пишут лишь друг для друга. Тем самым философия утрачивает связь с теми реальными проблемами, которые представляют интерес для каждого человека; она перестает выполнять свою просветительную и разъясняющую "работу" в культуре.

Если мы обратимся теперь к Патнэму "аналитического периода", то мы обнаружим в его способе философствования все перечисленные выше особенности аналитического метода. Как мы видели, основным объектом анализа для него в это время являются значения таких понятий, как "истина", "референция", "соответствие" и т.д. Более того, Патнэм переводит рассмотрение вопроса об отношении мышления и реальности в чисто лингвистическую плоскость, где "гносеологическое отношение теорий и других форм знания к действительности ... принимает вид семантического отношения знаков к обозначаемому"⁴. Вообще понятие референции играет исключительно важную роль в философско-методологической концепции Патнэма: в нем, как в фокусе, сходятся все основные аспекты этой концепции.

Характерно для Патнэма и педантично внимательное отношение к выявлению тех оснований, которые оправдывают принятие выдвигаемых им положений; с воодушевлением воспринимает он и научный характер аналитической философии. В это время он пишет: «Если бы потребовалось какое-нибудь еще доказательство здорового состояния философии в настоящее время, то оно было бы предоставлено толпами интеллектуалов, жалующихся на излишнюю "техничность" философии, потому что такие жалобы неизменно появляются тогда, когда философия значима и жизненна! ... Прискорбный факт заключается в том, что хорошая философия всегда была и будет трудной...»⁵.

Однако уже в этот период в творчестве Патнэма проявляются черты, которые выделяют его среди других аналитических философов. Одну из таких особенностей отме-

тил Р.Рорти в своей книге "Философия и зеркало природы" ("Philosophy and the Mirror of Nature", 1979). Рассуждая о современной философии языка, Рорти отмечает в ней два направления: "чистую" философию языка, не имеющую непосредственной связи с традиционными философскими проблемами и ограничивающуюся исключительно сферой языка, и "смешанную", которая носит выраженный эпистемологический характер и представляет собой "попытку сохранить кантовское понимание философии как обеспечивающей постоянный внеисторический каркас для исследований в виде теории знания"⁶. По мнению Рорти, это второе направление наиболее полно реализуется в творчестве Патнэма. Сказанное означает, что с самого начала Патнэма не удовлетворяла чисто "лингвистическая" постановка проблем и он стремился к более широкому контексту их обсуждения.

Видимо, благодаря этой особенности Патнэму удалось быстрее преодолеть доставшееся в наследство аналитическим философам от логического позитивизма отношение к предшествующей философии. Как известно, логический позитивизм заявил о своем полном отказе от "старой метафизики" и выдвинул идею философии, которая должна быть построена исключительно в "современных терминах". Это стремление "отмести прошлое и понять все совершенно по-современному" имеет в своей основе ту "привлекательную мысль, что это дает освобождение от мертвого груза прошлых ошибок и иллюзий. Мышление сбрасывает свои цепи. Для этого требуется своего рода высшее мужество, поскольку обычно мы чувствуем себя удобно и безопасно в тюрьме прошлого"⁷. Однако такое подрезание корней иссушает дерево. Конечно, аналитические философы обращаются к прошлым авторам, но относятся к ним как к "современникам" или как к "вневременным" персонажам, которым можно позволить "вступить в дискуссию", поскольку они хорошо сформулировали идею, заслуживаю-

шую быть услышанной.

Патнэма последних лет отличает все возрастающий интерес к истории философии. И хотя во многом его отношение несет на себе "следы" описанной выше привычки смотреть на предшествующих философов как участников вневременного "диалога разума", путь, который он проделал, просто гигантский. Достаточно упомянуть, что если в первых работах Патнэма Кант был для него философом, придерживающимся странных взглядов о синтетической априорной природе геометрии и арифметики, то теперь Патнэм заявляет, что "почти все проблемы в философии приобрели форму, в которой они представляют реальный интерес, только благодаря Канту"⁸.

Сегодняшний Патнэм иначе смотрит и на стремление аналитических философов строить свою философию по "образу и подобию" науки. И хотя он не склонен принижать сложный "технический" характер философского анализа, он постоянно подчеркивает гуманистический характер философии, ее связь с проблемами реального человека и ее направленность на образование и просвещение.

Тот факт, что аналитическая философия превратилась в занятие для немногих профессионалов и замкнулась на своих узко специальных проблемах, отстранилась от живого диалога с предшествующей философией и утратила гуманистический характер, во многом объясняет ее историческую судьбу. И хотя Патнэм видит главную причину "летального исхода" аналитической философии в том, что провалился грандиозный метафизический проект открыть "Строение Вселенной", на наш взгляд, значительно большее значение для понимания современного состояния аналитической философии имеют перечисленные выше факторы, поскольку именно стремление философов преодолеть указанную "ограниченность" аналитического метода и размывает "жесткое ядро" аналитического движения и превращает его в достаточно аморфное образование.

-
- ¹ *Putnam H.* Realism with a Human Face. P. 51.
- ² *Quine W.* Word and Object. Cambridge, 1960. P. 40.
- ³ *Putnam H.* Meaning and the Moral Sciences. P. 273.
- ⁴ *Козлова М.С.* Философия и язык (Критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в.). М., 1972. С. 6-7.
- ⁵ *Putnam H.* Mind, Language and Reality. P. 132-133.
- ⁶ *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979. P. 257.
- ⁷ *Taylor Ch.* Philosophy and Its History // Philosophy in History. Ed. Rorty R., Schneewind J.B. & Skinner Q. Cambridge, 1985. P. 17.
- ⁸ *Putnam H.* Realism with a Human Face. P. 3.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
2. *Арутюнова Н.Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 5-40.
3. *Бирюков Б.В.* Теория смысла Готлоба Фреге // Применение логики в науке и технике. М., 1960. С. 502-555.
4. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
5. *Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления: Логико-гносеол. анализ. М.: Изд-во МГУ, 1989.
6. *Даммит М.* Общение и конвенциональность // *Философия. Логика. Язык*. М., 1987. С. 127-212.
7. *Карнап Р.* Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.
8. *Козлова М.С.* Философия и язык (Крит. анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в.). М.: Мысль, 1972.
9. *Козлова М.С.* Размышления о феноменах сознания в работах позднего Л.Витгенштейна // Проблема сознания в современной западной философии. Критика некоторых концепций. М., 1989. С. 190-213.
10. *Крипке С.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 340-376.
11. *Ледников Е.Е.* Критический анализ номиналистических и платонистических тенденций в современной логике. Киев: Наукова Думка, 1973.
12. *Лейбниц Г.* Сочинения: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983.
13. *Маккинси М.* Фреге, Рассел и проблема, связанная с понятием "убеждение" // *Логос*. 1995. № 6. С. 248-259.
14. *Никифоров А.Л.* От формальной логики к истории науки: Крит. анализ буржуаз. методол. науки. М.: Наука, 1983.
15. *Никифоров А.Л.* Понятие истины в философии науки XX века // Проблема истины в современной западной философии науки. М., 1987. С. 24-33.

16. *Новиков П.С.* Элементы математической логики. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1973.
17. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла. Современ. логико-филос. анализ языка. М.: Мысль, 1983.
18. *Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 377-390.
19. *Патнэм Х.* Как нельзя говорить о значении (комментарий к статье Дж.Дж.Смарта) // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 396-418.
20. *Петров В.В.* Истина и значение // Проблемы логики и методологии науки. Новосибирск: Наука, 1982. С. 218-229.
21. *Петров В.В.* Проблема указания в языке науки. Новосибирск: Наука, 1977.
22. *Петров В.В.* Философские аспекты референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 406-414.
23. *Петров В.В.* Структуры значения: Логический анализ. Новосибирск: Наука, 1979.
24. *Поппер К.* Логика и рост научного знания: Избр. работы. М.: Прогресс, 1983.
25. *Порус В.Н., Никифоров А.Л.* Эволюция образа науки во второй половине XX в. // В поисках теории развития науки. М., 1982. С. 150-181.
26. *Порус В.Н.* "Научный реализм" и научное знание // Филос. науки. 1984. № 6. С. 95-103.
27. *Порус В.Н.* "Научный реализм" и развитие научного знания // "Научный реализм" и проблемы эволюции научного знания. М., 1984. С. 1-33.
28. *Порус В.Н.* Спор об истине ("научный реализм" против инструментализма) // Проблема истины в современной западной философии науки. М., 1987. С. 7-23.
29. *Рассел Б.* Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 41-54.
30. *Смирнова Е.Д.* Основы логической семантики. М.: Высшая школа, 1990.
31. *Смирнова Е.Д., Таванец П.В.* Семантика в логике // Логическая семантика и модальная логика. М., 1967. С. 3-53.
32. Современная аналитическая философия. Вып. 1. М., 1988.
33. *Тондл Л.* Проблемы семантики. М.: Прогресс, 1975.

34. *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // *Философия. Логика. Язык.* М., 1987. С. 18-47.
35. *Фреге Г.* Смысл и денотат // *Семиотика и информатика.* Вып. 8. М., 1977. С. 181-210.
36. *Чудинов Э.М.* Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977.
37. *Юлина Н.С.* О буржуазной философии 60-70-х годов // *Проблемы и противоречия буржуазной философии 60-70-х годов XX века.* М., 1983. С. 5-29.
38. *Юлина Н.С.* Проблема метафизики в американской философии XX века: Крит. очерк эмпирико-позитивист. течений. М.: Наука, 1978.
39. *Ayer A.J.* *Philosophy in the Twentieth Century.* L.: Weidenfeld and Nicolson, 1982.
40. *Bach K.* *Thought and Reference.* Oxford: Clarendon press, 1987.
41. *Brueckner A.L.* Brains in a Vat // *Journal of Philosophy.* 1986. Vol. 83. № 3. P. 148-167.
42. *Brueckner A.L.* Putnam's Model-Theoretic Argument against Metaphysical Realism // *Analysis.* 1984. Vol. 44. № 3. P. 134-140.
43. *Burge T.* Belief De Re // *Journal of Philosophy.* 1977. Vol. 74. № 6. P. 338-362.
44. *Burge T.* Sinning Against Frege // *Philosophical Review.* 1979. Vol. 88. № 3. P. 398-432.
45. *Cohen L.J.* *The Dialogue of Reason: An Analysis of Analytical Philosophy.* Oxford: Clarendon press, 1986.
46. *Davidson D.* Reality without Reference // *Reference, Truth and Reality. Essays on the Philosophy of Language / Ed. Platts M. L. etc.,* 1980. P. 131-140.
47. *Devitt M.* *Designation.* N.Y.: Columbia Univ. Press, 1981.
48. *Devitt M., Sterelny K.* *Language and Reality: An Introduction to the Philosophy of Language.* Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1987.
49. *Donnellan K.S.* Proper Names and Identifying Descriptions // *Synthese.* 1970. Vol. 21. № 3-4. P. 335-358.
50. *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions // *Naming, Necessity and Natural Kinds /Ed. S.P.Schwartz.* Ithaca etc., 1977. P. 42-65.
51. *Dupre J.* Natural Kinds and Biological Taxa // *The Philosophical Review.* 1981. Vol. 90. № 1. P. 66-90.

52. An Encyclopaedia of Philosophy. Gen. ed. Parkinson G.H.R. L., 1988.
53. *Evans G.* The Causal Theory of Names // Naming, Necessity and Natural Kinds / Ed. S.P.Schwartz. Ithaca etc., 1977. P. 192-215.
54. *Field H.* Tarski's Theory of Truth // Journal of Philosophy. 1972. Vol. 69. № 13. P. 345-375.
55. *Hacking I.* Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Sciences. Cambridge: Camb. Univ. press, 1983.
56. *Hacking I.* Why does Language Matter to Philosophy? Cambridge: Camb. Univ. press, 1975.
57. *Harman G.* The Intrinsic Quality of Experience // Philosophical Perspectives. 1990. Vol. 4. P. 30-59.
58. *Harre R.* Varieties of Realism: A Rationale for the Natural Sciences. Oxford, N.Y.: Blackwell, 1986.
59. *Katz J.* Has the Description Theory of Names Been Refuted? // Meaning and Method: Essays in Honor of Hilary Putnam / Ed. Boolos G. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1990. P. 31-61.
60. *Koethe J.* Putnam's Argument Against Realism // Philosophical Review. 1979. Vol. 88. № 1. P. 92-99.
61. *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1980.
62. *Lakoff G.* Cognitive Semantics // Meaning and Mental Representations / Ed. Eco U. et al. Bloomington, Indianapolis: Indiana Univ. press, 1988. P. 119-154.
63. *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind. Chicago etc.: Univ. of Chicago Press, 1987.
64. *Linsky L.* Names and Descriptions. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1977.
65. *Linsky L.* Referring. N.Y.: Humanities Press, 1967.
66. *McIntyre J.* Putnam's Brains // Analysis. 1984. Vol. 44. № 2. P. 59-61.
67. Meaning and Mental Representations / Ed. Eco U. et al. Bloomington, Indianapolis, 1988.
68. *Munitz M.K.* Contemporary Analytic Philosophy. N.Y., L.: Macmillan Publishing CO., 1981.
69. *Nagel T.* What Is It To Be A Bat? // Philosophical Review. 1974. Vol. 83. № 4. P. 435-450.

70. *Nagel T.* The View From Nowhere. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1986.
71. Naming, Necessity and Natural Kinds / Ed. Schwartz S.P. Ithaca, L., 1977.
72. *Passmore J.* Recent Philosophers: A Supplement to "A Hundred Years of Philosophy". L.: Duckworth, 1985.
73. The Philosophy of Language / Ed. Martinich A. N.Y., Oxford, 1985.
74. *Popper K.R.* Realism and the Aim of Science. From the Postscript to "The Logic of Scientific Discovery" / Ed. Bartley W.W., L., 1983.
75. *Putnam H.* Explanation and Reference // Conceptual Change / Ed. Pearce G. and Maynard P. Dordrecht, 1973. P. 199-221.
76. *Putnam H.* Is Semantics Possible? // Language, Belief and Metaphysics. Ed. Kiefer H. and Munitz M. Albany, 1970. P. 50-63.
77. *Putnam H.* The Many Faces of Realism. La Salle, Ill.: Open Court, 1987.
78. *Putnam H.* Mathematics, Matter and Method. Philosophical Papers. Vol. 1. 2 ed. Cambridge. etc.: Camb. Univ. Press, 1975.
79. *Putnam H.* Meaning and the Moral Sciences. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978.
80. *Putnam H.* Mind, Language and Reality. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1975.
81. *Putnam H.* Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1983.
82. *Putnam H.* Realism with a Human Face. Cambridge etc.: Harvard Univ. Press, 1990.
83. *Putnam H.* Reason, Truth and History. Cambridge. etc.: Camb. Univ. Press, 1981.
84. *Putnam H.* Reference and Understanding // Meaning and Use. Ed. Margalit A. Dordrecht, 1979. P. 199-217.
85. *Putnam H.* Renewing Philosophy. Cambridge (Mass.), L.: Harvard Univ. Press, 1992.
86. *Putnam H.* Representation and Reality. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1989.
87. *Putnam H.* Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into Powers of the Human Mind // Journal of Philosophy. 1994. Vol. 91. № 9. P. 445-517.

89. *Putnam R.A.* Creating Facts and Values // Philosophy. 1985. Vol. 60, № 232. P. 187-204.
90. *Quassim Cassam.* Science and Essence // Philosophy. 1986. Vol. 61, № 235. P. 95-107.
91. *Quine W.* Word and Object. Cambridge (Mass.) etc.: Wiley, 1960.
92. *Rescher N.* Scientific Realism. A Critical Reappraisal. Dordrecht: D.Reidel, 1987.
93. *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton Univ. Press, 1979.
94. *Russell B.* Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // Propositions and Attitudes / Ed. Salmon N. and Soames S. Oxford, 1988. P. 16-32.
95. *Russell B.* On Denoting // *Russell B.* Logic and Knowledge / Ed. Marsh R.Ch. L., 1956. P.41-56.
96. *Salmon N.* Reference and Essence. Oxford: Basil Blackwell, 1982.
97. *Schiffer S.* Indexicals and the Theory of Reference // Synthese. 1981. Vol. 49. № 1. P. 43-100.
98. *Schiffer S.* Meaning. Oxford: Oxford Univ. Press, 1972.
99. *Scruton R.* Modern Philosophy: A Survey. L.: Sinclair-Stevenson, 1994.
100. *Smart J.J.C.* Realism versus Idealism // Philosophy. 1986. Vol. 61. № 237. P. 295-312.
101. *Tarski A.* The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research. 1944. Vol. 4. № 3. P. 341-375.
102. *Taylor Ch.* Philosophy and its History // Philosophy in History / Ed. Rorty R., Schneewind J.B., Skinner Q. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1984.
103. *Wilkerson T.E.* Natural Kinds // Philosophy. 1988. Vol. 63. №. 243. P. 29-42.
104. *Williams M.* Hilary Putnam: "Reason, Truth and History" // Journal of Philosophy. 1984. Vol. 81. № 5. P. 257-261.
105. *Wilson M.* Predicate Meets Property // Philosophical Review. 1982. Vol. 91. № 4. P. 549-589.
106. *Worrall J.* Scientific Realism and Scientific Change // Philosophical Review. 1982. Vol. 32. № 128. P. 201-231.
107. *Wright C.* Realism, Meaning and Truth. N.Y., Oxford: Basil Blackwell, 1987.

Оглавление

Введение	3
Глава I. "Научный реализм" Х. Патнэма и проблема значения	12
1. <i>Защита "научного реализма"</i>	12
2. <i>Критика традиционной теории значения</i>	22
3. <i>Основные положения новой теории референции</i>	39
4. <i>Философские следствия новой теории референции</i>	57
Глава II. "Внутренний реализм" Х. Патнэма и проблема истины	78
1. <i>Новая концепция истины</i>	78
2. <i>Критика метафизического реализма</i>	93
3. <i>Теоретико-модельный аргумент против метафизического реализма</i>	104
4. <i>"Внутренний реализм" и релятивизм</i>	119
5. <i>Реализм или антиреализм?</i>	133
Глава III "Естественный реализм" Х. Патнэма и проблема восприятия	147
1. <i>"Реализм с человеческим лицом"</i>	147
2. <i>Новый подход к проблеме восприятия</i>	155
Заключение	176
Список литературы	184

Научное издание

МАКЕЕВА Лолита Брониславовна

ФИЛОСОФИЯ Х. ПАТНЭМА

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции
Художник *В. К. Кузнецов*
Корректор *Е. В. Захарова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 5.11.96.

Формат 70х100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 5,96. Уч.-изд.л. 7,34. Тираж 500 экз. Заказ № 034.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор автора
Компьютерная верстка *М. В. Лескинен*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14